

SPERO

**Социальная политика:
экспертиза, рекомендации, обзоры**

№ 5

Осень — Зима 2006

Редакционная коллегия

Главный редактор	Малева Татьяна Михайловна, к.э.н., директор Независимого института социальной политики
Зам. главного редактора	Синявская Оксана Вячеславовна, к.э.н., зам. директора НИСП, директор программы международного сотрудничества Независимого института социальной политики
Ответственный редактор	Добрякова Мария Сергеевна, к.соц.н., дирек- тор публикационной программы Независимого института социальной политики

ISSN 1818-6963

Издание осуществляется при финансовой поддержке
Фонда Дж. и К. Макартуров и Фонда Форда

Координаты редакции

Москва, Глинищевский переулок, д. 3

Тел.: (495) 786 6718

Факс: (495) 692 9651

E-mail: spero@socpol.ru

Электронная версия: <http://spero.socpol.ru>

Редакционный совет журнала

Павлова-Сильванская Марина Павловна (председатель)	к.и.н., консультант журнала «Pro et Contra» Московского центра Карнеги
Аузан Александр Александрович	д.э.н., профессор, Президент Института Национального проекта «Общественный договор», Президент Ассоциации независимых центров экономического анализа
Васильев Сергей Александрович	д.э.н., представитель в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от правительства Ленинградской области, Председатель Комитета Совета Федерации по финансовым рынкам и денежному обращению, научный руководитель Международного центра социально-экономических исследований «Леонтьевский центр»
Вишневский Анатолий Григорьевич	д.э.н., действительный член РАЕН, руководитель Центра демографии и экологии человека ИМП РАН, главный редактор информационного бюллетеня «Население и общество», главный редактор электронного еженедельника «Демоскоп Weekly»
Малева Татьяна Михайловна	к.э.н., директор Независимого института социальной политики
Плискевич Наталья Михайловна	к.э.н., редактор отдела редакции журналов «Общественные науки и современность» и «Social Sciences», Президиум РАН
Полетаев Андрей Владимирович	д.э.н., профессор, заместитель директора Института гуманитарных историко-теоретических исследований ГУ ВШЭ, заведующий сектором Института мировой экономики и международных отношений РАН
Ясина Ирина Евгеньевна	к.э.н., ведущий научный сотрудник Института экономики переходного периода, председатель Экспертного совета Клуба региональной журналистики

Содержание

Памяти Юрия Александровича Левады5

Методологические проблемы социальной политики

Г. Эспин-Андерсен. Снова на пути к хорошему обществу?7

В фокусе внимания: демография

С.В. Захаров. Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х гг.33

Т.М. Малева, О.В. Синявская. Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике.....70

Я.М. Рощина. Моделирование факторов склонности семьи к рождению ребенка в России98

М. Ронсен. Рождаемость и семейная политика в Норвегии: размышления о тенденциях и возможных связях.....134

С.В. Рязанцев, Е.Е. Письменная. Роль международной миграции в Россию в демографическом и социально-экономическом развитии страны151

Экспертное мнение

Т.Л. Клячко. Социально-экономическое развитие российской системы образования в 2000—2005 гг.170

Новое в методах

А.И. Пишняк. Исследование стилей жизни: психографический метод в социологических исследованиях202

Книжное обозрение: эконом-географы о социальных проблемах

Н.В. Зубаревич. Рецензии на книги: Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: географические очерки (2003); Нефедова Т., Пеллот Д. Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? (2006).....215

Социальное законодательство

Левина М.И. Обзор социального законодательства: весна — осень 2006 г.....219

Общественное мнение

Косова Л.Б., Белецкая А.В. Динамика представлений о семейных ролях: вторичный анализ данных ISSP (International Social Survey Programme)232

Сведения об авторах.....239

Аннотации к статьям.....240

Summaries244

Памяти Юрия Александровича Левады

Сознание не может смириться с тем, что Юрия Александровича Левады уже нет... Тем важнее понять — и, может быть, помочь оценить другим, — кем он был, остается и, хочется верить, останется. Левада был человеком деятельным и коллективным. Социально-неравнодушным и ответственным. Убежденным и последовательным. Такой индивидуальный склад, помноженный к тому же на безукоризненную научную честность и человеческую порядочность, об обаянии личности не говорим, составлял чрезвычайную редкость и притягивал к нему многих. Но многих — а их было куда больше! — отталкивал. Он явно противоречил всей антропологии советского общества и человека.

«Я не умею работать без интереса», — сказал Левада в одном интервью (а само понятие повторял не раз, иногда, применительно к другим, еще называя его словом «страсть»). Казалось бы, просто? Но такое свойство — приходится напоминать — тоже было исключительным. Это сейчас им как будто бы восхищаются, но прежде его не прощали. Поскольку привычным среди окружающих было совсем другое — «мучиться», «отбывать повинность», «тянуть ляжку», «сидеть на двух стульях», «отдавать кесарю кесарево».

Вокруг Левады постоянно были люди. В раздробленном, распыленном, испуганном и настороженном советском социуме подобное, опять-таки, было подозрительным. Добровольная сплоченность вокруг чего-то смотрелась опасным вызовом: «Чем это они там занимаются?» И тут же поспешное и шкурное: «Да они же нас всех погубят!» А ведь такую реакцию (и со стороны людей, считавшихся «приличными») приходилось видеть-слышать даже во вполне вегетарианском 1984—1985-м. Что уж говорить о 1969—1970-м — после советских танков в Праге и начала эмиграции из СССР, после процесса Галанскова — Гинзбурга и разгрома «Нового мира»? Тогда и пошли под нож идеологически не выдержанные «Лекции по социологии» Левады, а их автора, доктора философии, лишили профессорского звания, отрезали от возможностей преподавать и публиковаться, разогнали возглавляемый им отдел.

Но Левада никогда не прекращал дело. Он любил собирать людей. И умел их сохранять, хотя специальных, видимых усилий к тому, кажется, не прикладывал (по крайней мере, они не бросались в глаза). Характерно,

что многие его сотрудники и единомышленники второй половины 1960-х гг. пришли вместе с ним — через двадцать лет, и каких лет! — в июле 1988 г. в недавно созданный ВЦИОМ, чтобы работать там до нынешнего дня. Показательно, что и открытый (эта публичность была для Левады принципиальной!) семинар того же времени конца 1960-х гг. был возрожден в конце 1970-х в ЦЭМИ и Гипротееатре, а потом, еще после нескольких лет перерыва, перенесен во ВЦИОМ и существует в Левада-Центре по сей час. И когда в сентябре 2003 г. возникла угроза огосударствления нашего Центра и смены его руководства, весь новый коллектив Левады единодушно и сознательно опять ушел вместе со своим лидером (не начальником, а именно лидером!).

Однако при всей многодесятилетней преемственности в работе, ее темах, направленности и уровне, при всей верности старым связям, их неустанной поддержке и заботливым бережении Левада постоянно и естественно становился первым, кто начинает новое. И делает это резко, бесповоротно. Мягкость Юрия Александровича в общении не должна скрывать решительность его поступков и однозначность выбора: он не был задирой, никогда не кипятился, но уж примирителем и релятивистом не был тем паче. Он не просто чувствовал время — он его воплощал. И указывал, если кто хотел видеть. Его отдел в тогдашнем ВЦИОМе назывался отделом теории. Сам он был теоретиком, что называется, от Бога: его считанные, но так и не прочитанные научным сообществом статьи как будто бы немого десятилетия 1974—1984 гг. в конспективном наброске представляют единственный на тот момент в России да, в общем, и по сей день теоретический проект социологии как самостоятельной дисциплины (в 1993 г. они вошли в составленный учениками и сотрудниками сборник «Статьи по социологии»). Но в 1988 г. Левада разом постановил для себя и дал понять ближайшим сотрудникам: «Сегодня нужно другое». Так родилась и, по историческим масштабам, очень быстро оформилась разновидность социологии, которой, кажется, нет аналогов ни у нас в стране, ни за рубежом. Она основывается на гигантских массивах эмпирических данных, полученных в ходе регулярных по ритму, но постоянно меняющихся по содержанию, к тому же, как правило, заказных опросов общественного мнения, и вместе с тем ставит задачу описания и объяснения социальных процессов, которые и составляют нынешнее российское общество (не государство!), происходят в его «низах» и «верхах».

Интересом самого Левады в рамках этого нового его проекта была (и это тоже характерно!) антропология советского — выживающего, адаптирующегося, применяющегося к обстоятельствам — человека в постсоветских условиях, в постимперских рамках, на руинах тоталитарного уклада. Во многом, и даже прежде всего, именно этому были посвящены его статьи последних двенадцати лет, составившие два массивных сборника — «От мнений к пониманию» (2000) и «Ищем человека» (2006). Почтительные ссылки на них как будто бы встречаются в журналах и книгах — идеи же по-прежнему не обсуждены, не взяты в работу. А время идет. И его, как любил повторять Левада, надо понимать.

*Борис Дубин,
руководитель Отдела социально-политических
исследований Аналитического центра
Юрия Левады*

С.В. Захаров

Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России в 1980-х гг.

Постановка проблемы

В преддверии ожидаемого принятия новых мер семейной политики, намеченных, согласно заявлениям Президента РФ В.В. Путина¹ и официальных лиц в Правительстве РФ², на 2007 г., анализ прошлого опыта проведения активной политики по отношению к семье, в первую очередь отечественного, имеет важное значение для оценки возможного демографического эффекта новых мер и возможных социальных последствий от их введения в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Следует отметить, что согласно официальным заявлениям, новый комплекс мер будет прямо ориентирован на «стимулирование рождаемости», т.е. основная цель их принятия — повышение рождаемости в стране. Никогда прежде в истории нашей страны пронаталистская направленность государственной политики не артикулировалась столь явно. И в 1930—1940-е гг., когда предпринимались первые попытки государственного вмешательства в демографическую сферу, и в 1980-х гг., когда, по сути, был создан основной каркас действующей системы мер семейно-ориентированной политики, курс на повышение рождаемости на официальном уровне открыто не провозглашался. В официальных документах соответствующих лет говорилось о необходимости усиления *помощи* семьям, работающим матерям в их жизнедеятельности и, в частности, выполнении ими важной социально-демографической функции. Очевидный пронатализм вводимых мер, хотя и без затруднений, но лишь угадывался как из самого списка мер, так и из преамбул соответствующих документов, демонстрирующих озабоченность демографической ситуацией и обосновывающих необходимость принятия специальных решений.

Не обсуждая сейчас ситуационную обоснованность, по сути, парадигмальной смены целевых ориентиров политики государства по отношению к семье и подоплеку такой «смены вех» в более широком политическом контексте в современной России, необходимо все же подчеркнуть, что государство сегодня принимает на себя повышенные обязательства не только по правовому и финансово-экономическому обеспечению предлагаемых мер политики, но и в отношении поставленных задач — повышения рождаемости со всеми возможными социальными последствиями. Такого уровня ответственность российская государственность на себя не прини-

¹ <http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/05/105546.shtml>

² <http://www.mzsrrf.ru/vust/96.html>; <http://www.mzsrrf.ru/news/294.html>;
<http://www.mzsrrf.ru/news/326.html>; <http://www.mzsrrf.ru/news/374.html>

мала, по крайней мере, в официально декларируемой форме, ни в период империи, ни в советский, ни в постсоветский период.

В то же время, как показывает отечественный и зарубежный опыт, семейно-ориентированная политика, даже если она прямо и не направлена на изменение уровня рождаемости, т.е. в самом общем случае: а) может приводить к не только желательным и предсказуемым, но и к нежелательным и непредсказуемым демографическим результатам; б) может вызывать отрицательные социальные последствия, сопровождающие, а иногда и перевешивающие по своему значению для общества положительные сдвиги. Если же перед политикой прямо ставится цель за короткое время повысить уровень рождаемости до заданного уровня, как предлагается в обсуждаемом новом варианте «Концепции демографического развития страны», с сегодняшних 1,3 до 1,65–1,7 детей в расчете на одну женщину³, то возникает важный вопрос о том, насколько этот целевой ориентир в демографической сфере сбалансирован с приоритетами и целевыми ориентирами в других общественных сферах, в частности, в сфере труда и занятости, образования, здравоохранения. Не окажется ли, что для общества в целом социально-экономическая цена желаемого демографического результата, если он и будет достигнут, окажется слишком высокой? Мировая история учит, что резкие изменения скорости течения демографических процессов никогда не проходят безболезненно для всех подсистем общества.

Достаточно известен факт, что антиалкогольная кампания во второй половине 1980-х гг., по крайней мере на короткий период, вызвала существенное снижение смертности, но в то же время усилила неустойчивость финансово-экономической системы страны и, тем самым, ускорила крах советской политической системы в целом, не говоря уж о том, что она дала резкий толчок к росту криминогенности, распространенности токсикомании и наркомании. Менее известно, что вследствие ускорения темпов формирования семей под воздействием мер семейной политики в 1980-е гг. расширилось поле бедности не только потому, что увеличилось число детей у очень молодых родителей, но и потому, что несколько миллионов домашних хозяйств опирались только на один «мужской» доход, поскольку женщины находились в более длительных, чем прежде, отпусках по уходу за ребенком (пособия в семейном бюджете играли мизерную роль, да и к тому же быстро обесценивались в силу нарастающей инфляции и тотального дефицита потребительских товаров). Это обстоятельство значительно снизило адаптационные возможности российских семей в первые, самые трудные годы перехода к рыночным экономическим отношениям.

К сожалению, следует констатировать, что всестороннего анализа результатов семейной политики 1980-х гг., даже спустя полтора десятилетия после ее условного завершения в 1990 г., мы не имеем. Если демографы, со своей стороны, все же высказывались в печати по поводу ее демографической эффективности (кто вскользь, кто более развернуто и доказа-

³ Именно этих показателей предлагается достичь к 2015 г., о чем говорится, в частности, в получившем известность варианте программы демографического развития России, подготовленном широким кругом авторов при поддержке ООО «Деловая Россия», которую, в свою очередь, активно использует Министерство здравоохранения и социального развития при подготовке официального варианта. См.: Национальная программа демографического развития России. М., 2006. Октябрь. С. 11.

тельно), то со стороны экономистов и социологов нет опубликованных работ, в которых хотя бы затрагивалась данная тема⁴. Как будет показано ниже, в короткий календарный период в стране родилось на 2,3 млн. детей больше, чем можно было бы ожидать в отсутствие политики. Как это сказалось на микроэкономике семьи и внутрисемейных трансфертных отношениях, в частности? К каким последствиям для образовательной и трудовой биографии женщины и мужчины это привело? Способствовали ли льготы и прочие меры политики внутрисемейному и межпоколенному сплочению? Усилила ли политика гендерное равенство в семейной и внесемейной сферах жизнедеятельности? В какой мере были востребованы и использованы отпуска по уходу за ребенком? На эти и на многие другие вопросы мы ответов не знаем.

В данной работе мы вновь вынуждены ограничиться рассмотрением лишь демографических аспектов результатов семейной политики 1980-х гг. К этому побуждает, во-первых, наличие необходимой и вполне надежной официальной демографической информации (переписи населения, текущая регистрация рождений). К сегодняшнему дню существует исчерпывающая информация об истории рождаемости поколений, начинавших в 1980-х гг. свой репродуктивный цикл. Во-вторых, есть возможность существенным образом дополнить макростатистические данные информацией, полученной в результате разработки представительного на национальном уровне обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ)⁵, программа которого содержит богатый набор ретроспективных вопросов, позволяющих реконструировать репродуктивную биографию поколений, находившихся в возрастах деторождения в период действия политики. Кроме того, обследование позволяет приоткрыть завесу над практически неосвещенной прежде темой о специфике ответной реакции параметров репродуктивного поведения на предложенные государством меры и льготы в различных социальных стратах населения.

Дискуссия об эффективности семейной политики в 1980-х гг. в отечественной литературе

Дискуссия о том, как относиться к очевидному и весьма существенно-му увеличению конъюнктурных показателей рождаемости в 1981—1987 гг., естественным образом развернулась сразу же после фиксации факта этого повышения.

Претендуя на подведение итогов дискуссии, В.А. Борисов и А.Б. Синельников в 1996 г. выносят следующий вердикт: «Что касается эффек-

⁴ Автор будет очень признателен, если более осведомленные читатели поделятся сведениями об опубликованных социологических и экономических работах, касающихся социально-экономических последствий инновационной семейной политики, проводимой в СССР в 1980-х гг.

⁵ Российское обследование в рамках международной программы «Поколения и гендер» «Generations and Gender Programme/Survey» (GGS) было проведено Независимым институтом социальной политики (Москва) при финансовой поддержке Пенсионного фонда Российской Федерации и Научного общества Макса Планка (Германия). Концепция и инструментарий обследования были адаптированы к российским условиям Независимым институтом социальной политики с участием ЗАО «Демоскоп» и Института демографических исследований им. Макса Планка (Германия). Объем нестратифицированной выборки — 11 261 мужчин и женщин 18—79 лет в городской и сельской местности 32 субъектов РФ, метод опроса — формализованное интервью.

тивности принятых в 1981 г. мер, то здесь мнение демографов — единодушное, без каких-либо исключений. Все специалисты оценили их как неэффективные. Действительно, повышение рождаемости было незначительным и кратковременным. Оно продолжалось до 1987 г., а затем снижение продолжилось (заметим, до начала обострения социально-экономического кризиса)». «Повышение рождаемости в 1981—1987 гг. явилось в значительной части (наряду с рядом других структурных факторов) результатом сдвигов запланированных семьями рождений детей на более ранние сроки по сравнению с первоначальными планами (так называемых тайминговых сдвигов, или, иначе, изменений календаря рождений), но при этом не увеличилась потребность семей в общем числе детей»⁶. Эти же авторы говорят не только о неэффективности, но и о несвоевременности⁷ принятия политических мер⁸.

Так ли уж едино было мнение специалистов? Обратимся еще раз к опубликованным работам, в первую очередь, тех демографов, которые специализировались на анализе рождаемости.

Г.П. Киселева в работах 1987—1989 гг., не приводя, правда, никаких расчетных доказательств, высказывается следующим образом: «Говоря об эффективности мер, направленных на экономическую помощь семьям, следует иметь в виду, что они существенно не меняют интенсивности рождаемости. Большинство рождений, вызванных этими мерами, все равно бы произошли, только в другие, по-видимому, более поздние сроки. Безусловно, нельзя не учитывать, что экономические меры оказывают определенное влияние на увеличение рождаемости за счет рождения детей в той группе населения, которая из-за длительного откладывания рождения ребенка выходит из репродуктивного возраста, так и не реализовав свою потребность в детях, а также за счет женщин, которые при откладывании рождений прибегают к абортam, что иногда приводит к возникновению вторичного бесплодия»⁹.

На ведущей роли календарных («тайминговых») сдвигов в повышении рождаемости в первой половине 1980-х гг. настаивала Н.А. Шнейдерман,

⁶ [Борисов, Синельников 1996: 69].

⁷ Замечание о несвоевременности мер сделано неслучайно. Один из положительных эффектов, который может принести политика, направленная на повышение рождаемости, — это сглаживание воспроизводящихся демографических волн, инициированных, в первую очередь, падением рождаемости в годы Второй мировой войны. Малочисленные когорты военных лет рождения произвели на свет малочисленных потомков во второй половине 1960-х гг. (первичное эхо войны), а те, в свою очередь, должны были сильно понизить число рождений в конце 1980-х — начале 1990-х гг. (вторичное эхо войны). В связи с этим логичным представлялось бы стимулировать рождаемость не в первой половине 1980-х гг., как было сделано, а на 5—7 лет позже. На практике же получилось, что политика повысила и без нее ожидаемый высокий гребень волны рождений в середине 1980-х гг. и еще более углубила ожидаемую яму в начале 1990-х гг. На этот отрицательный эффект указывает и О.Д. Захарова, цитируемая ниже. Похоже, что государство собирается наступить на те же грабли второй раз. Для того чтобы попытаться хотя бы немного сгладить сильную изреженность нашей возрастной пирамиды и притупить разрушающее воздействие демографических волн в будущем, новые меры политики, стимулирующие рождаемость, нужно было бы вводить не президенту Путину, а его преемнику, и соответственно не в 2007 г., а после 2010 г.

⁸ [Борисов, Синельников 1996: 68].

⁹ [Киселева 1989: 12; Борисов и др. 1987: 161—162]. В этой же работе 1987 г. В.А. Борисов высказывался менее категорично, чем десять лет спустя: «Безусловно, определенного успеха эти меры достигли. Однако повышение рождаемости было недостаточным». «Опросы населения не показывают никаких изменений в репродуктивной ориентации семей, и поэтому нет оснований коренных изменений в тенденциях рождаемости» [Борисов и др. 1987: 200].

анализируя коэффициенты суммарной рождаемости по очередности рождений в городской и сельской местности регионов РСФСР [Шнейдерман 1991: 26—29].

Из всех известных нам специалистов в области анализа рождаемости наиболее критичную оценку политике 1980-х гг. выносит О.Д. Захарова: «Размер ущерба, нанесенного всей демографической динамике в России непродуманной политикой 80-х годов, вполне сопоставим с демографическими катастрофами предвоенных и военных лет. Отличие лишь в том, что сегодня эти потери уже невозможно компенсировать за счет внутренних потенциальных резервов самого населения» [Захарова 1993: 60]. «Судя по уровням реализации репродуктивных планов отдельных возрастных когорт (по данным переписи 1989 г.), реального повышения рождаемости, а точнее — детности семей, или пересмотра репродуктивных установок не произошло», «значительное число женщин репродуктивного возраста, реализовав свои планы в отношении числа детей, полностью прекратили свое участие в формировании текущих уровней рождаемости и на многие годы превратились в своего рода бесполезный балласт» [Захарова 2001: 24]. «Самым неблагоприятным итогом 1980-х годов стало то, что эволюционный тренд рождаемости был сломан, и началось неуправляемое изменение сроков реализации репродуктивных планов когорт» [Там же: 26].

Некоторым особняком в ряду работ, посвященных анализу воздействия политики 1980-х гг. на рождаемость, стоит работа М.А. Клупта. В конце 1980-х гг., т.е. по горячим следам, автор оценил возможность объяснения наблюдавшегося увеличения показателей рождаемости для условных поколений одними только календарными сдвигами рождений в реальных поколениях. С помощью сконструированной им оригинальной статистической модели автор сравнивал фактические возрастные коэффициенты рождаемости для календарных лет, в течение которых действовали меры политики, с гипотетическими коэффициентами при различных условиях, связанными с пропорциональным переносом рождений от старших возрастов к младшим. Иными словами, автор смоделировал возможный тайминговый сдвиг рождений на более ранние сроки у поколений, находившихся в детородных возрастах [Клупт 1988: 51—58]. Метод, основанный на проверке статистических гипотез, привел автора к выводу, что рост рождаемости в России в 1980-е гг. не был связан исключительно с календарными сдвигами, т.е. можно было предположить и действительное повышение рождаемости в реальных поколениях [Клупт 1990: 35—39]. Метод М.А. Клупта не позволяет определить, в какой мере увеличение конъюнктурных показателей связано с истинным повышением рождаемости, а в какой — со сдвигами в календаре рождений. Кроме того, со временем результаты, полученные с помощью подобных моделей, теряют эвристический смысл — по мере того, как накапливаются данные о фактической рождаемости реальных поколений, нет никакой необходимости прибегать к статистико-математическим моделям для ответа на вопрос, было ли повышение рождаемости в реальных поколениях или нет. В то же время модель, предложенная автором, заслуживает внимания тем, что ее можно использовать для предварительных выводов, не дожидаясь окончательных результатов репродуктивного поведения когорт, т.е. по «ходу пьесы», по мере развертывания событий, вызванных вмешательством государственной политики в естественный ход эволюции рождаемо-

сти. Так что работа М.А. Клупта сыграла свою роль в нужное время, заставив специалистов более внимательно отнестись к наблюдаемой динамике показателей рождаемости. Модель также помогла уточнить максимальное число календарных лет, в течение которых должен наблюдаться рост коэффициента суммарной рождаемости (показателя итоговой рождаемости для условного поколения), чтобы можно было ставить вопрос о несводимости этого роста к эффекту, вызванного одними только календарными сдвигами. В общем случае эта величина, по его оценке, составляет около 7 лет.

Более чем скептически относился к эффекту демографической политики крупнейший авторитет в области анализа рождаемости Л.Е. Дарский. В 1988 г. в соавторстве с В.А. Беловой и Г.А. Бондарской он писал: «Повышение коэффициентов рождаемости в последние годы в республиках с низкой рождаемостью не следует целиком относить на счет эффекта демографической политики. Повышение коэффициентов рождаемости в молодых возрастах началось значительно раньше, чем были приняты специальные меры по стимулированию рождаемости. Некоторое повышение ожидаемого числа детей было заметно уже по материалам обследования 1981 г., особенно среди молодых женщин. В последние годы эта тенденция несколько усилилась, возможно, под влиянием мер демографической политики» [Белова, Бондарская, Дарский 1988: 76]. Отметим это справедливое замечание, имеющее прямое отношение к вопросу о том, каков в действительности был эффект политики. На факт некоторого увеличения рождаемости до введения мер политики указывал в те же годы и А.Г. Вишневский: «С этими мерами [политики] демографы не без оснований связывают подъем рождаемости в ряде возрастных групп в начале 80-х годов, тем более что он наблюдался как раз в тех республиках [СССР], где занятость женщин в общественном производстве и притом в несельскохозяйственных отраслях особенно высока. И все же меры по активизации демографической политики позволяют объяснить не все факты, относящиеся к последнему подъему показателей рождаемости. В частности, они не объясняют роста показателей у женщин 20—24 лет, который в ряде республик начался в 1978—1979 гг., т.е. до введения указанных мер» [Вишневский 1988: 109—110]. Имея доступ к уникальным данным микропереписи 1985 г., Л.Е. Дарский строит специальные таблицы рождаемости с учетом очередности рождения для условных поколений и приходит к выводу, что небольшое увеличение вероятности вторых, третьих и четвертых рождений действительно имело место, и «повышение показателей строго следовало во времени за мерами помощи семьям, которые вводились на разных территориях в разное время» [Андреев, Дарский, Харьковская 1993: 85]. В то же время, понимая методологическую ущербность оценки эффекта политики, построенную только на анализе рождаемости для условных поколений, в более поздней работе Л.Е. Дарский напишет: «Есть основания предполагать, что некоторая часть увеличения рождаемости есть эффект демографической политики». Однако «окончательное заключение можно будет сделать к концу века, когда возможно будет оценить интервалы между рождениями в реальных поколениях» [Darsky 1994: 60—61].

К анализу динамики рождаемости для реальных поколений обращаются в работах первой половины 1990-х гг. А.А. Авдеев и С.В. Захаров.

А.А. Авдеев в соавторстве с А. Моннье (INED, Франция) оценивал эффект политики с помощью двух подходов: а) основанного на сравнении кумулятивной рождаемости женских когорт 1950—1960 г. с когортой 1945 г.р., не испытавшей влияния политики по причине достигнутого возраста; б) основанного на сравнении фактической рождаемости когорт с гипотетической рождаемостью, которую можно было бы ожидать, если бы оставались постоянными тенденции изменения возрастных коэффициентов рождаемости для условных поколений, наблюдаемые в период с 1970 по 1980 г. [Avdeev, Monnier 1995: 26—28].

В рамках первого подхода кумулятивный эффект политики был оценен для когорты 1950 г.р. в 2,4% от величины итоговой рождаемости когорты 1945 г.р., и в 1,5% для когорты 1955 г.р. А для когорты 1960 г.р. оценить эффект политики, по мнению автора, не представляется возможным в силу мощных сдвигов в сторону омоложения рождаемости, характерных для поколений 1960-х г.р. Второй подход приводит автора к максимально возможной оценке эффекта политики — для различных когорт женщин от 2 до 15% от величины итоговой рождаемости. А.А. Авдеев справедливо замечает, что если бы снижение рождаемости в 1980-х гг. проходило медленнее, чем в 1970-х гг. (а для этой гипотезы имелись все основания, см. выше замечания Л.Е. Дарского и А.Г. Вишневого. — С.3.), то относительная оценка действительного эффекта политики, естественно, будет ниже приведенных значений. Подводя итог своим расчетам, автор пишет: «мы можем сказать, что меры политики не привели к сколько-нибудь значимому изменению рождаемости в сравнении с когортой 1945 г.р. Наблюдаемый рост также в значительной степени был вызван изменениями в репродуктивном поведении в направлении к более ранней рождаемости, начавшимися до принятия мер политики. Самое большее, что можно сказать, так это то, что пронаталистская политика приостановила падение, начавшееся в начале 1970-х гг.» [Там же: 28].

В своих работах середины 1990-х гг. автор данной статьи, опираясь на результаты, полученные при построении таблиц рождаемости с учетом очередности рождений для условных и реальных поколений (соответственно на основе расчета вероятностей очередного рождения), по сути, пришел к тем же выводам, что и А.А. Авдеев. «Когортный анализ показывает, что стимулирующее значение мер социально-демографической политики 80-х годов в России проявилось двояко. Во-первых, увеличилось итоговое среднее число рождений в когортах, завершающих свою репродуктивную деятельность. Это говорит о том, что часть вторых и третьих рождений в отсутствие данной политики вряд ли бы появилась на свет. Во-вторых, резко усилилась тенденция к омоложению рождаемости и уменьшению интервалов между рождениями детей первых трех очередностей. Значительная часть семей в короткий пяти-шестилетний срок полностью реализовала свои планы относительно желаемого числа детей, да и к тому же в более молодом возрасте, чем предшествующие поколения» [Zakharov, Ivanova 1996: 52; Захаров 1996: 51—52; см. также: Захаров 2000: 57—60]. Тогда же было показано, что политика не приостановила снижение вероятности рождения четвертых и последующих по порядку рождения детей в реальных поколениях [Zakharov, Ivanova 1996: 52, 74—80].

Абсолютно неэффективной политику 1980-х гг. считает социодемограф А.И. Антонов. Более того, он вообще отрицает повышение рождаемости

в описываемый период. Однако логика его размышлений не совсем понятна. Мы позволим себе пространное цитирование этого автора, чтобы читатель самостоятельно мог погрузиться в ход его мысли.

«Задача собственно семейной политики — усиления потребности семьи в детях до уровня среднедетности не ставилась и не обсуждалась во властных структурах. Поэтому напрасно было рассматривать эти меры в контексте “стимулирования” рождаемости, однако на это пошли многие ученые и чиновники, когда психотерапевтический эффект принятых мер сработал — из-за более полной реализации потребности в двух детях немного повысились грубые коэффициенты. Однако результаты интенсивно проводившихся тогда исследований репродуктивного поведения подтвердили отсутствие воздействия этих мер на усиление самой потребности в детях. До середины 80-х продолжалось некоторое увеличение общего коэффициента рождаемости в связи с улучшением структуры брачности и пропорций мужского и женского населения. Но в европейской части бывшего СССР, особенно в городах, рождаемость стремительно падала...» [Антонов, Сорокин 2000: 339].

«Улучшение структуры населения и после 1981 г. улучшение условий реализации имеющейся у населения потребности, в основном, в двух детях перекрывало действие ничем не тормозимой тенденции к снижению интенсивности рождаемости, т.е. к снижению потребности в детях, репродуктивных установок в 80-е годы, за счет чего суммарный коэффициент (подверженный латентному влиянию структуры) в 1987 г. вырос до 2,218, после чего начал снижаться (2,007 в 1989 г.). Если бы не латентное воздействие структуры и тайминга рождений, то эта величина была бы около 1,6, т.е. близкой к тогдашнему уровню репродуктивных установок (1,8—1,9, так как обычно потребность в детях реализуется не полностью)» [Антонов 2002: 38—39].

«В 70-е и 80-е годы прежний спонтанный ход событий, не сталкивающийся на своем пути с каким-либо сопротивлением, начинает ослаблять и новую массовую потребность [в двух детях. — С.3.], постепенно увеличивая долю малодетных семей, а в пределах малодетности — семей с одним ребенком. Но этот процесс затушевывается компенсаторными колебаниями величин суммарных коэффициентов (1978—1979 гг. — 1,89, 1989 г. — 2,02), которые ни в коем случае нельзя называть “ростом рождаемости”» [Там же: 40].

«Меры 1981 г. по облегчению сочетания материнских функций с работой на государственном производстве (неверно именуемые мерами стимулирования рождаемости) не вели к значительному повышению уровня жизни среди тех, кто ими пользовался, т.е. не дали роста УП и УД [согласно автору УП — уровень притязаний, УД — уровень достижений. — С.3.]. Но они... способствовали селективному восприятию условий жизни как скорее благоприятных для реализации имеющейся у населения потребности в детях (во втором ребенке у однодетных, в третьем у двухдетных, и т.д.). Повысилась готовность к рождению наличествующих установок детности, но не сами установки, не потребность в детях. Суммарный коэффициент повысился за счет роста степени реализации репродуктивных установок, которая вовсе не была полной» [Там же: 48].

Итак, согласно А.И. Антонову, реализация установок/потребности в детях в годы действия мер политики увеличилась, однако при этом рож-

даемость не только не повысилась, но даже чуть ли не стремительно снижалась. Как это возможно теоретически и практически, остается непонятным, если только не поставить знак равенства между рождаемостью и потребностью в детях (или рождаемость в данном авторском контексте надо приравнять к репродуктивным установкам?), но не будет ли это слишком сильным обобщением даже для социодемографа?

В последние годы интерес к оценке эффективности политики 1980-х гг. вновь возрос, что, конечно, обусловлено развернувшейся дискуссией о необходимости активизации демографической политики с целью повышения рождаемости. Публикация данных переписи населения 2002 г. о числе рожденных детей предоставила возможность ряду авторов еще раз убедиться в том, что политика 1980-х гг. привела к слабому увеличению итоговой рождаемости поколений женщин, родившихся в первой половине 1950-х гг. [см., например: Елизаров 2005: 29; Архангельский 2006: 34—37]. Так, к примеру, В.Н. Архангельский пишет: «Оценивая влияние мер помощи семьям с детьми, реализовавшихся в 1980-е гг., следует отметить, что они повлияли на календарь рождений, привели к более раннему появлению в семьях вторых и третьих детей. Об этом косвенно свидетельствует то, что повышение суммарного коэффициента рождаемости для условных поколений было несколько большим, чем для реальных. В то же время и в реальных поколениях женщин произошло некоторое повышение рождаемости, связанное, вероятно, с более полной реализацией потребности в детях. В максимальной степени, судя по данным переписи населения 2002 г., оно затронуло поколение женщин 1953—1957 гг. рождения... Можно предположить, что реализация мер помощи семьям с детьми дала прибавку среднего числа рожденных детей в этой когорте, равную 0,1—0,2 ребенка. Делая такую оценку, видимо, целесообразно сравнивать среднее число рожденных детей в этом поколении не с минимальным имевшим место в более старших когортах (1,807 у родившихся в 1943—1947 гг.; тогда прирост не превышает 0,07), а учитывая тенденцию снижения рождаемости, имевшую место как в условных, так и в реальных поколениях женщин» [Архангельский 2006: 35]. Итак, общий вывод автора практически в точности повторяет выводы, сделанные А.А. Авдеевым и С.В. Захаровым десятилетием раньше. В то же время позволим себе выразить сомнение в том, что прибавку среднего числа рождений в реальных поколениях, которую можно было бы приписать мерам политики 1980-х гг., можно поднять до 0,2 детей в расчете на одну женщину, как это считает В.Н. Архангельский. Вопрос в том, а было ли снижение рождаемости в условных и реальных поколениях накануне введения в действия мер политики?

Напомним, что меры семейной политики были введены в действие в ноябре 1981 г. на Дальнем Востоке, в Сибири, Карельской АССР, Коми АССР, в Архангельской, Мурманской, Вологодской, Новгородской и Псковской областях, а с ноября 1982 г. на всей остальной территории РСФСР. В то же время слабое увеличение рождаемости в стране фиксировалось до введения этих мер. Увеличение рождаемости в 1981 г. так интерпретируется В.Н. Архангельским: «Некоторое увеличение числа родившихся уже в 1981 г., вероятно, было также связано с этими мерами помощи. Скорее даже не с реализацией их, а с публикацией Постановления. Впоследствии было дано разъяснение, что большинство этих мер будет вводиться поэтапно в различных частях территории страны, начиная

с 1 ноября 1981 г. Казалось бы, в этом случае на показателях рождаемости 1981 г. эти меры сказаться еще не могли. Однако в самом тексте Постановления, опубликованном в первом квартале 1981 г., ничего о сроках введения мер сказано не было, и граждане имели все основания полагать, что они начнут реализовываться сразу или почти сразу после публикации Постановления. Вероятнее всего, это и привело к некоторому увеличению числа родившихся уже в 1981 г.» [Архангельский 2006: 8].

Даже если допустить столь массово проявившую себя наивность россиян в 1981 г., то как объяснить, что коэффициент рождаемости начал повышаться по отдельным территориям России с 1980 г.?¹⁰ Об увеличении накопленного числа рождений в реальных послевоенных поколениях также свидетельствовали соответствующие расчеты [Вишневский, Щербов, Аничкин 1988: 54—67]. Данные, приведенные в табл. 1, говорят о том, что в России рождаемость у матерей до 20 лет устойчиво увеличивалась в 1970-х гг., в возрастной группе 20—24 лет снижение прекратилось в 1977 г., а в 1980 г. уже имелся ее прирост. В возрастах от 30 до 35 лет практически никакого снижения в 1979 и 1980 гг. не было.

Таблица 1. Сумма однолетних возрастных коэффициентов рождаемости по пятилетним возрастным группам в расчете на 1000 женщин, и коэффициент суммарной рождаемости (итоговая рождаемость условного поколения). Россия, 1975—1987 гг.

Год	15—19 лет	20—24 лет	25—29 лет	30—34 лет	35—39 лет	40—44 лет	45—49 лет	КСР*
1975	177	783	537	299	138	37	3	1,97
1976	183	790	537	280	129	35	3	1,96
1977	187	778	531	270	121	32	3	1,92
1978	194	777	525	264	111	29	2	1,90
1979	201	777	506	253	102	26	2	1,87
1980	205	786	501	252	96	24	2	1,86
1981	202	784	515	262	97	23	2	1,88
1982	204	808	539	280	103	24	2	1,96
1983	216	837	590	311	111	24	2	2,09
1984	226	833	564	298	108	22	1	2,05
1985	232	828	564	296	111	21	1	2,05
1986	237	852	605	329	129	24	1	2,18
1987	252	867	612	338	136	26	1	2,23

Источник: Рассчитано автором на основе неопубликованных данных Росстата.

* КСР — коэффициент суммарной рождаемости, число рождений на одну женщину.

Интересно также, что наиболее высокие темпы прироста рождаемости в 1981—1983 гг. наблюдались как раз на территориях, в которых меры были введены не раньше, чем в других, а позже¹¹. Не явились ли меры 1981 г. лишь «детонатором» уже намечавшегося подъема уровня рождаемости? Не будем ставить окончательную точку в этом вопросе. Возможно, появятся новые свидетельства, которые позволят наконец-то разобраться в ситуации с рождаемостью накануне начала действия политики. В любом

¹⁰ См., например: [Кузьмин 1993: 54; Архангельский 1994: 134].

¹¹ На это указывал, в частности, автор данной статьи в своей кандидатской диссертации, посвященной региональному анализу демографических процессов в России [Захаров 1990: 156—157].

случае утверждать, что в отсутствии политики рождаемость в 1980-х гг. продолжала бы снижаться с сохранением предшествующих темпов в 1970-х гг., нет никаких оснований.

Подведем итоги. Действительно, ведущие специалисты не признают за семейной политикой, проводимой в 1980-х гг., право на то, чтобы считаться демографически эффективной, понимая под «эффективной» такую политику, которая ведет к значимым сдвигам в репродуктивных установках, к увеличению среднего числа детей в семьях или, точнее всего, к увеличению среднего числа детей, произведенных на свет одной женщиной в течение ее жизни. Однако невозможно отрицать и бесспорный факт, что политика имела сильный демографический эффект, выразившийся, в первую очередь, в непростых для интерпретации изменениях темпов формирования семей у целого ряда поколений, застигнутых инновационными мерами политики на различных этапах своего жизненного цикла. К рассмотрению этого вопроса мы и приступаем в следующих разделах.

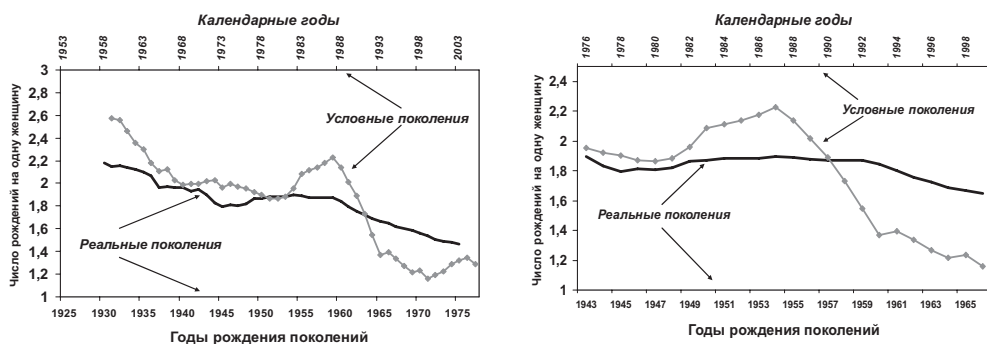
Общий тренд изменения рождаемости условных и реальных поколений в России в период 1981—1990 гг.

Общее представление о динамике рождаемости в двойной проекции — итоговой рождаемости условных поколений (для календарных лет) и итоговой рождаемости для реальных поколений (по году рождения женщины) представлены на рис. 1.

Левая панель рисунка отражает общий тренд с 1959 г., правая панель акцентирует внимание на периоде, центральное место которого занимает время действия политики 1980-х гг. Для того чтобы обеспечить возмож-

Рис. 1

Итоговая рождаемость реальных и условных поколений, Россия

Примечания:

- **левая панель** — календарные годы 1959—2005, когорты 1930—1975 г.р.: совмещение осей нижней (годы рождения поколений) и верхней (календарные годы) осуществлено посредством сдвига на 28 лет;
- **правая панель** — календарные годы 1976—1999, когорты 1943—1966 г.р.: совмещение осей нижней (годы рождения поколений) и верхней (календарные годы) осуществлено посредством сдвига на 33 года.

Источник (здесь и далее для рис. 2—5): Расчеты автора с использованием неопубликованных официальных данных Росстата.

ность сравнения траекторий показателей для условных и реальных поколений на одном рисунке, в международной практике обычно используется технический прием, заключающийся в сдвиге кривых относительно друг друга на величину, близкую к среднему возрасту материнства, чаще всего на 28 лет, как это сделано при построении рисунка на левой панели¹². Можно заметить, что при этом не достигается полного совмещения минимумов показателей рождаемости для условных (конец 1970-х гг.) и реальных поколений (женщины, родившиеся в середине 1940-х гг.). Если же применить сдвиг на 26 лет — на фактическую величину среднего возраста материнства для этих же календарных лет и годов рождения женщин, как это предписывает теория, то расхождение минимальных точек только усилится. Совмещение минимумов достигается при лаге в 33 года — невероятно высокой величине, чтобы ассоциировать ее со средним возрастом материнства (правая панель рис. 1). Это, кстати, хотя и косвенное и не очень сильное, но все же еще одно свидетельство в пользу гипотезы, что рождаемость в реальных поколениях стала подниматься раньше, чем начали действовать меры политики, введенные в начале 1980-х гг. Совместив минимумы двух кривых, мы тем самым закрываем на время тему о тенденциях рождаемости накануне начала новой политики, считая для простоты анализа, что весь прирост в показателях итоговой рождаемости есть эффект инновационных мер семейной политики.

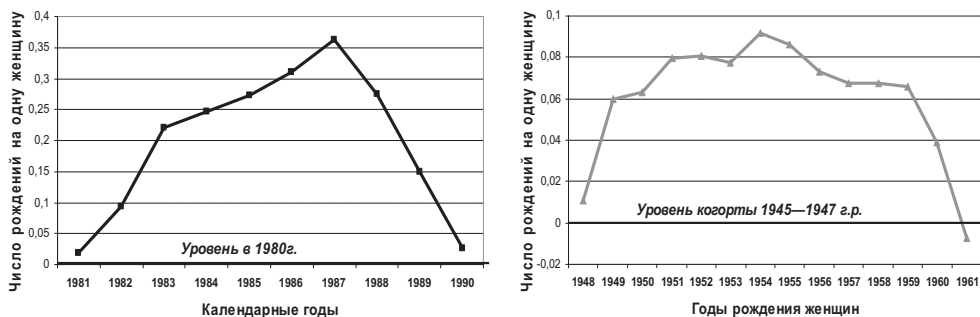
Правая панель рис. 1 дает четкое представление о том, насколько по-разному в интересующий нас исторический период выглядело изменение рождаемости в условных и реальных поколениях: резкий подъем конъюнктурных показателей (для календарных лет) весьма далек от едва заметного повышения итоговой рождаемости реальных поколений. Абсолютные отклонения значений показателей итоговой рождаемости условных и реальных поколений от минимальных значений показаны на рис. 2. Максимальный эффект политики по показателю рождаемости для условных поколений выразился в величине 0,36 рождений в расчете на одну женщину (2,23 в 1987 г. против 1,87 в 1980 г.), а по показателю рождаемости для реальных поколений — 0,09 рождений на одну женщину (1,90 для когорты 1954 г.р. против 1,81 в среднем для когорт 1945—1947 г.р.).

Оценка эффекта политики, выраженного в дополнительном числе рождений, приведена в табл. 2 и 3.

Если исходить из предположения, что возрастные коэффициенты рождаемости не менялись бы в 1981—1990 гг., оставаясь такими же, как в 1980 г., то мы приходим к оценке эффекта политики в 2 млн. 280 тыс. дополнительных рождений, что составляет 9,8% от фактического суммарного числа рождений за период 1981—1990 гг. (табл. 2). Однако означает ли это, что политика предоставила возможность дать жизнь дополнительно более 2 млн. российских граждан? Утвердительный ответ на этот вопрос будет методологически неверным. То, что в указанный фиксированный период родилось больше детей, чем можно было бы ожидать, еще не означает, что все эти дети вообще бы не родились, если бы не проводилась специфическая политика.

¹² В действительности в России средний возраст материнства снизился с 32 лет у женщин, родившихся в конце XIX в., до 25 лет у женщин, родившихся в конце 1960-х гг., что оправдывает использование усредненного лага в 28 лет при рассмотрении долговременной эволюции рождаемости. См.: [Захаров 2006г: 184—188].

Абсолютный прирост показателей итоговой рождаемости условных и реальных поколений, вызванный мерами политики в 1980-х гг. в России

Примечания:

- **левая панель** — превышение значений показателя для условных поколений в указанных календарных годах по сравнению с минимальным значением в 1980 г.;
- **правая панель** — превышение значений показателя для реальных поколений указанных годов рождения по сравнению с минимальным значением для женщин 1945—1947 г.р.

Таблица 2. Оценка дополнительного числа рождений, полученного в 1981—1990 гг. в результате действия мер семейной политики

Фактическое число рождений за 1981—1990 гг., тыс.	23 312
Гипотетическое число рождений при сохранении возрастных коэффициентов рождаемости 1980 г., тыс.	21 032
Разница (условный эффект политики), тыс.	2280
В процентах от фактического числа	9,8
В процентах от гипотетического числа	10,8

Как будет показано ниже, в ответ на предложенные меры социальной политики целый ряд поколений дружно сдвинул сроки рождений детей в сторону более молодого возраста, к тому же сократив интервалы между первыми и вторыми, вторыми и третьими рождениями. В результате была достигнута избыточно высокая концентрация рождений на коротком промежутке календарного времени. Вслед за необычно быстрым исчерпанием потенциала — числа женщин, имевших намерение родить ребенка (детей) и реализовавших его в более ранние сроки, — неизбежно должен следовать резкий провал годовых показателей рождаемости, с чем Россия и столкнулась в 1988—1993 гг.

И все-таки какой-то части семей идея обзавестись ребенком пришла на ум только после того, как государством были предложены специфические меры новой семейной политики. Если бы это было не так, мы бы, вероятнее всего, не наблюдали отмеченное выше повышение рождаемости в реальных поколениях (напоминаем, что здесь и далее для простоты интерпретации результатов мы исходим из того, что тенденция к росту рождаемости в реальных поколениях к началу политики отсутствовала). Попробуем оценить дополнительное число рождений, простимулированное политикой. Для этого произведем расчет общего числа рождений, которые дали поколения с более высоким показателем итоговой рождаемости (женщины, родившиеся в 1948—1960 гг.) по сравнению с поколениями 1945—1947 г.р. и далее сравним это фактическое число с гипотетическим

числом рождений, которое можно было бы ожидать, если бы для тех же поколений итоговый показатель рождаемости сохранился на минимальном уровне когорт 1945—1947 г.р. Результаты расчетов представлены в табл. 3. Фактическое суммарное число рождений у поколений 1948—1960 г.р. за весь репродуктивный период (т.е. к возрасту 50 лет для каждого поколения) составило 29 млн. 180 тыс., а гипотетическое — 28 млн. 136 тыс. Соответственно эффект политики можно оценить в размере 1 млн. 44 тыс. дополнительных рождений, или в 3,6% от фактического числа рождений.

Таблица 3. Оценка прироста числа рождений в женских поколениях 1948—1960 г.р., полученного в результате действия мер семейной политики

Фактическое число рождений у поколений 1948—1960 г.р. за весь репродуктивный период, тыс.	29 180
Гипотетическое число рождений при сохранении показателя итоговой рождаемости на уровне поколений 1945—1947 г.р., тыс.	28 136
Разница (условный эффект политики), тыс.	1044
В процентах от фактического числа	3,6
В процентах от гипотетического числа	3,7

Различие в числах рождений, приведенных в табл. 2 и 3, не должны смущать, поскольку они вообще не могут сопоставляться сами по себе. Во-первых, репродуктивная деятельность анализируемых поколений не ограничивается только периодом, в котором политика активно действовала, так как часть рождений у поколений 1948—1960 г.р. была произведена до 1981 г., а часть — после 1990 г., и, во-вторых, в формировании общего числа рождений в 1981—1990 гг. участвовали не только указанные поколения женщин. Вклад женщин, родившихся в 1948—1960 гг., составил 72,6% от общего числа рождений в 1981 г., а затем, снижаясь, достигает 48,7% в 1985 г. и 22,4% в 1990 г. Иными словами, поколения с повышенной рождаемостью вносили решающий вклад в годовые числа родившихся именно в первые годы после старта политики.

Итак, если конечная демографическая цель политики сводится к преумножению численности граждан, то при оценке эффекта, произведенного политикой на рождаемость, мы должны исходить не из того, насколько больше детей родилось в том или ином году (или за период в несколько лет после введения инновационных мер политики), а насколько больше детей в конечном счете было рождено реальными поколениями родителей, оказавшихся в активных репродуктивных возрастах в момент действия политики. При таком подходе о высокой демографической эффективности мер политики 1980-х гг., действительно, говорить не приходится — дополнительный относительный прирост рождений, вызванный политикой, составил, по нашей оценке, менее 4%. Важен и еще один вывод: мы еще раз подтверждаем, что подавляющая часть выдающегося прироста рождений в 1980-х гг. объясняется не тем, что большая часть семей решила обзавестись еще одним ребенком, а тем, что значительная часть из них сделала это существенно раньше — в более молодом возрасте и с меньшим интервалом после предыдущего рождения, чем предшествующие и последующие поколения. К иллюстрации этого эффекта мы приступаем в следующем разделе.

Изменения итоговой рождаемости в трех проекциях: возраст, когорта по году рождения, календарный год

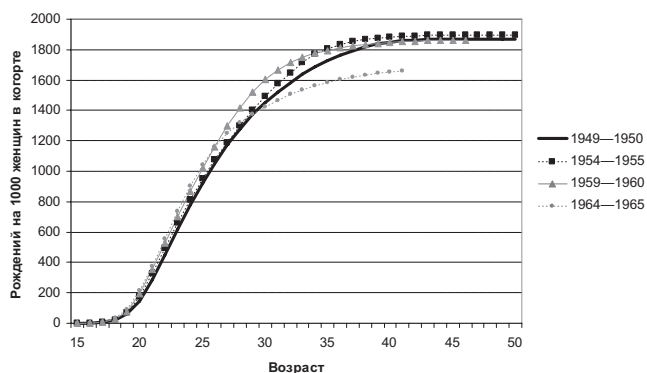
Рассмотрим, как менялась с возрастом накопленная рождаемость в реальных поколениях — основных творцах «бэби-бума» 1980-х гг. На рис. 3 демонстрируется функция кумулятивной рождаемости последовательности когорт женщин 1949—1965 г.р. Финальный итог к возрасту 50 лет у когорт 1949—1959 г.р. примерно один и тот же: 1,86—1,89 рождений в расчете на одну женщину. В то же время заметно, как каждое последующее поколение, включая женщин 1960-х г.р., все более значительную часть своих рождений относило на более ранний возраст.

Чтобы наглядно увидеть трансформацию возрастной функции рождаемости, произошедшую под влиянием политики, возьмем в качестве базы сравнения возрастные коэффициенты рождаемости за 1980 г., полагая, что эта возрастная кривая сформировалась в результате естественной эволюции и не несет на себе следы целенаправленного внешнего воздействия. Рассмотрим, насколько сильно отклоняются от нее возрастные профили рождаемости тех же поколений, что были представлены на рис. 3. На рис. 4 показан результат такого сравнения для каждой когорты, начиная с того возраста, в котором они находились в момент введения в действия мер политики. Заметим, что функция рождаемости поколений 1950-х г.р. на участках возрастов, предшествовавших началу действия мер политики, слабо отличается от модельной кривой 1980 г., взятой за базу сравнения, и потому в этой ее части (до политики) не представлена на рисунке в целях наглядности.

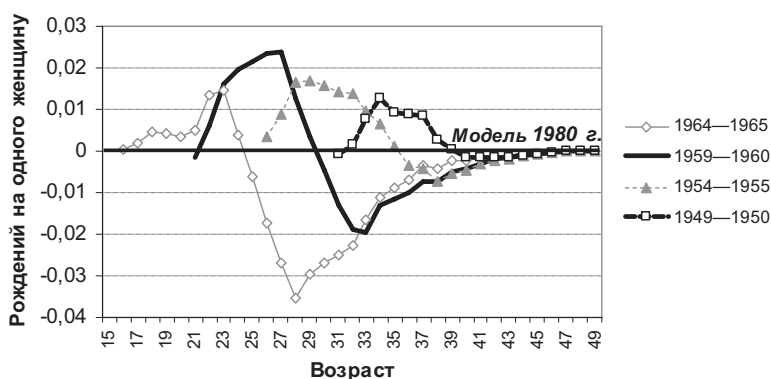
Становится очевидным, что мы имеем дело с тремя типами реакции на меры политики. Для поколений женщин, родившихся в первой половине 1950-х гг., характерен чистый прирост итоговой рождаемости за счет того, что примерно от 5 до 10 женщин из 100 в данных когортах приняли решение о рождении ребенка (еще одного ребенка) в зрелом 30-летнем возрасте. В отсутствие политики эти дети едва ли появились бы на свет. Для женщин, находящихся в старших возрастах, возможности для маневра со сроками рождения детей весьма ограничены и сводятся к дилемме: «рожать либо сейчас, либо никогда».

Рис. 3

**Кумулятивная возрастная функция рождаемости женских поколений
1949—1965 г.р. Россия, на 1000 женщин в когорте**

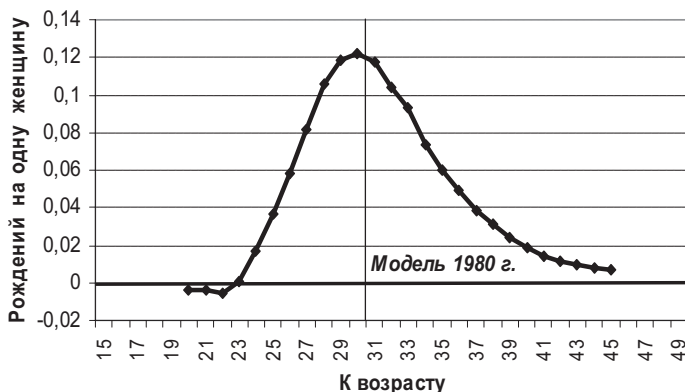
Абсолютные отклонения возрастных коэффициентов рождаемости женских поколений 1949—1965 г.р. от возрастных коэффициентов, наблюдавшихся в 1980 г., взятых в качестве базы сравнения. Россия, рождений в расчете на одну женщину

Поведение поколений второй половины 1950-х — начала 1960-х гг., находившихся в 20-летнем возрасте к моменту начала политики, тяготеет к простому изменению календаря рождений: чем больше женщин родили еще одного ребенка немедленно (в молодом возрасте), тем больше их не родили позже (в старшем возрасте). В результате общая величина итоговой рождаемости этих поколений слабо отличается от ожидаемой по модели 1980 г., а отклонение фактического возрастного профиля рождаемости от модельного напоминает синусоиду. Наглядное представление об изменении репродуктивного поведения этих поколений под влиянием политики мы получаем, рассмотрев пример когорты 1959—1960 г.р. (рис. 5). Отклонение накопленной к возрасту итоговой рождаемости данной когорты от ожидаемой по модели для условного поколения 1980 г. выглядит куполообразно: к 30-летнему возрасту график формирования итоговой рождаемости рассматриваемой когорты опережал в среднем ожидаемый график на 0,12 рождений, а после 32-летнего возраста темпы увеличения итоговой рождаемости плавно тормозятся, и к концу репродуктивного периода когорта приходит с результатом, который и ожидался по модели 1980 г. (к возрасту 50 лет отклонение фактической итоговой рождаемости от ожидаемой равно нулю). Перед нами классический пример чистого календарного эффекта, вызванного внешним воздействием.

Наконец, поколения самых молодых женщин, родившиеся в середине 1960-х гг. и позднее, начинали свою семейную биографию под «фанфары» начавшейся политики. Для них характерен очень мощный старт, или, иначе, очень раннее родительство. Темпы формирования семей к 25 годам для них вполне сопоставимы с теми, которые были распространены в аграрной России конца XIX в. Зато рождаемость в средних репродуктивных возрастах глубоко провалена, в результате чего репродуктивный итог их деятельности оказывается ниже, чем у предшествующих поколений — 1,67 рождений на одну женщину, что на 0,2 рождений меньше и по сравнению с реальными поколениями 1950-х г.р., и по сравнению с условным поколением 1980 г., взятым в качестве модели. Безусловно, пониженная рождаемость у когорты середины 1960-х г.р. в возрастах от 25 до 35 лет, в первую очередь, есть следствие изменившейся социальной реальности в начале 1990-х гг. (снижение уровня жизни, неустойчивость социального

Сравнение итоговой рождаемости когорты женщин 1959—1960 г.р. и итоговой рождаемости условного поколения 1980 г. Россия, рождения в расчете на одну женщину накопленным итогом к указанному возрасту

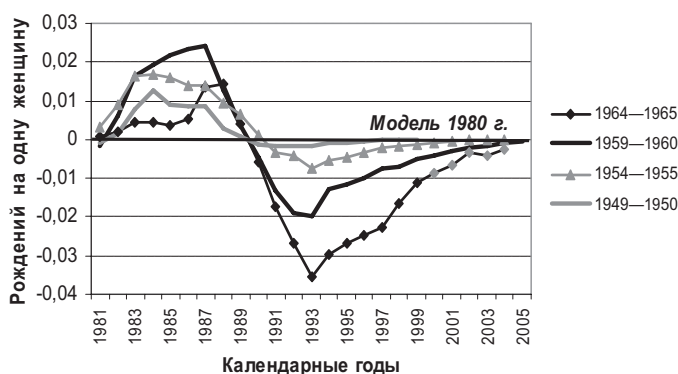

положения, неопределенность будущего и т.п.). С другой стороны, не нужно преувеличивать роль социально-экономического кризиса, о чем свидетельствует рис. 6, на котором те же отклонения возрастных коэффициентов от соответствующих коэффициентов по модели 1980 г., проецируются не на ось возраста, а на ось календарного времени. Отвесное падение интенсивности деторождения у когорты 1964—1965 г.р. началось уже в 1989 г., т.е. до наступления политического и социально-экономического коллапса, и с одинаковым темпом, т.е. без какого-либо ускорения, продолжалось до 1992 г. включительно.

Этот же вывод, о недостаточности объяснения падения рождаемости в начале 1990-х гг. кризисным состоянием в обществе, с еще большей уверенностью можно сформулировать по отношению к когортам 1950-х гг. Когорты женщин первой половины 1950-х гг. начинают торможение темпов формирования семей уже в середине 1980-х гг., а когорта 1959—1960 г. — в 1988 г., и никаких особенных ускорений снижения рождаемости, которые бы можно было ассоциировать с трудностями первой половины 1990-х гг., не наблюдается. В быстром снижении конъюнктурных показателей рождаемости в 1987—1993 гг. решающая роль принадлежит механизму чисто демографического свойства — компенсаторная расплата за избыточно высокие темпы формирования семей у поколений, находившихся в молодом возрасте в первой половине 1980-х гг. Если социальная норма детности и репродуктивные установки на число детей на массовом уровне не меняются, то последствия сдвига календаря рождений так и должны были выглядеть. Вполне обоснованно можно полагать, что если бы даже социально-экономическая ситуация в стране в 1990-х гг. была более стабильной, мы едва ли могли бы ожидать от поколений 1950-х г.р. существенно более значимый результат их репродуктивной деятельности.

Ниже мы приводим результаты, полученные в ходе разработки данных обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РидМиЖ), которые не дают оснований для каких-либо иных выводов, которые бы противоречили полученным ранее с использованием макродемографических данных, что еще раз подтверждает действительную репрезентативность выборочного обследования. Так, данные, приведенные на рис. 7 и 8, еще раз свидетельствуют, что политика усилила уже имевшуюся до этого сильную тенденцию к омоложению рождаемости, и, вполне возможно, тен-

Абсолютные отклонения коэффициентов рождаемости реальных поколений в 1981—2005 гг. от соответствующих возрастных коэффициентов, которые можно было бы ожидать, следуя графику рождаемости условного поколения 1980 г.

денцию к некоторому росту итоговой рождаемости реальных поколений, особенно по сравнению с когортами 1940—1944 г.р.¹³ Данные РИДМИЖ подтвердили и общий демографический результат политики — прирост итоговой рождаемости не более 0,1 рождений в расчете на одну женщину в поколениях 1950-х г.р.

Важно заметить, что тенденция все более раннего обзаведения потомством продолжалась в России вплоть до середины 1990-х гг. Не исключено, что таким образом сказался эффект от продления частично оплачиваемых отпусков до 1,5 лет в 1989 г., отпусков по беременности и родам в 1990 г. Так, поколения 1970—1974 к возрасту 26 лет все еще опережали график рождаемости поколений 1945—1949 г.р. (рис. 8). Перелом наступает только начиная с поколений женщин, родившихся во второй половине 1970-х гг. Ускоренные темпы формирования семей в эти годы как-то не очень вяжутся с распространенными представлениями о негативной роли для рождаемости так называемой «шоковой терапии» при переходе к рыночной экономике. Видимо, взаимосвязь между демографической и экономической реальностью носит куда как более сложный характер, чем представляется на уровне здравого смысла.

Изменения вероятностей увеличения семьи: насколько увеличилось число женщин с двумя и тремя детьми?

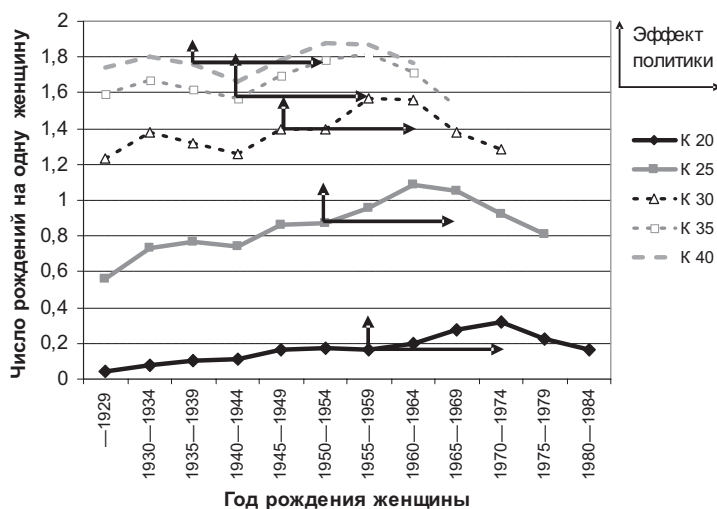
Известно, что в XX в., в отличие от других развитых стран, в России добровольная бездетность не получила значимого распространения. Согласно переписи населения 2002 г., среди женщин, завершивших свою репродуктивную деятельность (в возрастах от 40 до 55 лет) доля ни разу не рожавших женщин составила около 6%, в том числе среди замужних — 3%¹⁴. Такой уровень соответствует оценкам оконча-

¹³ В литературе имеются свидетельства того, что поколения, родившиеся в годы войны, обладая изначально ослабленным здоровьем, демонстрируют повышенную смертность на протяжении жизни, а также пониженную брачность и пониженную рождаемость. Данные РИДМИЖ это подтверждают.

¹⁴ Рассчитано на основе: [Рождаемость... 2005: 6—7, 180—181].

Рис. 7

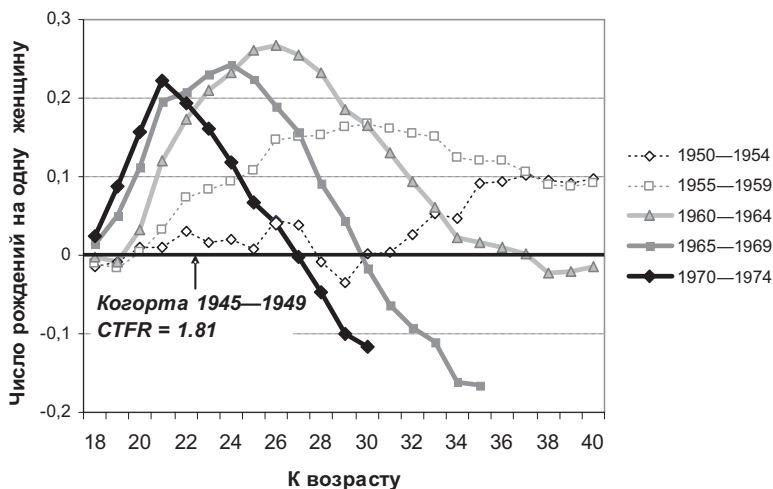
Итоговая рождаемость поколений накопленным итогом к указанным возрастам. Россия, рождений на одну женщину

Источник (здесь и далее для рис. 8—24): Расчеты автора на основе данных РидМиЖ.

Рис. 8

Сравнение итоговой рождаемости поколений 1950—1974 г.р. с итоговой рождаемостью поколений 1945—1949 г.р.: накопленным итогом к указанным возрастам. Россия, рождений на одну женщину

тельной бездетности для второй половины XIX в.¹⁵ Известно также, что в послевоенный период, после того как брачность оправилась от нарушений вызванных войной, инфертильность российских поколений снижалась¹⁶. Одновременно доля женщин, родивших одного и двоих детей,

¹⁵ [Захаров 2006в: 178].

¹⁶ Исходя из текущих тенденций рождаемости, можно ожидать, что у поколений 1970-х г.р. доля ни разу не рожавших женщин повысится до 10%. Данные обследования РидМиЖ позволяют сделать те же выводы. Правда, среди опрошенных женщин 20—29 лет доля тех, кто не собирается иметь ни одного ребенка, составляет 5%, что пока не дает оснований для утверждений о том, что

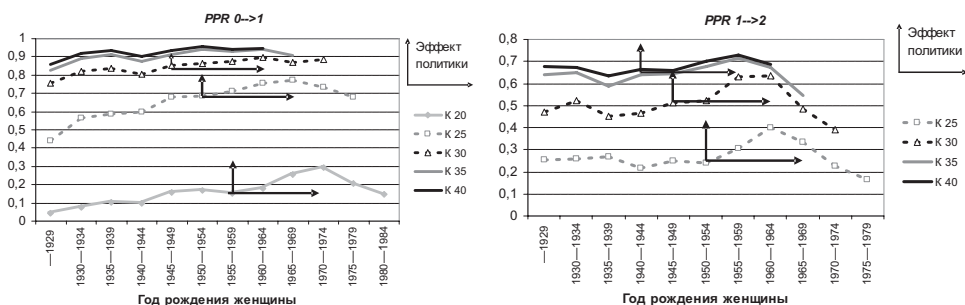
повышалась, а доля родивших трех и более детей сокращалась. Посмотрим, как на этом фоне развивались события в годы активизации семейной политики. Для этого вначале воспользуемся такой характеристикой как вероятность увеличения семьи¹⁷, оцененной по данным РидМиЖ для реальных поколений, а затем реконструируем распределения женщин по числу рожденных детей.

Динамика вероятности рождения первого ребенка представлена на левой панели рис. 9. Эффект политики 1980-х гг., главным образом, выразился в резком усилении тенденции к обзаведению детьми в особо раннем возрасте. Эта тенденция, как уже говорилось выше, наблюдалась во всех послевоенных поколениях. Однако стимулирующие меры политики довели до 30% долю женщин, имевших не менее одного рождения к 20 годам (рост вероятности рождения первенца — почти в 1,5 раза!). К 25 годам доля рожавших женщин также слегка увеличилась, достигнув 76%, однако, учитывая предшествующий тренд, прирост за счет собственно мер политики составил не более 5 процентных пунктов, к возрасту 30 лет — еще меньше. Окончательная же бездетность (к возрасту 50 лет) если и снизилась, то статистически незначимо.

Вероятность второго рождения под влиянием политики также резко подскочила, в первую очередь, в младших репродуктивных возрастах (правая панель рис. 9). В поколениях первой половины 1960-х гг. рождения к 25 годам 40% женщин из числа родивших первого ребенка уже обзавелись вторым ребенком (в поколениях первой половины 1950-х г.р. — 25%). К 30-летнему возрасту накопленная доля женщин с двумя рождениями в поколениях 1955—1964 г.р. поднялась до 63% (в поколениях первой половины 1950-х гг. — 52%). Однако прирост итоговой вероятности второго рождения к концу репродуктивного периода (к 40 годам и старше), который можно приписать мерам политики, составил для разных поколений 5—7 процентных пунктов.

Рис. 9

Вероятность рождения первого (левая панель) и второго (правая панель) ребенка в реальных поколениях, накопленным итогом к указанным возрастам

в российском населении установка на *добровольную* бездетность получает статистически значимое распространение.

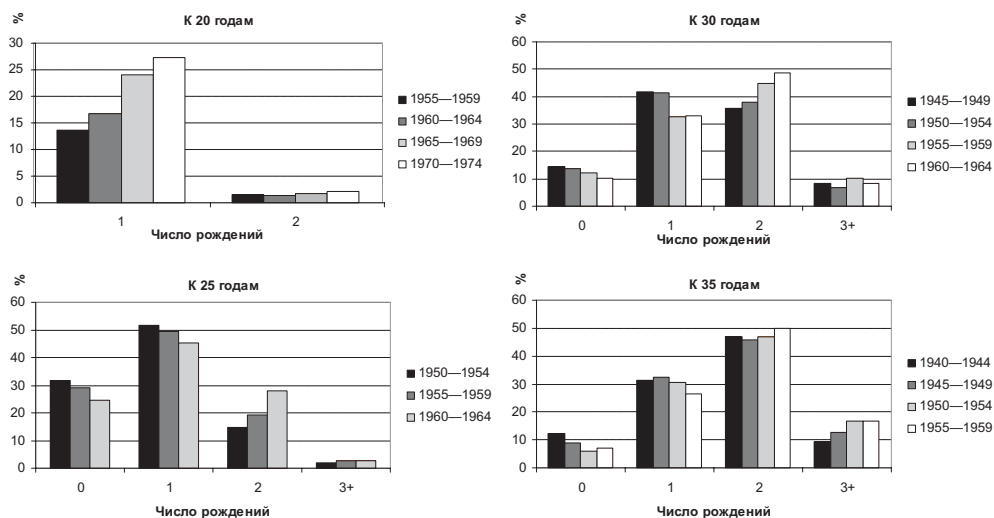
¹⁷ Вероятность увеличения семьи (вероятность очередного рождения) рассчитывается как доля женщин, родивших очередного ребенка, среди женщин, родивших на одного ребенка меньше.

Увеличение вероятности третьего рождения также имело место. Однако коснулось оно в основном только тех поколений, которые во время введения действия мер либо находились в возрастах старше 30 лет (поколения 1945—1954 г.р.), либо успели перешагнуть 30-летний возрастной барьер до 1990 г. Прирост вероятности третьего рождения под воздействием политики едва ли был выше 2—3 процентных пунктов. Так, среди женщин 1950—1954 г.р. доля тех, кто, имея двоих детей, решился на третье рождение, составила 28%, что примерно соответствует показателям для женщин 1930-х г.р.

С помощью несложных преобразований от вероятностей увеличения семьи легко перейти к распределениям женщин по числу рожденных детей к тому или иному возрасту. Рисунки 10—11 демонстрируют, как по мере увеличения возраста меняются распределения по числу рожденных детей в реальных поколениях. На каждом рисунке первый столбик (черного цвета) относится к той женской когорте, с которой надо сравнивать последующие когорты. Для каждого возраста база сравнения меняется, поскольку для получения эффекта политики нужно отделить когорты, репродуктивная карьера которых проходила под влиянием политики от тех, для которых к тому же возрасту часть репродуктивной деятельности прошла до введения в действия мер политики. Так, для женщин, достигших 20-летнего возраста, ближайшей референтной когортой будут женщины 1955—1959 г.р., самые младшие из которых достигли своего 20-летия к 1980 г. Для достигших 25-летнего возраста референтной когортой становятся женщины 1950—1954 г.р. и т.д. Результаты такого сравнения для каждой очередности рождения сведены в табл. 4—6.

Рис. 10

Распределение женщин реальных поколений по числу рожденных детей к возрасту 20, 25, 30, 35 лет. Россия, %

Распределение женщин реальных поколений по числу рожденных детей к возрасту 40 лет. Россия, %

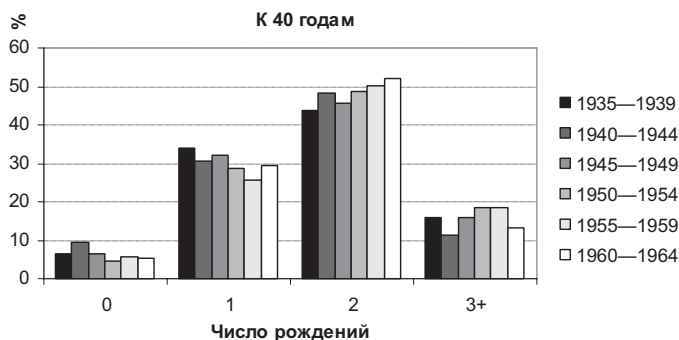

Таблица 4. Распределение женщин к возрасту 25 лет по числу рожденных детей в когортах, не испытывших и испытывших воздействие политики в 1981—1990 гг., %

Число рождений	База сравнения — когорта 1950—1954, %	Когорта 1955—1959, %	+/-	Когорта 1960—1964, %	+/-
0	32	29	-3	24	-8
1	52	49	-3	45	-7
2	14	19	+5	28	+14
3+	2	3	+1	3	+1
Среднее число рождений	0,87	0,96	+0,09	1,08	+0,21

Таблица 5. Распределение женщин к возрасту 30 лет по числу рожденных детей в когортах, не испытывших и испытывших воздействие политики в 1981—1990 гг., %

Число рождений	База сравнения — когорта 1945—1949, %	Когорта 1955—1959, %	+/-	Когорта 1960—1964, %	+/-
0	14	12	-2	10	-4
1	42	32	-10	33	-9
2	36	45	+9	48	+12
3+	8	10	+2	8	0
Среднее число рождений	1,40	1,56	+0,16	1,56	+0,16

Таблица 6. Распределение женщин к возрасту 40 лет по числу рожденных детей в когортах, не испытывших и испытывших воздействие политики в 1981—1990 гг., %

Число рождений	База сравнения — когорта 1935—1939, %	Когорта 1955—1959, %	+/-	Когорта 1960—1964, %	+/-
0	6	6	0	5	-1
1	34	26	-8	30	-4
2	44	50	+6	52	+8
3+	16	18	+2	13	-3
Среднее число рождений	1,76	1,87	+0,11	1,77	+0,01

Подведем промежуточные итоги. Политика, безусловно, вызвала усиление позиций двухдетной семьи в качестве идеальной модели. В женских поколениях 1955—1964 г.р., находившихся в активных детородных возрастах в период политики, доля двухдетных женщин повысилась на 6—8 процентных пунктов при примерно таком же снижении доли однодетных. Доля бездетных женщин едва ли сократилась сколько-нибудь существенным образом. Популярность семей с тремя детьми не возросла, и фактический прирост доли семей с тремя и более детьми оказался едва статистически различимым. Суммарная доля женщин, в связи с мерами политики изменивших свой статус по числу рожденных детей в большую сторону, может быть оценена примерно в 10%.

Оценка сокращения интервалов времени между рожденьями детей у матери

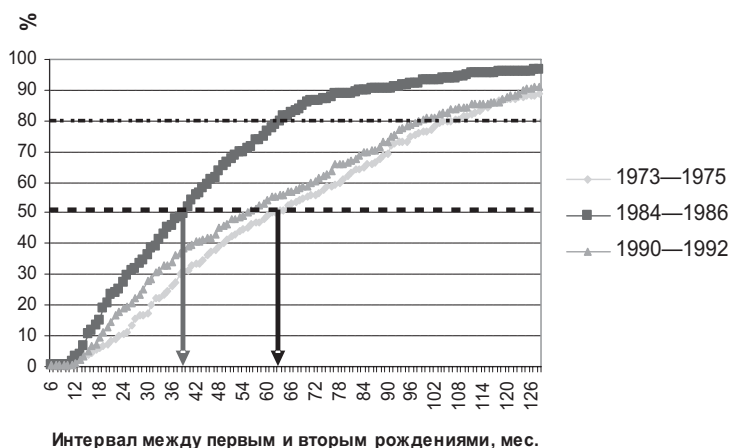
Наряду со средним возрастом матери при рождении детей важнейшей характеристикой темпа формирования семей является средний интервал времени, отделяющий каждое очередное рождение от предыдущего. Однако прямым способом исчислить эту характеристику на основе данных официальной статистики нельзя, поскольку при регистрации очередного рождения не спрашивается дата предыдущего рождения. Отечественные всеобщие переписи населения также не содержали в своих программах вопрос о датах рождения детей, рожденных респондентом. На основе регулярной официальной статистики можно получить лишь грубое приближение оценки средних интервалов как разницу в средних возрастах матерей при рождении детей следующих одна за другой очередностей. Методологически выверенные оценки средних интервалов в нашей стране получались только по результатам выборочных обследований. Обследование РидМиЖ явилось первым после долгого перерыва национальным репрезентативным обследованием, на базе которого можно кор-

Рис. 12

Средний интервал между первым и вторым рожденьями у матери в зависимости от года рождения первого ребенка (3-летняя скользящая средняя), лет

Кумулятивная функция распределения интервалов между первым и вторым рождениями у матери, родившей первого ребенка в 1973—1975, 1984—1986 и 1990—1992 гг., %

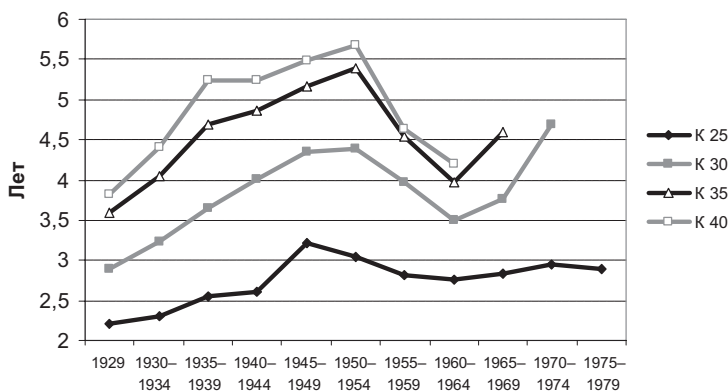

ректно проанализировать динамику средних интервалов между рождениями.

Оценки среднего интервала между первым и вторым рождениями у матери по году рождения первенца с 1950 по 1993 г., полученные по результатам обследования, представлены на рис. 12. Они убедительно доказывают, что имелось значительное падение этой величины под влиянием политики 1980-х гг. Женщины, родившие первого ребенка в первые годы действия политики (к середине 1980-х гг.), сократили интервал между родами наиболее значительно — более чем на 2 года, по сравнению с теми, кто родил первенца в середине 1970-х гг. (с 5,5—6 до менее 4 лет)¹⁸. Если половина всех женщин, родивших первого ребенка в 1973—1975 гг., решила на второго ребенка спустя 5 лет после рождения первого, то для 34% женщин, родивших первого ребенка в 1984—1986 гг., интервал между первым и вторым рождениями составил не более 2 лет, для 50% женщин — чуть более 3 лет, а в интервал до 5 лет уложилось 80% всех повторнородящих женщин! Легко предположить, что значительная часть женщин, совсем не выходя на работу или выйдя на короткий срок, фактически продлевала материнский отпуск по уходу за первым ребенком в связи с рождением второго. Однако столь мощное ускорение темпов увеличения семьи оказалось лишь кратковременным явлением. Уже для матерей, давших жизнь первенцу в начале 1990-х гг., распределение по величине интервала между первым и вторым рождениями практически вернулось к прежнему виду (рис. 13).

¹⁸ Оценки, сделанные нами более десяти лет назад с использованием годовых данных текущего учета рождений и разностного метода для средних возрастов матери при рождении первого и второго ребенка, также показывали снижение среднего интервала в годы политики [см.: Захаров 1994: 65]. Однако падение получалось менее выраженным, чем полученные теперь по результатам прямого счета на основе обследования РидМиЖ, что целиком объясняется грубостью разностного метода при его применении к данным для условных поколений, на что, в частности, указывал Л.Е. Дарский в выше цитированной работе.

Средний интервал времени между первым и вторым рождениями у матери в реальных поколениях, родивших второго ребенка к указанным возрастам

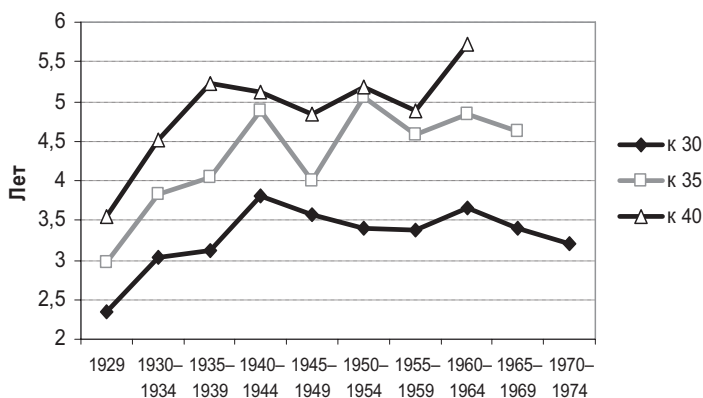

Вывод о сильном влиянии политики на величину интервала не меняется, если перейти от представления динамики средних интервалов по календарным годам рождений детей к представлению этой динамики для реальных поколений женщин по году их рождения. Поколения женщин, родившиеся в 1955—1964 гг., демонстрируют резкое сжатие интервала времени между первым и вторым рождениями. Для матерей, родивших второго ребенка к 30 годам, сокращение среднего интервала между первым и вторым рождениями составило 1 год, для родивших второго ребенка к 35 годам — 1,5 года (рис. 14).

Средний интервал между вторым и третьим рождениями, видимо, также снизился, но не столь очевидным образом, как интервал между первым и вторым рождениями. Заметное уменьшение средних интервалов между вторыми и третьими детьми в семьях коснулось только когорты женщин 1945—1949 г.р., находившихся к началу политики в возрастах старше 30 лет (рис. 15.).

Итак, под влиянием политики 1980-х гг. календарные сдвиги в рождаемости проявились не только в том, что женщины произвели на свет

Средний интервал времени между вторым и третьим рождениями у матери в реальных поколениях, родивших третьего ребенка к указанным возрастам

своих первых и вторых детей в более молодом возрасте, чем можно было бы ожидать в отсутствие этой политики, но и в том, что вторые дети были рождены с существенно меньшим промежутком времени после рождения первенца.

Изменения вероятности рождения очередного ребенка в зависимости от типа поселения и уровня образования

Известно, что этническая принадлежность, тип поселения и уровень образования — основные социальные дифференцы уровня рождаемости. Выборочная совокупность РидМиЖ не позволяет получить оценки вероятностей увеличения семьи для отдельных этнических групп, поскольку кроме русских, остальные представленные в выборке народности слишком малочисленны¹⁹. Что же касается типа поселения и уровня образования, то результаты, полученные нами на основе данных обследования, впервые позволяют судить о различном эффекте политики 1980-х гг. в разных социальных слоях. Следует, правда, оговориться, что вопросник предусматривал фиксацию места проживания и достигнутого образовательного уровня только в момент опроса, и, соответственно, данными характеристиками для респондентов в момент рождения ими детей, т.е. ретроспективной информацией, мы не располагаем. В то же время погрешности, которые возникают в связи с этим, едва ли существенным образом могут сказаться на выводах.

Рисунки 16—18 дают представление о том, как различалась кумулятивная вероятность родить (к фиксированным возрастам) соответственно первого, второго и третьего ребенка в зависимости от когорты по году рождения женщины и типа поселения: а) областные центры (включая Москву и Санкт-Петербург); б) прочие города; в) поселки городского типа и сельские населенные пункты.

Основные выводы, относительно реакции рождаемости на меры политики в различных типах поселений сводятся к следующему:

— до начала политики не только более высокая, но и более ранняя рождаемость была свойственна сельским жителям;

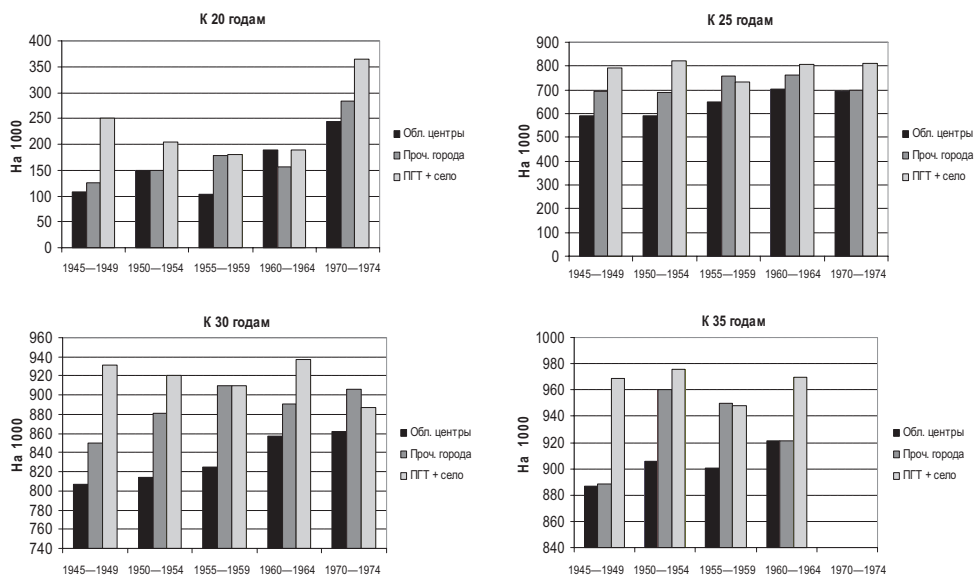
— под воздействием политики темпы увеличения размеров семей в молодом возрасте (до 25 лет) в городах и сельской местности практически сравнялись, преимущественно за счет резкого повышения темпов рождения детей первых трех очередностей в городах;

— итоговая вероятность рождения первого, второго и третьего ребенка в сельской местности практически не изменилась, а в городах шансы иметь первого и второго ребенка заметно повысились;

— прирост вероятности третьего рождения диагностируется только у женщин 1950-х годов рождения, проживающих в областных центрах.

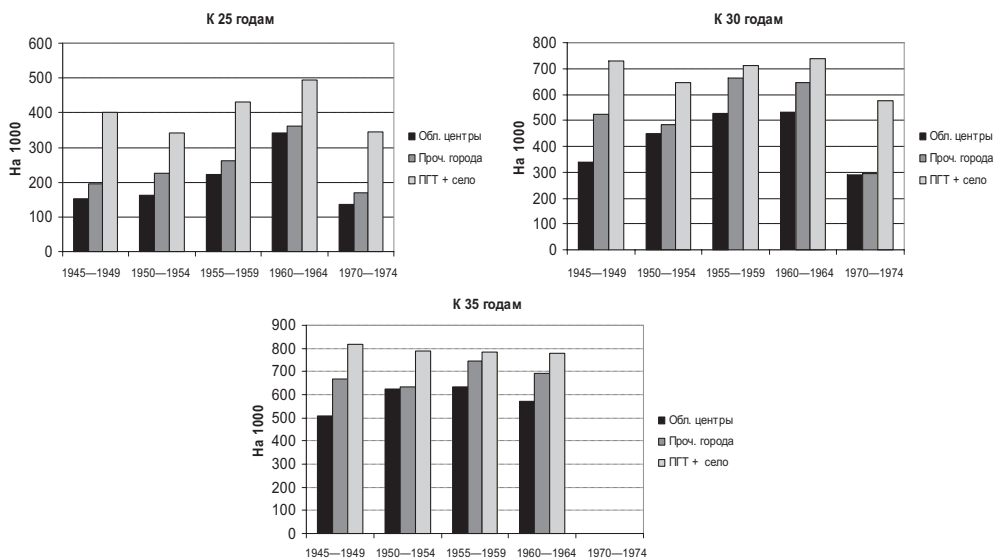
¹⁹ Обследование РидМиЖ репрезентативно на национальном уровне. В то же время оно не претендует на то, чтобы быть представительным на региональном уровне (в том числе и для каждого из 32 субъектов федерации, в которых проходил опрос). Соответственно речь не может идти и о репрезентативности на межэтническом уровне.

Вероятность первого рождения к указанным возрастам в реальных поколениях в зависимости от типа поселения, на 1000 ни разу не рожавших женщин

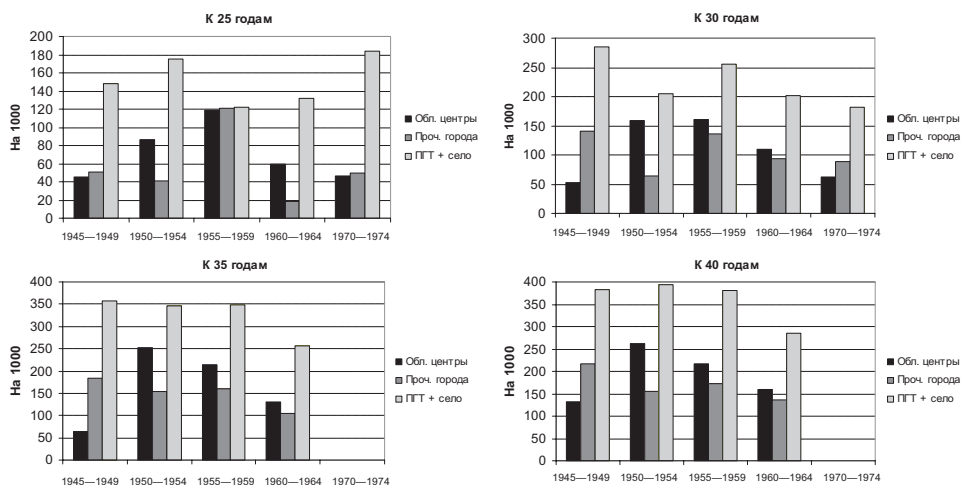

На рис. 19—21 демонстрируется кумулятивная вероятность родить (к фиксированным возрастам) соответственно первого, второго и третьего ребенка в зависимости от когорты по году рождения женщины и имею-

Вероятность второго рождения к указанным возрастам в реальных поколениях в зависимости от типа поселения, на 1000 женщин, родивших первого ребенка

Вероятность третьего рождения к указанным возрастам в реальных поколениях в зависимости от типа поселения, на 1000 женщин, родивших второго ребенка

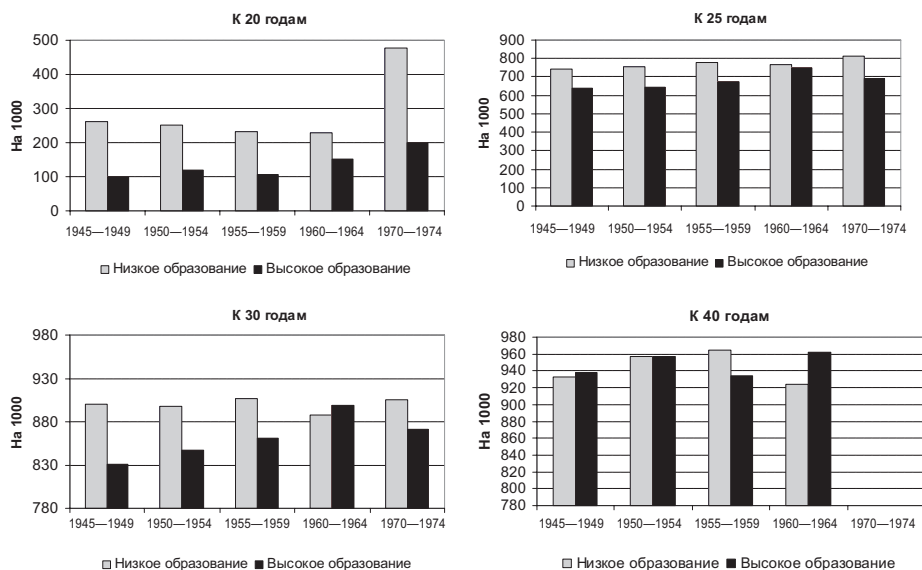

щегося у респондентов уровня образования: а) низкое — не выше начального профессионального (включающего все уровни школьного образования и закончивших ПТУ); б) высокое — среднее полное профессиональное уровня техникума и более высокие уровни образования.

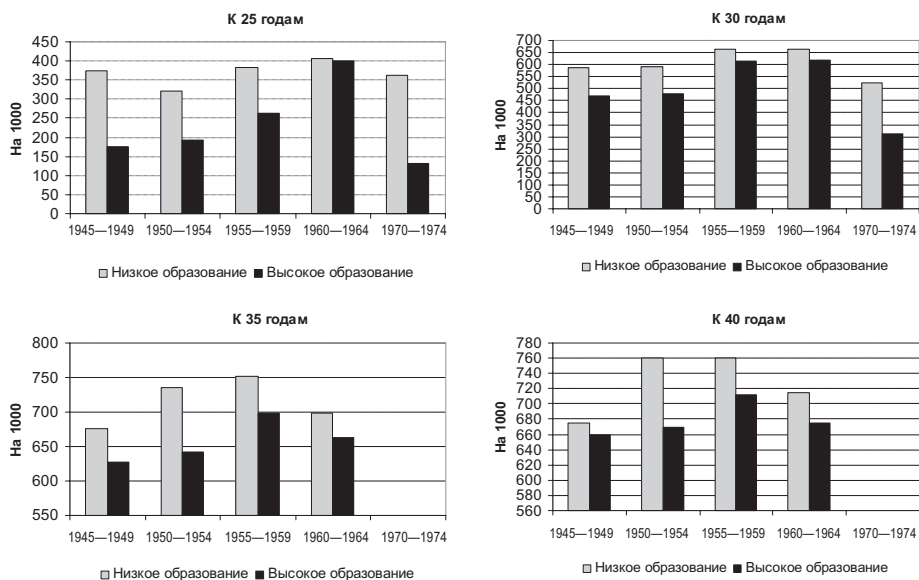
Основные выводы относительно реакции рождаемости на меры политики у лиц с различным уровнем образования сводятся к следующему:

— до начала политики уровень рождаемости и темпы увеличения семьи по уровню образования различались хорошо известным образом: более раннее обзаведение потомством и более высокая итоговая рождаемость были характерны для лиц с невысоким образовательным цензом;

Вероятность первого рождения к указанным возрастам в реальных поколениях в зависимости от уровня образования, на 1000 ни разу не рожавших женщин

Вероятность второго рождения к указанным возрастам в реальных поколениях в зависимости от уровня образования, на 1000 женщин, родивших первого ребенка

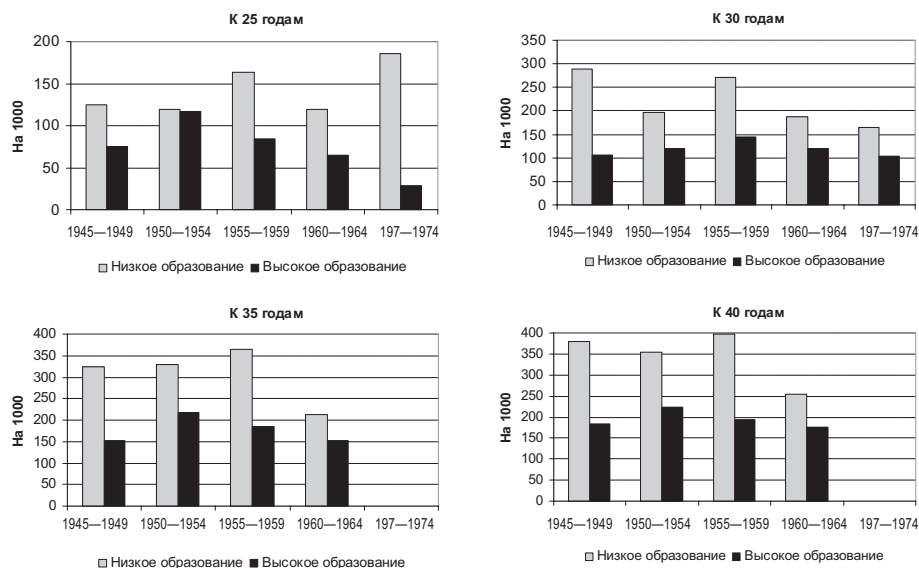

— под воздействием политики вероятность рождения первого ребенка у менее образованных женщин (с уровнем образования не выше ПТУ) не изменилась, если не считать резкого скачка вероятности иметь первого ребенка (и последующих детей) до 20 лет у когорты 1970—1974 г.р.;

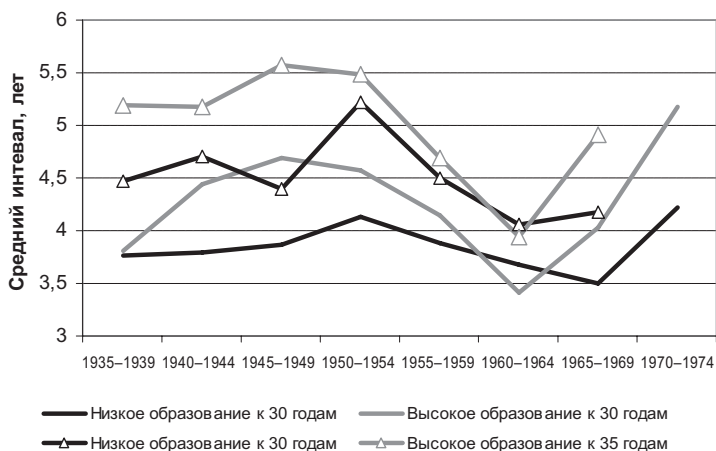
— темпы формирования итоговой рождаемости у женщин с высоким уровнем образования (со средним профессиональным и выше), напротив, в молодом возрасте возросли очень сильно: вероятность рождения первого и второго ребенка к возрасту 25 лет у более образованных женщин срав-

Рис. 21

Вероятность третьего рождения к указанным возрастам в реальных поколениях в зависимости от типа поселения, на 1000 женщин, родивших второго ребенка

Средний интервал между рождениями первого и второго ребенка в реальных поколениях в зависимости от уровня образования (возраст матери при рождении второго ребенка до 30 и до 35 лет)

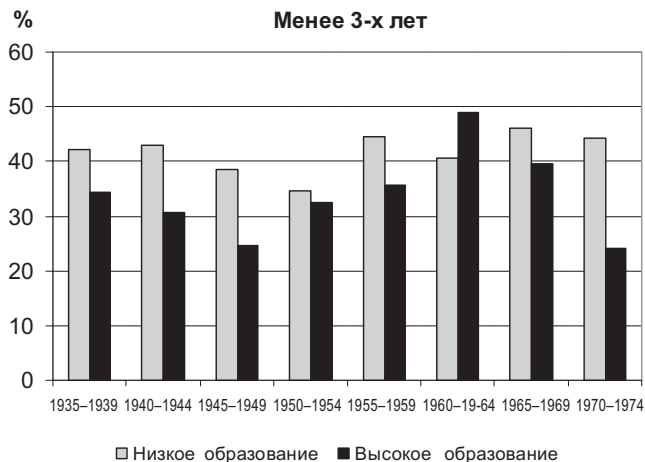
нялась или даже превысила вероятность рождения детей у менее образованных;

— итоговая вероятность рождения третьего ребенка практически не изменилась ни у менее образованных, ни у более образованных женщин, однако у менее образованных третий ребенок появился на свет в среднем в более раннем возрасте, чем до политики.

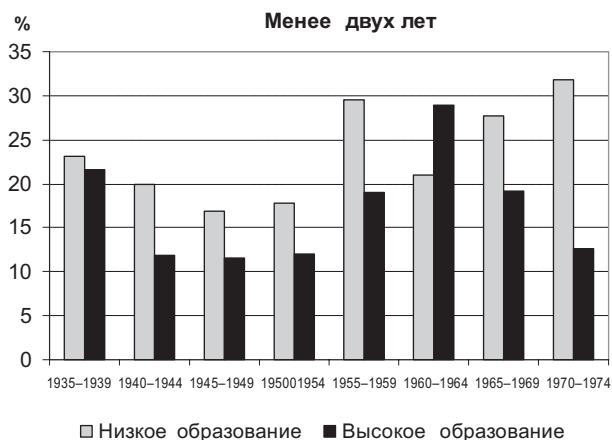
Итак, политика 1980-х гг. вызвала сближение средних возрастов матери при рождении детей первых двух очередностей у лиц с различным образовательным уровнем за счет временного омоложения материнства в социальных группах с высоким образовательным цензом. У женщин с высоким уровнем образования с опережением уменьшался не только возраст рождения детей, но и средний интервал между первым и вторым ребенком. В результате чего различия по величине интервала в зависимости от уровня образования также временно исчезли (рис. 22). Более того, доля женщин, родивших второго ребенка с укороченным интервалом времени между родами (менее 3 и менее 2 лет), у женщин с высоким образовательным уровнем подскочила настолько резко, что, к примеру, для когорт 1960—1964 г.р. даже превысила значения этого показателя для менее образованных женщин!

Для иллюстрации произведенного политикой эффекта на величину интервала между родами приведем следующие данные (см. рис. 23 и 24). Доля женщин 1945—1949 г.р. с высоким образовательным уровнем, родивших второго ребенка в возрасте до 30 лет с интервалом после первых родов менее 3 лет, составила 25%, с интервалом менее 2 лет — 12%. Для тех же когорт, но с низким образовательным уровнем интервал менее 3 лет был характерен для 38%, менее 2 лет — 17% женщин. В когортах 1960—1964 г.р. доля женщин с высоким образовательным уровнем, родивших 2-го ребенка до 30 лет с интервалом менее 3 лет составила 49%, с интервалом менее 2 лет — 29%. Среди менее образованных женщин сокращение интервалов между родами затянулось на несколько лет дольше. В когортах 1965—1969 г.р. доля женщин, родивших второго ребенка менее чем через 3 года после первого, составила 46%, а родивших с интервалом менее 2 лет — 28%.

Доля женщин различного уровня образования, родивших второго ребенка к возрасту 30 лет с интервалом менее 3 лет после рождения первого в реальных поколениях

Доля женщин различного уровня образования, родивших второго ребенка к возрасту 30 лет с интервалом менее 2 лет после рождения первого в реальных поколениях

После выраженного скачка в темпах увеличения семьи, характерных для поколений 1955—1964 г.р., в последующих поколениях лица с высоким образованием не менее резко начали эти темпы замедлять, и уже когорты 1970—1974 г.р. продемонстрировали те же интервалы между первыми и вторыми родами, что и когорты второй половины 1940-х гг. У женщин с низким образовательным уровнем замедление темпов увеличения семьи началось позже.

Общие выводы и дискуссионные вопросы

С точки зрения общего повышения рождаемости эффект семейной политики 1981—1990 гг. можно оценить как *очень скромный положительный* (т.е. едва отличающийся от нуля со знаком плюс). Возможно, для жен-

ских когорт 1955—1965 г.р. эффект мог бы быть и выше, если бы они свой третий десяток лет прожили в более спокойной социально-экономической атмосфере, чем та, которая сложилась в 1990-х гг. Прирост итоговой рождаемости реальных поколений мог бы составить, по нашей оценке, не 0,1, а максимум 0,15 рождений на одну женщину. На больший количественный эффект едва ли можно было рассчитывать.

Главный эффект от политики выразился не столько в повышении итоговой рождаемости, или, иначе, в повышении числа детей в семье, сколько во временной и мощной дестабилизации возрастной функции рождаемости и календаря рождений у реальных поколений — снижении возраста материнства, сокращении интервалов между рожденьями. Наблюдавшийся и до политики тренд к омоложению рождаемости значительно усилился. Доля женщин с двумя детьми, особенно в молодом возрасте (до 25 лет) повысилась очень значительно. Эти временные сдвиги и вызвали значительный рост конъюнктурных показателей рождаемости, в том числе и коэффициента суммарной рождаемости в 1982—1987 гг. В результате к началу рыночных реформ необычно высокая доля женщин была обременена маленькими детьми и находилась в отпусках по уходу за ними. Как это сказалось на адаптации населения к изменившейся социально-экономической реальности в период перехода к рыночной экономике — вопрос для дискуссии.

Политика повлияла на изменение календаря рождений, в первую очередь у жительниц городов и женщин с высоким образовательным статусом. По темпам формирования итоговой рождаемости жители городов временно стали напоминать жителей села, а лица с высоким образовательным статусом — лиц с низким образовательным статусом. Характер изменения календаря рождений и социальный состав продемонстрировавших эти изменения подтверждают, что наиболее значимыми для семей инновационными инструментами политики были увеличение отпуска по беременности и родам и учреждение не известных ранее в нашей стране отпусков по уходу за ребенком (до 1,5, а затем и до 3 лет, в том числе частично оплачиваемого до 1 года, а затем до 1,5 лет). Именно городские квалифицированные женщины, работающие в режиме полной занятости, впервые в советской истории получили возможность отвлечься от трудовой деятельности на несколько лет для выполнения материнских функций с минимальным риском потери рабочего места и без последствий для будущей пенсии. Женщины-учащиеся получили возможность оформлять отпуска по уходу за ребенком с частичной оплатой вместо неоплачиваемого академического отпуска.

Отпусками по уходу за ребенком воспользовалось подавляющее большинство матерей. Причем значительная часть молодых бездетных женщин не только незамедлительно реализовала свои права, произведя на свет первого ребенка, но и с минимальной отсрочкой поспешила обзавестись вторым ребенком. В результате более одной трети всех женщин вновь становились беременными в период отпуска по уходу за первым ребенком и рожали второго, на законных условиях продлевая отпуск по уходу за маленькими детьми. Последствия от столь коротких интервалов для здоровья матери и детей — вопрос для изучения²⁰. Следует, правда, заметить, что столь значительное сокращение первого интергенетического ин-

²⁰ Стоит напомнить, что Всемирная конференция по народонаселению 1984 г. (Мехико) признала, что наибольший риск для здоровья матери и ребенка представляют следующие ситуации: рождение ребенка матерью, не достигшей 18 лет, рождение первого ребенка матерью старше 35 лет, рождение более 4 детей, рождение детей с интервалом менее, чем в 2 года.

тервала (интервала между первым и вторым рождением) едва ли стало возможным, если бы оно не отвечало действующим в те годы идеальным представлениям о том, как должен быть устроен жизненный цикл женщины. Так, обследование, проведенное в 1983—1985 гг. в Москве, Саратове и Уфе показало, что идеальный интергенетический интервал, по мнению опрошенных женщин, должен составлять 3—3,5 года²¹. Как было показано выше, эта идеальная величина была фактически достигнута на среднем уровне после ее снижения в 1980-х гг. Нельзя не прийти к выводу, что политика образца 1980-х гг. полностью отвечала господствующей в те годы идеальной модели раннего начала и быстрого завершения формирования семьи на уровне двухдетности.

Вероятность появления в семье третьего ребенка увеличилась едва заметным образом в когортах 1950-х гг. рождения, преимущественно у жительниц областных центров. Можно предположить, что за этим скрывается коррекция жилищной политики по отношению к многодетным семьям, произведенная в рамках той же политики 1980-х гг. К «многодетным» семьям, пользовавшимся преимуществом в очереди предоставляемого жилья, в соответствии решениями городских властей стали относить семьи с тремя детьми. Однако эта гипотеза еще требует специальной проверки, как и обнаруженный нами факт, что, согласно данным обследования РИДМИЖ, вероятность третьего рождения в городах была значимо выше у недавних мигрантов.

Перепись 2002 г. и данные выборочного обследования РИДМИЖ убедительно показывают прекращение роста и даже снижение распространенности высшего образования в женских когортах, испытавших на массовом уровне раннее материнство в 1980-х гг. Какой направленности эта взаимосвязь — вопрос дискуссионный, но ассоциация очевидна, поскольку завершение образования, поиск первой работы и рождение детей — по сути, конкурентные во времени события. Как неоднократно повторял известный демограф и публицист В.И. Переведенцев, много писавший о проблемах молодежи: «Разумеется, можно одновременно работать и учиться, это многие и делают. Но очень трудно одновременно с этим рожать и воспитывать детей»²². В 1970-е и 1980-е гг. молодые девушки делали выбор в пользу раннего брака и раннего материнства, тем более что государственная политика тех лет была направлена на усиление притока молодежи в сферу начального профессионального образования и ограничение доступности высшего образования²³. Что определяло такой выбор: улучшение условий для столь желанной самореализации молодой женщины в роли жены и матери или очевидная узость каналов социальной мобильности для молодежи, характерной для позднего советского периода? Исследования того времени свидетельствовали, что действовали оба фактора, и, скорее всего, в сложной взаимосвязи на индивидуальном уровне принятия решений. В любом случае этот сюжет представляется чрезвы-

²² [Переведенцев 1982: 93].

²³ Четко артикулированная политика ограничения доступности высшего профессионального образования в СССР лишь отчасти была связана с многочисленностью молодежных когорт во второй половине 1970-х — первой половине 1980-х гг. при фиксированном числе учебных мест. Главными мотивами торможения роста образования выступали соображения, вытекающие из специфики отраслевой структуры советской экономики. Результатом политики было двукратное сокращение доли выпускников школ, ориентированных на поступление в вузы. Эту тему в связи с динамикой возраста вступления в брак я специально затрагиваю в другой статье [Захаров 2006б; сокращенный вариант статьи в электронном виде см.: Захаров 2006а].

чайно важным для дальнейших исследований, особенно в контексте современных реалий.

В заключение нельзя еще раз не напомнить о главном отрицательном последствии структурных эффектов в рождаемости, вызванных мерами политики в 1980-е гг. Вследствие неизбежного компенсаторного падения годовых показателей рождаемости в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Россия слишком резко вошла в полосу отрицательного естественного прироста²³. Психологический шок от размеров естественной убыли населения оказался настолько сильным, что вызвал неадекватную реакцию у политиков, не сильно разбирающихся в тонкостях демографии. Последним из пяти пунктов обвинения президента Ельцина в ходе неудавшегося импичмента значился «геноцид российского народа», важнейшим доказательством которого и была ссылка на естественную убыль населения²⁴. Переход к негативной динамике численности населения был неизбежен при любом социально-экономическом и политическом раскладе, поскольку был заложен предшествующей долговременной эволюцией рождаемости. Задолго до его фактического наступления он прогнозировался и официальными статистическими органами, и отдельными специалистами. В то же время, если бы не было искусственного «бэби-бума» в первой половине 1980-х гг., естественная убыль населения в первой половине 1990-х гг. могла бы быть существенно меньшей. Соответственно сокращение численности населения началось бы на несколько лет позже и в начальной фазе происходило бы более умеренными темпами. Более того, нынешняя возрастная структура населения характеризовалась бы меньшей волнообразностью, и мы бы с меньшим ужасом ожидали наступление после 2010 г. десятилетия катастрофического падения численности населения трудоспособного возраста.

Справка о об основных действующих и вновь введенных мерах семейной политики в 1980-х гг.

Постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР № 235 от 22 января 1981 г. базовые инновационные меры семейной политики вводились в действие поэтапно: с ноября 1981 г. в Сибири и на Дальнем Востоке, а также на территориях Европейского Севера, с ноября 1982 г. на остальной территории России. Отпуск по беременности и родам с сохранением полной оплаты труда был увеличен с 77 до 112 дней (затем до 126 дней в 1990г.). Отпуск по уходу за ребенком для женщин, имевших опыт работы, был установлен длительностью а) 12 мес. (с 1989 г. — 18 месяцев) с сохранением полной оплаты в случае тяжело больного ребенка; б) той же длительности в общем случае с оплатой в размере 35 руб. (50 руб. в Сибири, на Дальнем Востоке и Европейском Севере), что соответствовало примерно 20% от средней зарплаты в то время; в) неоплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до 1,5 лет (с 1989 г. до 3 лет). Женщинам с двумя и более детьми были предоставлены дополнительный трехдневный отпуск, право на отпуск в удобное время, дополнительный отпуск сроком в две недели без сохранения зарплаты. В 1989—1990 гг. отпуска по уходу за ребенком стали предлагаться для отцов, прародителей и даже более отдаленных родственников, в случае, если имелась такая необходимость. Кроме того, родителю, осуществляющему уход за ребенком, было гарантировано право на неполную занятость или надомный труд. Женщинам с детьми до 14 лет все предприятия и учреждения должны были обеспечить по выбору

²³ Ситуация была усугублена и последствиями антиалкогольной кампании. Календарные сдвиги в возрастном распределении смертей в середине 1980-х гг. оказались не менее мощными, чем рождений. Компенсаторный вал отложенных смертей обрушился на Россию в те же годы, что компенсаторное падение рождений. Подробнее см.: [Захаров 1999а: 44—45; 1999б: 114—131; Блюм 2005: 143—144].

²⁴ См.: [О государственном геноциде... 1998].

возможность работать полный или неполный рабочий день, в том числе с гибким часовым или недельным графиком. Одиноким матери получили возможность получать социальные алименты в размере 20 рублей на каждого ребенка до 16 лет, в случае если местонахождение отца ребенка не известно, или если отец ребенка не получает стабильного дохода, или его доход недостаточен для обеспечения всех обязательных платежей.

В соответствии с постановлением № 235 предприятиям и колхозам разрешалось выдавать беспроцентную ссуду в размере 1500 руб. сроком на восемь лет одному из супругов до 30 лет с одним ребенком, причем рождение второго погашало 200 руб., а третьего 300 руб. из этой ссуды.

Кроме того, в этот период продолжали действовать: а) введенное в 1974 г. пособие для малообеспеченных семей на каждого ребенка до 8 лет в размере 12 руб. в месяц (примерно 6—7% от средней зарплаты в середине 1980-х гг.) при условии, если доход на одного члена семьи не превышает 50 руб. (этот барьер бедности составлял примерно 25% от средней зарплаты в те годы); б) увеличенное в 1974 г. пособие одинокой матери в размере 20 руб. в месяц и продленное в 1981 г. до исполнения ребенку 16 лет; в) пособие на детей в возрасте 1—5 лет многодетным матерям, действовавшее в неизменном виде с 1944 г. (отменены в 1990 г.): на 4-го ребенка — 4 руб., на 5-го ребенка — 6 руб., на 6-го ребенка — 7 руб., на 7-го, 8-го и 9-го ребенка — 9 руб., на 10-го ребенка — 12 руб., на 11-го и последующих детей — 15 руб.; г) единовременное пособие при рождении ребенка, увеличенное в 1981 г.: на 1-го ребенка — 50 руб., 2-го ребенка — 100 руб., 3-го ребенка — 100 руб., 4-го ребенка — 65 руб., 5-го ребенка — 85 руб., 6-го ребенка — 100 руб., 7-го и 8-го ребенка — 125 руб., 9-го ребенка — 175 руб., 10-го ребенка — 100 руб., 11-го и последующих детей — 250 руб. (пособия на 1-го, 2-го и 3-го детей были введены в действие в 1981—1982 гг., а на 4-го и последующих действовали в неизменном виде с 1944 г.); д) специальный налог, введенный еще во время войны (1941 г.), на бездетных неженатых мужчин и незамужних женщин в размере 6%, женатых мужчин с одним ребенком — 1%, и женатых мужчин с двумя детьми — 0,5%. Согласно официальной версии, средства, аккумулированные с помощью данного налога, использовались прямо на выплату пособий одиноким матерям и многодетным семьям; е) в 1983—1984 гг. был снижен подоходный налог на 30% с имеющих на иждивении 4 и более человек; ж) снижение платы в детских дошкольных учреждениях с родителей четырех и более детей на 50% и бесплатное содержание в них детей из семей с ежемесячным душевым доходом, не превышающим 60 руб. в месяц.

Наконец, политика 1981 г. предусматривала целый ряд льгот специальной социальной категории «многодетная мать», которая стала присваиваться матерям с 3 детьми (ранее нужно было иметь не менее 4 живых детей). Удостоверение многодетной матери давало целый ряд преимуществ: снижало срок получения жилья, облегчало доступ к дефицитным товарам длительного пользования, сокращало время стояния в очередях в магазинах, что было принципиально важно в условиях тотального дефицита товаров повседневного спроса, и т.п. Кроме того, матерям, которые вырастили не менее 5 детей до 8-летнего возраста, предполагалось снижение пенсионного возраста.

В апреле 1990 г. была произведена ревизия всей системы финансовой помощи семьям. Размеры пособий стали привязываться через различные коэффициенты к официально устанавливаемой минимальной заработной плате. Так, пособие по уходу за ребенком до 1,5 лет устанавливалось в размере одной минимальной заработной платы (70 руб.) в случае, если женщина работала перед рождением ребенка, и в размере 0,5 минимальной заработной платы в случае, если мать не работала.

В августе 1990 г. было произведено еще одно усовершенствование системы. Так, были отменены ежемесячные пособия многодетным матерям. Вместо этого вводилось единое семейное пособие на детей в возрасте от 1,5 до 6 лет в размере 0,5 минимальной заработной платы, если душевой доход семьи не превышал 2 минимальные заработные платы, что означало фактическое увеличение финансовой поддержки семей со многими детьми, поскольку за редким исключением все семьи с большим числом детей удовлетворяли критерию данного порога бедности.

Литература

Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза: 1922—1991. М.: Наука, 1993.

Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. М.: Грааль, 2000.

Антонов А.И., Медков В.М., Архангельский В.Н. Демографические процессы в России XXI века. М.: Грааль, 2002.

Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. М.: ТЕИС, 2006.

[*Архангельский В.Н.*] Семья и семейная политика в Псковской области / Под ред. Н.В. Васильевой, В.Н. Архангельского. Псков: Изд-во Псковского областного института усовершенствования учителей, 1994.

Бабин Е.Б. Контрацептивное поведение супругов в городских семьях // Детность семьи: вчера, сегодня, завтра / Рук. авт. колл. А.И. Антонов. М.: Мысль, 1986.

Белова В.А., Бондарская Г.А., Дарский Л.Е. Современные проблемы и перспективы рождаемости // Методология демографического прогноза / Отв. ред. А.Г. Волков. М.: Наука, 1988. С. 41—77.

Блюм А. Родиться, жить и умереть в СССР / Пер. с франц. М.: Новое издательство, 2005.

Борисов В.А., Киселева Г.П., Лукашук Ю.М., Синельников А.Б. Воспроизводство и населения и демографическая политика в СССР. М.: Наука, 1987.

Борисов В.А., Синельников А.Б. Брачность и рождаемость в России: демографический анализ / НИИ семьи Минсоцзащиты России. М., 1996.

Вишневский А.Г., Тольц М.С. Эволюция брачности и рождаемости в советский период // Население СССР за 70 лет / Отв. ред. Л.Л. Рыбаковский. М.: Наука, 1988. С. 75—114.

Вишневский А.Г., Щербов С.Я., Аничкин А.Б. и др. Новейшие тенденции рождаемости в СССР // Социологические исследования. 1988. № 3. С. 54—67.

Демографическая модернизация России, 1900—2000 / Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006.

Елизаров В.В. Демографическая ситуация и демографическая политика в Российской Федерации // Материалы семинара «Стратегия развития» от 14 ноября 2005 г. М.: Институт комплексных стратегических исследований. 2005. С. 10—43.

Захаров С.В. Брачность в России: история и современность // Демоскоп-Weekly. № 261—262. 2006. 16—29 октября (<http://demoscope.ru/weekly/2006/0261/tema01.php>). (а)

Захаров С.В. Возрастная модель брака в России // Отечественные записки. 2006. № 4 (31). С. 271—300. (б)

[*Захаров С.В.*] Очередность рождения // Демографическая модернизация России, 1900—2000 / Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006. (в)

[*Захаров С.В.*] Возраст матери при рождении ребенка // Демографическая модернизация России, 1900—2000 / Под ред. А.Г. Вишневского. М.: Новое издательство, 2006. (г)

[*Захаров С.В.*] Население России 1999. Седьмой ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. ЦДЭЧ ИНП РАН. М.: Книжный дом «Университет», 2000.

[Захаров С.В.] Население России 1998. Шестой ежегодный демографический доклад. ЦДЭЧ ИНП РАН / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Книжный дом «Университет», 1999. С. 44—45. (а)

Захаров С.В. Когортный анализ смертности населения России (долгосрочные и краткосрочные эффекты неравенства поколений перед лицом смерти) // Проблемы прогнозирования. 1999. №2. С.114—131. (б)

[Захаров С.В.] Население России 1995. Третий ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. ЦДЭЧ ИНП РАН. М., 1996. С. 51—52.

[Захаров С.В.] Население России 1994. Второй ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г.Вишневский. ЦДЭЧ ИНП РАН. М.: Евразия, 1994.

Захаров С.В. Эволюция региональных особенностей воспроизводства населения России // Диссертация на соискание учен. ст. канд. эк. наук. ИСЭПН АН СССР и ГКТ СССР. М., 1990.

Захарова О.Д. Эволюция рождаемости в России в XX веке. М.: ИСПИ РАН, 1993.

[*Захарова О.Д.*] // Стабилизация численности населения России (возможности и направления демографической политики) /Под ред. Г.И. Кареловой и Л.Е. Рыбаковского. М.: Изд. Центра социального прогнозирования, 2001.

Киселева Г.П. Демографическая политика в СССР // Демографическая политика в современном мире / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Наука, 1989. С. 5—19.

Клупт М.А. О статистической оценке влияния демографической политики на рождаемость // Воспроизводство населения и демографическая политика / Отв. ред. П.П. Звидриньш. Рига, 1988. С. 51—58.

Клупт М.А. Экономическое измерение демографической динамики. Л.: Изд. ЛГУ, 1990.

Кузьмин А.И. Семья на Урале. Демографические аспекты выбора жизненного пути. Екатеринбург: Наука, 1993.

О государственном геноциде в России // Материалы Круглого стола «Кризис нации» при Председателях Комитетов по обороне и безопасности Государственной думы Российской Федерации. М., 1998.

Переведенцев В.И. Школа и молодая семья. М.: Знание, 1982.

Рождаемость. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 12 / Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2005.

Семья и семейная политика в Псковской области / Под ред. Н.В. Васильевой, В.Н. Архангельского. Псков: Изд-во Псковского областного института усовершенствования учителей, 1994.

Шнейдерман Н.А. Откровенный разговор: рождаемость и ее регулирование. М.: Мысль, 1991.

Avdeev A., Monnier A. A Survey of Modern Russian Fertility // Population. An English Selection. 1995. Vol. 7. P. 1—38. (Исходная версия была опубликована на французском языке, см.: Population. 1994. Vol. 4—5.)

Darsky L.E. Quantum and Timing of Births in the USSR // Demographic Trends and Patterns in the Soviet Union Before 1991 / Ed. by W. Lutz, S. Scherbov, A. Volkov. L.; N.Y.: Routledge-IIASA, 1994. P. 57—69.

Zakharov S.V., Ivanova E.I. Fertility Decline and Recent Changes in Russia: on the Threshold of the Second Demographic Transition // Russia Demographic «Crisis» / Ed. by J. DaVanzo. Santa Monica: RAND, 1996. P. 36—82.

Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике*

Демографический кризис в России со всей остротой ставит перед обществом вопрос о том, что же необходимо и возможно сделать для устранения негативных тенденций или, по меньшей мере, ослабления их социально-экономических последствий. Быстрое сокращение общей численности населения и принципиальное изменение демографического баланса между поколениями имеют далеко идущие последствия для функционирования всего общества, его социальных институтов, экономической и политической систем.

Главной проблемой современной демографической ситуации является беспрецедентно низкая рождаемость, которая предопределяет сокращение численности населения и ведет к постарению возрастного состава, как всего населения, так и его трудоспособной части [Концепция... 2001; Национальный доклад; Захаров 1999—2004; Демографическая модернизация... 2006]. В настоящее время одним из вопросов, наиболее остро стоящих перед социальной наукой, является попытка понять, в чем состоят главные причины сокращения рождаемости — в изменении общих социальных ценностей, и в том числе потребности иметь детей, или же в существовании барьеров, которые не позволяют людям реализовать их репродуктивные планы.

Считается, что репродуктивное поведение регулируется социальной нормой относительно «идеального» числа детей в семье, которая разделяется большинством населения. Как и любая другая, эта социальная норма изменяется на протяжении истории и не всегда может быть выражена количественно. Сегодня в развитых странах доминирует идеальная модель двухдетной семьи (мальчик и девочка), что подтверждают многочисленные социологические опросы. Различия между странами по уровню рождаемости прежде всего связаны с различиями в реализации этой нормы в разных социальных стратах. Как правило, фактические отклонения от двухдетной модели семьи заметнее в странах, наиболее либеральных и толерантных к различиям в индивидуальном поведении в области формирования семьи и рождаемости.

В странах Центральной и Восточной Европы, включая Россию, социальная норма относительно двухдетной семьи формулируется следующим образом: «не менее одного ребенка, но и не более двух», что выражается в очень маленькой доле никогда не рожавших женщин и одновременно — в ограниченном числе женщин с 3 и более детьми. В результате в России

* Данная работа впервые была представлена на международном семинаре «Низкая рождаемость в Российской Федерации: вызовы и стратегические подходы», который был организован Фондом народонаселения ООН 14—15 сентября 2006 г. в Москве.

вариация женщин по числу рожденных детей находится на очень низком уровне, поскольку 70—80% женщин родили 1—2 детей¹. Можно предположить, что в России социальная норма относительно рождения детей («быть как все») соблюдается более строго, чем в развитых странах [Захаров 1999—2004; Демографическая модернизация... 2006]. Несмотря на то что среднее число рожденных детей в расчете на одну женщину в Германии, Италии и России примерно одинаково, Россия характеризуется наименьшей вариацией женщин по этому показателю.

Вместе с тем на протяжении последних 20 лет в большинстве развитых стран, включая Россию, увеличивается число женщин, ограничивающихся рождением одного ребенка. Этот тренд вызвал среди экспертов оживленную дискуссию о том, не являемся ли мы свидетелями постепенного изменения социальной нормы — с двухдетной на однодетную семью [см., например Lutz, Skirbekk, Testa. 2005; Демографический переход... 2006].

Одним из способов приблизиться к ответу на этот вопрос является изучение неслучайных отклонений в индивидуальном поведении относительно господствующей социальной нормы в различных социально-экономических группах². Это возможно сделать на основе сопоставления реального репродуктивного поведения людей и их репродуктивных намерений.

Как преодолеть дефицит демографической информации? Программа «Поколения и гендер» за рубежом и в России

Понимание сложности и многоаспектности проблемы рождаемости, не сводимых к простому описательному анализу уникальных ситуаций в конкретных странах, подвело исследователей к мысли о необходимости проведения ширококомасштабных проектов по единой программе, скоординированной на международном уровне. Опираясь на уже имевшийся опыт выборочных обследований по единой программе и, в частности, в рамках европейского проекта «Обследование семьи и рождаемости»³), успешно завершившегося к середине 1990-х гг., Международный консорциум европейских и североамериканских исследовательских центров в начале 2000-х гг. разработал принципиально новую программу углубленного изучения рождаемости и семьи, которая получила название «Generations and Gender Programme/Survey» (программа «Поколения и гендер»⁴). Инициатором и ге-

¹ Все женщины по данным переписей 1989 и 2002 гг. и микропереписи 1994 г.

² См., например, работы [Ekert-Jaffé O., Heather J., et al. 2002; Meron, Widmer 2002; Testa, Grilli 2004; Andersson 2005], обсуждающие вопросы детерминант рождаемости и влияния семейной политики на вариации в репродуктивном поведении населения европейских стран.

³ FFS (Fertility and Family Survey), координатор — Европейская экономическая комиссия ООН.

⁴ Программа направлена на межстрановое, сравнительное, мультидисциплинарное, лонгитюдное изучение развития семьи, семейных взаимосвязей и социально-экономических условий функционирования домохозяйств в современных индустриально развитых странах в Европе и Северной Америке. Первой стадией программы является национальное обследование по единому для всех стран стандартному вопроснику, который разрабатывался рабочей группой Международного консорциума программы. Подробнее о программе и обследовании см.: <http://www.unecce.org/ead/pau/ggp/>

неральным координатором проекта вновь выступила Европейская экономическая комиссия ООН. Участниками проекта к сегодняшнему дню стали около 30 стран мира, и этот список с каждым годом расширяется.

Если в предыдущем проекте Россия, к сожалению, участия не принимала, то в проекте «Поколения и гендер» она сыграла одну из ключевых ролей, присоединившись к нему на стадии подготовки стандартного вопросника и проведения серии предпилотных и пилотных обследований. Россия стала первой страной, в которой в полном соответствии с единой методологией и рекомендациями Международного консорциума было проведено пробное (ноябрь 2002 г.) и полномасштабное, репрезентативное для всего населения страны выборочное обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (июнь — август 2004 г.) (далее РиДМиЖ)⁵.

Программа обследования включает весьма широкий набор показателей, объединенных в следующие содержательные блоки: состав домохозяйства; дети; брак(и)/союз(ы); распределение домашних обязанностей; родители и родительский дом; беременность; бесплодие и планы иметь детей; здоровье и благополучие; деятельность и доходы респондента; деятельность и доходы партнера; имущество домохозяйства, доходы и трансферты; ценности и установки; пенсионное обеспечение.

Новацией в демографических исследованиях является тот факт, что программа «Поколения и гендер» замыслена как лонгитюдное исследование, согласно которому одни и те же респонденты будут опрошены трижды с интервалом в 3 года. Для нашего анализа принципиально, что РиДМиЖ дает возможность сопоставить реальное репродуктивное поведение людей (фактическая рождаемость) и их репродуктивные намерения при различных временных горизонтах. И наоборот, обращение к одним и тем же респондентам с интервалом в 3 года позволит оценить, насколько репродуктивным намерениям суждено реализоваться.

Сбор данных осуществлялся методом личного интервью. При формировании выборки использовался метод многоступенчатого вероятностного отбора жилищ, в которых затем выбирались домохозяйства, и, наконец, случайным образом отбирался один респондент. Выборка позволяет репрезентировать российское население на уровне РФ. Дизайн выборки обеспечивает возможность анализа данных как по домохозяйствам, так и по респондентам, проживающим в данных домохозяйствах. *Домохозяйство* состоит из всех лиц, проживающих на общей жилплощади не менее 4 дней в неделю на протяжении не менее 3 месяцев в году⁶.

Центральным понятием обследования является непривычное для российских исследований понятие партнерства. *Партнер* определяется как человек, с которым респондента связывают устойчивые, близкие, интимные отношения, независимо от того, проживают они вместе или раздельно. Брачный статус оказывается, таким образом, вторичным. Информация о партнере респондента собирается со слов респондента практически

⁵ Российское обследование в рамках международной программы «Поколения и гендер» было проведено Независимым институтом социальной политики (Москва) при финансовой поддержке Пенсионного фонда Российской Федерации и Научного общества Макса Планка (Германия). Концепция и инструментарий обследования были адаптированы к российским условиям Независимым институтом социальной политики с участием Независимой исследовательской группы «Демоскоп» и Института демографических исследований им. Макса Планка (Германия)

⁶ Отметим, что в этом определении домохозяйства отсутствует традиционный для российских исследований критерий — общность бюджета.

в том же объеме, что и о самом респонденте, тем самым число наблюдений существенно расширяется⁷.

Таблица 1. Характеристики выборки: женщины 18–44 лет*

Факторы	Значения факторов	Всего наблюдений	%
Возраст респондента	До 20	199	6,5
	20—24	490	16,0
	25—29	552	18,1
	30—34	566	18,5
	35—39	550	18,0
	40—44	700	22,9
Тип населенного пункта	Город	2106	68,9
	Село	951	31,1
Брачно-партнерский статус	Нет партнера	686	22,4
	Партнер отдельно	446	14,6
	Партнер в домохозяйстве	1925	63,0
	в зарегистрированном браке	1547	50,6
Уровень образования	Нет среднего общего	222	7,3
	Среднее общее	475	15,6
	Начальное профессиональное	485	15,9
	Среднее профессиональное	1077	35,2
	Высшее, включая незавершенное	794	26,0
Статус на рынке труда	Занятые	2278	74,5
	Безработные	141	4,6
	Неактивные	638	20,9
Религиозность	Никак не связаны с религией	505	16,5
	Слабая	1346	44,0
	Средняя	854	27,9
	Сильная	189	6,2
	Ислам	163	5,3
Беременные	Да	73	2,4
Рожали в течение последних 5 лет	Да	675	22,1
Рожали в течение последних 3 лет	Да	443	14,5
Сами хотели бы сейчас иметь (еще одного) ребенка	Да	708	23,2
Собираются родить ребенка в ближайшие 3 года	Да	724	23,7
Всего		3057	100

* Исключены пенсионеры, инвалиды, длительно больные.

В итоге выборка РидМиЖ включает 11 261 респондентов, из которых 6563 человека имеют партнеров в домохозяйстве. Доли городского и сель-

⁷ Хотя, безусловно, при интерпретации результатов необходимо учитывать возможные системные ошибки, возникающие при такой организации сбора данных, связанные с трудностями воспоминания, если речь идет о прошлых событиях, или недостаточной осведомленностью респондента, когда он рассказывает о других людях.

ского населения 18—79 лет составляют по данным обследования 74,7 и 25,3%, а по данным статистики на начало 2004 г., скорректированным на результаты переписи⁸, — 74,9 и 25,1% соответственно. Возрастное распределение опрошенных 18—79 лет также в целом совпадает с соответствующим распределением населения России на начало 2004 г., хотя имеет ряд особенностей: а) в выборке недопредставлена молодежь 20—25 лет; б) немного завышена доля женщин 45—55 лет; в) перепредставлены 70-летние мужчины. В целом есть все основания считать, что выборочная совокупность опрошенных по программе РидМиЖ является репрезентативной для России в целом, особенно учитывая тот факт, что она не была стратифицированной по возрастным группам.

В рамках данной работы анализ основан на подвыборке женщин-респонденток в возрасте 18—44 лет, из которой были исключены пенсионерки, длительно больные или инвалиды, поскольку их демографическое поведение может значительно отличаться от поведения остальных женщин.

В определенной таким образом подвыборке оказалось 73 беременных, которые были исключены из последующего анализа. Общее число наблюдений в результате составило 2984 человек. Далее из анализа были исключены те респондентки, чье здоровье (или здоровье их партнеров) не позволяет иметь собственного ребенка.

Какие факторы определяют рождаемость сегодня? Ретроспективный анализ

Исследование РидМиЖ впервые дает возможность оценить характер влияния на рождаемость не фрагментарно, а комплексно, т.е. на основе совокупности факторов различной природы:

- *демографических* — состояние в браке или партнерстве, число уже имеющихся детей, состояние репродуктивного здоровья;
- *экономических и трудовых* — уровень денежных доходов, обеспеченность жильем, статус на рынке труда (занятый, незанятый, безработный), профессиональный статус;
- *социальных* — образование, тип поселения, отношение к религии, ценности и пр.

В настоящей работе мы ограничились анализом влияния перечисленных факторов на уровень рождаемости в течение последних трех лет, предшествующих опросу, т.е. в 2001—2004 гг. Трехлетний цикл по демографическим наблюдениям — период, в отношении которого индивиды/партнерство/семья могут говорить о своих стратегиях и часто даже о планах относительно будущих крупных демографических событий (вступление в брак/развод, рождение детей, смена места жительства и пр.). Именно эта гипотеза легла в основу дизайна программы «Поколения и гендер». Для анализа российской ситуации 3-летний период позволяет оценить последние тенденции в рождаемости на относительно однородном и устойчивом социально-экономическом фоне — на этапе экономического роста и достижения социальной стабильности.

Для анализа были применены модели бинарной логистической регрессии, в которых зависимой переменной выступало «Рождение ребенка за

⁸ Официальная оценка, наиболее близко по времени отстоящая от даты обследования РидМиЖ.

последние 3 года» (событие считалось наступившим, если рождение состоялось). Для нее были рассчитаны несколько моделей, включавших следующие переменные:

- 1) тип населенного пункта;
- 2) возраст респондентки / квадрат возраста;
- 3) статус респондентки на рынке труда (за год до рождения ребенка для родивших в течение последних 3 лет; статус на момент опроса у тех, кто не родил в течение указанного времени) / статус партнера на рынке труда;
- 4) уровень образования;
- 5) положение в браке / наличие партнера в домохозяйстве / наличие партнера вне домохозяйства;
- 6) религиозность (отсутствие связи с религией / слабая / средняя / сильная связь);
- 7) обеспеченность жильем (число комнат в расчете на одного члена домохозяйства);
- 8) душевой доход (логарифмическая форма);
- 9) очередность детей (без учета рожденных за последние 3 года).

Модели рассчитаны для подгрупп женщин, имевших и не имевших ребенка 3 года назад⁹.

Итак, каковы же тенденции, характерные для современной России?

За последние 3 года в выборке из 2984 респонденток 443 (15%) родили ребенка, из них 256 — первенца, а 187 — второго и последующего ребенка, т.е. 58 и 42% от общего числа рождений соответственно. Средний коэффициент рождаемости за наблюдаемый период составил 1,2.

Поселенческие различия. По темпам рождаемости в последние 3 года город опережает село, и вероятность рождений у жительниц города была выше, чем у сельских жительниц. На город, если судить по доле женщин в фертильных возрастах, приходилось 70% всех рождений, причем в отношении первых рождений эта доля еще выше (72%), а для всех последующих рождений несколько ниже (68%). Переменная «тип поселения» оказалась значимой для всех тестируемых моделей, т.е. выявленная тенденция является неслучайной при любых вариациях факторов, включенных в модель. В сравнении с тенденцией предыдущего десятилетия, когда городское население острее отреагировало на социально-экономическое неблагополучие спадом рождаемости, чем сельское, это означает, что сейчас именно город отвечает на экономический рост повышением числа рождений. Обращает на себя внимание, что это в основном первые рождения, в то время как на селе продолжают «лидировать» дети вторые, третьи и т.д. Скорее всего, в городе идет рост так называемых отложенных рождений, т.е. рождений, которые в период экономической нестабильности были перенесены на более поздний срок.

Возраст матери. Модели логистической регрессии подтверждают¹⁰, что возраст матери является важнейшей демографической характеристикой

⁹ Авторы выражают благодарность м.н.с. НИСП Е.Б. Головляничиной за помощь в расчетах логистических моделей.

¹⁰ Здесь и далее, ссылаясь на модели, мы будем говорить только о показателях, которые оказались значимыми с 1-, 5- или 10%-м уровнем значимости. Однако в целях экономии места и времени читателя в данной статье таблицы с регрессионными коэффициентами опущены.

в анализе рождаемости и что рождаемость концентрируется в относительно молодых материнских возрастах (табл. 2).

Таблица 2. Рождаемость в течение последних трех лет в разрезе пятилетних возрастных групп женщин, %

Возраст	Родили в течение последних 3 лет		В том числе первый ребенок		Второй и более ребенок	
	число	%	число	%	число	%
До 20	21	4,8	20	7,8	1	0,5
20—24	134	30,3	122	47,7	13	7,0
25—29	149	33,7	79	30,9	70	37,4
30—34	95	21,5	29	11,3	66	35,3
35—39	31	7,0	4	1,6	27	14,4
40—44	12	2,7	2	0,8	10	5,3
Итого	442	100,0	256	100,0	187	100,0

Между тем распределение внутри группы женщин репродуктивного возраста показывает усиление тенденции к повышению материнского возраста, наметившейся еще в середине 1990-х гг., которая объясняется в первую очередь повышением среднего возраста вступления в брак и создания семьи [Захаров 1999—2004; Демографический переход... 2006]. Исследование РиДМиЖ еще отчетливее, чем статистические демографические данные, показывает, что вклад двух групп 20—24 и 25—29 лет в общую рождаемость в России практически сравнялся (30 и 34%), хотя еще 10 лет тому назад среди родивших женщин явно преобладали молодые матери в возрасте 20—24 лет (табл. 3). Кроме того, нельзя не заметить и рост влияния возрастной группы 30—34 года, который сегодня превышает 20% от общего роста рождаемости.

Таблица 3. Вклад различных возрастных групп женщин в итоговую рождаемость, %

Год	Возраст					Итого
	До 20	20—24	25—29	30—34	35 и старше	
1980	11,6	41,9	26,7	13,8	6,0	100,0
1985	11,5	40,0	27,4	14,5	6,6	100,0
1990	14,6	41,6	24,7	12,8	6,3	100,0
1995	16,8	42,3	24,9	11,1	4,9	100,0
2000	11,5	39,3	28,3	14,8	6,1	100,0
2001	11,2	38,2	28,8	15,5	6,3	100,0
2001	10,6	37,2	29,2	16,2	6,8	100,0
2003	10,5	36,0	29,7	16,7	7,1	100,0
2004	10,5	34,9	30,0	17,1	7,5	100,0
2002—2004 (РиДМиЖ)	4,8	30,3	33,7	21,5	9,7	100,0

Источник: [Население России... 2006].

Брак/партнерство. Разумеется, на общий уровень рождений и его динамику влияет брачное состояние респондентки. Наличие зарегистрированного брака является важнейшей детерминантой рождаемости. Из женщин, которые родили ребенка за последние 3 года, 72% состояли в зарегистрированном браке, 28% — нет. При этом обращает на себя внимание вариация между очередностью рождений: среди тех, кто родил первенца,

доля замужних женщин, состоящих в официальном браке, — 66%, в то время как среди родивших второго ребенка названная доля значительно выше — более 80%. Это подтверждает вывод, сделанный в других исследованиях, о том, что на вторые рождения идут пары с устойчивыми семейными отношениями (официально зарегистрированный брак)¹¹.

Принципиально новая возможность, которую открывает программа РиДМиЖ, состоит в том, что впервые в отечественной практике мы можем более детально рассмотреть характер матримониальных отношений между мужчинами и женщинами. Категории «партнер» и «партнерские отношения» позволяют более точно структурировать взрослое население по типам устойчивых отношений между полами и, в частности, правильно оценивать статистические совокупности с различной вероятностью наступления беременности и рождения детей, с различной теснотой социально-экономического взаимодействия внутри поколений (табл. 4).

Таблица 4. Среднее число партнерских союзов у мужчин и женщин (включая текущий) по возрастам, %¹²

Возраст	Мужчины		Женщины	
	Все союзы	Союзы с совместно проживавшими партнерами	Все союзы	Союзы с совместно проживавшими партнерами
18—19	0,3	0,1	0,5	0,2
20—24	0,7	0,4	0,9	0,7
25—29	1,0	0,8	1,2	1,0
30—34	1,2	1,1	1,3	1,2
35—39	1,2	1,1	1,3	1,2
40—44	1,3	1,2	1,3	1,2
45—49	1,2	1,2	1,3	1,3
50—54	1,3	1,2	1,3	1,3
55—59	1,2	1,2	1,3	1,2
60—64	1,2	1,2	1,1	1,1
65—69	1,3	1,3	1,2	1,2
70—74	1,2	1,2	1,1	1,1
75—79	1,2	1,1	1,0	1
Итого 18—79	1,1	1,0	1,2	1,1

Анализ рождаемости показывает, что статистически значимым параметром является не только зарегистрированный брак, но и наличие у женщины партнера вне этого официального института. Преобладающее влияние оказывает партнер внутри домохозяйства. Это означает, что партнерство и брак не тождественны и что существуют пары, которые не торопятся заключать брак даже при появлении ребенка.

Общее число рожденных детей. Благодаря включению переменной «очередность детей (за вычетом детей младше 3 лет)» в исследовании оценено влияние на рождаемость числа уже имеющихся у женщины детей, т.е. числа детей до изучаемого события (рождения в последние 3 года, предшествующих опросу). Не является неожиданностью, что эта переменная оказалась значимой во всех примененных моделях. Чем больше число уже имеющихся детей, тем ниже вероятность появления следующих (табл. 5).

¹¹ Обсуждение этого вопроса на основе других данных см. в [Демографический переход... 2006].

¹² По расчетам к.э.н., зав. лабораторией ЦДЭЧ ИНП РАН С.В. Захарова.

Таблица 5. Рождения за последние 3 года в зависимости от числа уже имеющих детей

Число детей 3 года назад	Родили в течение последних 3 лет		Не родили в течение последних 3 лет		Всего	
	Число	%	Число	%	Число	%
0	256	57,8	709	27,9	965	32,3
1	147	33,2	964	37,7	1105	37,0
2	32	7,2	723	28,4	754	25,3
3	3	0,7	123	5,1	133	4,5
4 и более	5	1,1	22	0,9	27	0,9
Итого	443	100,0	2541	100	2984	100,0

Положение на рынке труда. В мировой демографии активно обсуждается вопрос о влиянии трудового статуса женщины на рождаемость. Кто более склонен к рождением — занятые или незанятые женщины? Тормозит ли наличие у них работы принятие решения о рождении ребенка? У такого предположения есть резоны: наличие работы стало одной из базовых ценностей для современной российской женщины, и риск потерять работу в связи с рождением ребенка ставит женщину перед трудным выбором. Вообще экономическая теория рождаемости исходит из того, что влияние женской занятости на деторождение должно быть отрицательным (альтернативные издержки рождения детей для занятых женщин выше), тогда как влияние мужской занятости — положительным (занятость мужчины увеличивает ресурсы семьи) [см., например: Becker 1965; Pollak, Watkins 1993]. Но есть аргументы и в пользу гипотезы, согласно которой незанятые женщины, не имеющие трудового дохода и чувствующие себя неуверенно в материальном смысле, также откладывают рождения или даже отказываются от них [см., например: Meron, Widmer 2002].

Эта часть анализа представляется наиболее сложной, поскольку возможное влияние статуса на рынке труда на рождаемость предполагает наличие информации о занятости женщины не в момент опроса и даже рождения ребенка, а в момент принятия решения о рождении. Практически ни одно прошлое обследование не могло ответить на этот вопрос, как, впрочем, и первая волна обследования РидМиЖ 2004 г., которая фиксирует занятость/незанятость респондентки лишь на момент проведения опроса. Мы воспользовались другим репрезентативным обследованием «Образование и занятость», проведенным НИСП в середине 2005 г.¹³ Его уникальность состоит в воспроизводстве трудовых биографий респондентов той же выборки, по которой строилось обследование РидМиЖ, что позволяет восстановить трудовой статус женщины за год до рождения ребенка.

Среди родивших женщин больше тех, кто имел занятие за год до рождения ребенка (70% против 30% незанятых). Между тем и доля занятых среди неродивших также очень высока — 74%. Не случайно, что логистический анализ не подтверждает значимости этого фактора¹⁴. Таким обра-

¹³ Обследование «Образование и занятость» подготовлено и проведено Независимым институтом социальной политики при поддержке Научного общества Макса Планка (Германия) в середине 2005 г. в 32 регионах России. Полевые работы проведены Независимой исследовательской группой «Демоскоп». Использовался метод прямого интервьюирования. Общий объем выборки — 6455 респондентов в возрасте 18—54 лет. Выборка обследования совпадает с выборкой РидМиЖ за исключением респондентов старше 54 лет.

¹⁴ Интересно, что результаты анализа репродуктивного поведения женщин, выполненные на панельных данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения

зом, мы не можем с уверенностью говорить о существовании различий в рождаемости при наличии/отсутствии занятости у женщин.

Между тем важно другое: значимость трудового статуса партнера. В парах, где партнер занят, вероятность рождений принципиально выше (91%), чем в союзах, в которых мужчина является безработным (5%) или же экономически неактивным (4%)¹⁵. Эта зависимость практически неизменна в отношении первых, вторых и пр. рождений.

Доходы населения. Среди экономических детерминант, оказывающих влияние на рождаемость, по остроте дискуссий лидирует тема денежных доходов населения. С одной стороны, на микроуровне с ростом доходов семьи сокращение душевого дохода, почти неизбежного при появлении ребенка, становится не столь болезненным. Следовательно, на макроуровне рост доходов населения должен способствовать повышению рождаемости в стране. С другой стороны, есть мировые тенденции, которые в определенной мере ставят этот вопрос под сомнение. Действительно, высокие уровни и темпы рождаемости в последние десятилетия характерны для стран с низкими доходами населения — Индии, Пакистана, стран Африки. Одновременно относительно богатое население Западной Европы практически единодушно демонстрирует общее снижение рождаемости. Однако и для утверждения о том, что рост доходов сопровождается тотальным снижением рождаемости, нет достаточных оснований. Это снижение в различных странах с похожей экономической и социальной ситуацией происходило с разной скоростью и глубиной. И наоборот, одинаково низкую рождаемость демонстрируют страны с различной экономической структурой и динамикой, в том числе с разным уровнем доходов населения.

Экономическая теория не позволяет однозначно предсказать влияние дохода домохозяйства на вероятность рождения ребенка: оно может быть как положительным, так и отрицательным в зависимости от того, каковы ожидаемые родителями расходы на рождение и воспитание одного ребенка [Becker 1965; Pollak, Watkins 1993]. Именно в этом вопросе остро чувствуется дефицит эмпирических исследований. Исследование РидМиЖ способно пролить на этот вопрос некоторый свет.

Основную трудность составляет все та же проблема временно го разрыва зависимой (число рождений) и независимой (уровень душевого денежного дохода в расчете на одного члена домохозяйства) переменной. Включение переменной «логарифм душевого дохода» в модель показало его значимость с отрицательным значением. Такой результат указывает на почти очевидный факт: рождение ребенка снижает уровень душевого дохода в семье/партнерстве. Однако, если предположить, что за время, истекшее с момента рождения ребенка, семья не изменила своего материального положения, то одновременно это может означать и другое: с ростом душевого дохода число рождений сокращается. Обратимся к анализу в разрезе 10%-х групп населения, различающихся по уровню душевого денежного дохода.

(РМЭЗ), также не подтверждают влияние женской занятости на вероятность рождения очередного ребенка [Рошина, Бойков 2005]. Отрицательное же влияние заработной платы женщины на вероятность очередного рождения подтверждено в цитируемом исследовании только для одиноких женщин [Там же].

¹⁵ Данное заключение строится на предположении, что трудовой статус партнера с момента принятия решения о рождении до момента опроса не изменился. Безусловно, это предположение вносит некоторые ограничения, и корректнее было бы применение описанной выше процедуры восстановления трудового статуса, однако обследование «Образование и работа» дает такую возможность лишь для респондента, но не для его партнера.

Данные табл. 6 (фактическое число детей у одной женщины, в разрезе по децильным группам) в целом подтверждает именно эту закономерность¹⁶.

Таблица 6. Фактическое число детей, рожденных в течение последних 3 лет, у одной женщины, по децильным группам

Доходная группа	Число женщин в группе	Среднее число детей в расчете на одну женщину в группе
1-я дециль	318	1,7
2-я дециль	269	1,6
3-я дециль	237	1,3
4-я дециль	225	1,3
5-я дециль	207	1,1
6-я дециль	212	1,1
7-я дециль	254	1,1
8-я дециль	283	0,9
9-я дециль	266	0,9
10-я дециль	232	0,8
Всего	2503	1,2

В последние 15 лет в России на фоне неустойчивой экономической динамики, которая сопровождалась существенным падением доходов населения, шел процесс откладывания рождений. Далее падение доходов сначала было приостановлено, а в последние 4 года наблюдается их рост. В этой связи анализ фактических рождений уместно сопоставить с будущими намерениями населения относительно деторождения. Если сравнить кривую фактических рождений с планами иметь детей в будущем (рис. 1), то видно, что тенденция зеркально изменяется: относительно бедные менее склонны к будущим рождениям, в то время как средне- и высокообеспеченные семьи уверенно формулируют намерения иметь детей.

Например, явно выделяются две нижних децили — и высокой фактической рождаемостью, и незначительной склонностью к будущим рождениям. Остальные группы показывают в целом понижающийся тренд в отношении рождаемости и повышающийся в отношении намерений. Возможное объяснение заключается в том, что для всех групп идеальная модель семьи приблизительно одинакова (двое детей)¹⁷. Но нижние группы уже реализовали эту модель, поэтому демонстрируют меньшую склонность к будущим рождениям, а относительно обеспеченные, наоборот, не сумев реализовать свои демографические планы, испытывают неудовлетворенность по этому поводу и хотели бы в будущем родить детей. Если предположить, что все женщины, высказавшие намерения иметь детей, реализуют свои планы, то возможно общее повышение рождаемости до 1,5 ребенка на одну женщину (возможная модель будущих рождений в зависимости от уровня душевого дохода представлена на рис. 1).

¹⁶ Поскольку дизайн обследования, как и большинство случайных выборок, не позволяет утверждать, что в него вошли представители высокообеспеченных групп населения, скорее можно говорить о том, что в нем в большей степени представлены среднеобеспеченные группы населения и группы «выше среднего», нежели высшие группы.

¹⁷ Эта гипотеза отчасти подтверждается тем, что другие исследования, выполненные на панельных данных РМЭЗ [Kohler, Kohler 2001; Рощина, Бойков, 2005], не обнаружили влияние дохода на вероятность рождения ребенка, хотя, как показывают Рощина и Бойков (2005), величина доходов других членов домохозяйства оказывает значимое положительное влияние на желание иметь детей [Рощина, Бойков 2005].

Фактическое число детей у одной женщины, намеренной родить в будущем, намерения женщин относительно будущих рождений и оценка ожидаемого числа детей у женщины, в разрезе децильных групп

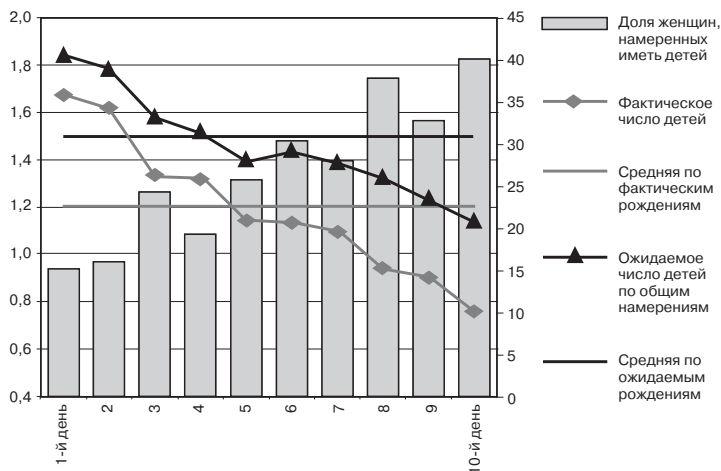

Таблица 7. Жилищная обеспеченность до рождения, число комнат в расчете на одного члена домохозяйства

Число комнат на одного члена домохозяйства, с учетом наличия детей до 3 лет	Всего	Первый ребенок	Второй и более ребенок
Менее 0,33	1,6	0,4	3,2
0,34—0,5	28,6	30,4	26,2
0,56—0,75	28,0	14,6	46,0
0,76-1	29,5	37,5	18,7
более 1	12,3	17,0	5,9

Жилищные условия. Все тестируемые модели показывают высокую статистическую значимость такого важного показателя экономического благополучия, как наличие жилья. В рамках обследования состояние жилищной обеспеченности можно измерить числом комнат на одного члена домохозяйства. Наименьшее число рождений наблюдается в тех семьях, где обеспеченность жильем критически низка, самые высокие показатели — в средних группах, и число рождений вновь снижается в группе домохозяйств, где на каждого члена семьи приходится не менее одной отдельной комнаты (табл. 7). Последнее наблюдение, видимо, еще раз подтверждает факт относительно низкой рождаемости в экономически благополучных домохозяйствах, в которых высоки не только денежные доходы, но и имущественные показатели экономического благополучия, в том числе жилье.

Уровень образования. Большинство демографических исследований отмечают сильное влияние на рождаемость уровня образования населения. Действительно, снижение рождаемости в странах Запада и в бывшем СССР часто связывают со стремительным ростом уровня образования, в первую очередь женщин. И наоборот, высокую рождаемость демонстрируют в основном страны третьего мира, где доступность и качество образования значительно отстает от мировых стандартов и где именно женщины находятся в наиболее уязвимом положении. Исследование РидМиЖ подтверждает статистическую значимость этого параметра (табл. 8).

Таблица 8. **Уровень образования женщин, родивших ребенка в течение последних 3 лет, %**

Уровень образования	Всего	Первый ребенок	Второй и более ребенок
Нет среднего общего	12,7	13,7	11,8
Среднее общее	10,6	10,5	10,7
Начальное профессиональное	17,9	15,6	20,9
Среднее профессиональное	35,7	34,4	37,4
Высшее, включая незавершенное	23,1	25,8	19,3

Следует отметить, что и характеристики значимости, и вектор этого влияния подвержены колебаниям в различных модификациях модели. Однако в большинстве случаев все же можно утверждать, что в группе женщин с профессиональным образованием (как начальным, так и средним) рождаемость повышается. При этом оснований для аналогичного утверждения в отношении женщин с высшим образованием проведенный анализ не дает. Следовательно, в группе женщин с высшим образованием процессы рождаемости противоречивы и, возможно, даже разнонаправлены.

Вообще, группа женщин, имеющих высшее образование, стоит особняком. Если рассмотреть влияние образования на рождаемость в возрастном разрезе, то можно увидеть существование различных траекторий (рис. 2).

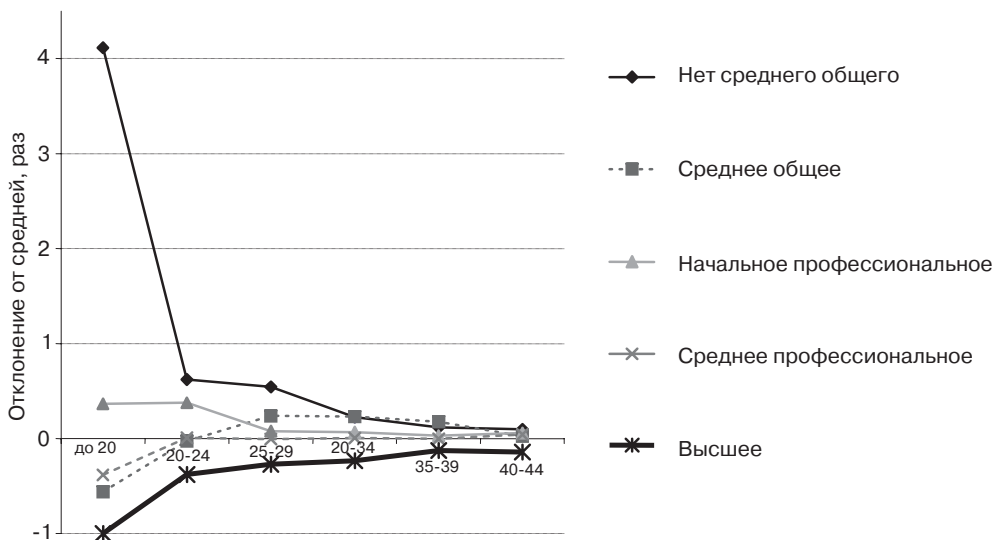
- Неоконченное среднее образование: эта группа демонстрирует «ранний старт» — высокий уровень рождений в возрасте до 20 лет и быстрое осуществление последующих рождений.
- Объединенная условная группа, включающая лиц с средним школьным, начальным и средним профессиональным образованием: более поздний старт и средний уровень рождаемости в последующих возрастах.
- Высшее образование: поздний старт и далее отставание от средних показателей рождаемости во всех возрастах.

Примечательно, что к поздним репродуктивным возрастам все образовательные группы показывают близкие уровни рождаемости. Исключение составляет группа «высшее образование» — линия тренда так и остается ниже оси X. Возможно, это свидетельствует о том, что женщины с высшим образованием более тяготеют к модели однодетной семьи, в то время как у других образовательных групп в большей мере сохраняется приверженность двухдетной модели.

Религиозность. Среди детерминант рождаемости большую роль играют социокультурные факторы, которые влияют на общие национальные традиции и в том числе на рождаемость в той или иной стране мира. Среди этих факторов чаще всего называют преобладающую в стране религию и степень ее влияния на формирование ценностей и поведение людей. Религия имеет прямое отношение к формированию демографического типа поведения. В частности, этнические группы, исповедующие ислам, практически во всех странах мира демонстрируют повышенные показатели рождаемости. Наши модели также показывают наличие этой связи, хотя значимость указанной переменной не подтверждена.

Между тем в последние три года более активная рождаемость наблюдалась среди женщин, которые слабо ассоциируют себя с религией (табл. 9). Правда,

**Отклонения в рождаемости различных образовательных групп женщин
в возрастном разрезе, раз**

скорее это отражает тот факт, что в современном обществе таких людей большинство. Относительно невысокий вес рождений среди женщин-мусульманок — результат их относительно низкой доли в выборке обследования.

Таблица 9. Рождения в течение последних 3 лет в зависимости от отношения респонденток к религии, % в группе

Религиозность	Всего	Первый ребенок	Второй и более ребенок
Слабая	45,0	48,0	40,6
Средняя	29,2	27,3	31,6
Сильная	5,4	5,9	5,3
Исповедуют ислам	4,8	2,3	8,0
Не религиозны	15,6	16,4	14,4

Что завтра? Репродуктивные намерения

Обратимся к вопросу о модели будущего репродуктивного поведения населения.

Обследование РИДМИЖ содержит два важных вопроса, которые при условии корректной интерпретации позволяют оценить доминирующую норму относительно «идеального» числа детей, с одной стороны, а с другой — изучить вариацию этой нормы в различных социально-экономических группах.

В первом вопросе выявляется общее желание респондента родить ребенка или еще одного ребенка в дополнение к имеющимся на момент опроса: «*Вы сами сейчас хотите иметь (еще одного) ребенка?*» Второй вопрос оценивает планы родить (еще одного) ребенка в обозримой перспективе: «*Собираетесь ли Вы завести (еще одного) ребенка в течение*

ближайших трех лет?» Семантические различия в формулировках вопросов имеют большое значение для последующей интерпретации ответов на них. Первый вопрос выявляет желание («хотение»), потребность респондента в еще одном ребенке, тогда как второй — планы, т.е. отрефлексированную потребность, соотношенную с возможностями и другими планами респондента на ближайшие 3 года. Вместе с тем в первом вопросе содержится ключевое слово «сейчас», которое заставляет респондента ограничить свою потребность моментом проведения опроса (и, следовательно, исходить из имеющихся на этот момент желаний и ресурсов). Временной горизонт второго вопроса шире, так что различия между ответами на него будут косвенным образом указывать на то, как население оценивает будущее с точки зрения улучшения или ухудшения условий для рождения детей.

Для сопоставимости двух вопросов из анализа были исключены женщины, не имевшие сексуального опыта, беременные женщины и женщины, которые сами или партнеры которых физически не могут иметь детей. Общее число респонденток, отвечавших на эти вопросы, составило 2641 человек¹⁸.

В данной подгруппе 25,5% (673 человека) выразили желание сейчас иметь (еще одного) ребенка, 26,0% (687 человек) — обозначили свои намерения родить ребенка в ближайшие 3 года. Это не означает, что общие репродуктивные намерения и намерения на ближайшие 3 года полностью совпали: они пересекаются примерно на две трети (табл. 10). Наиболее устойчивое желание родить ребенка продемонстрировали 17,6% опрошенных, которые положительно ответили на оба вопроса.

Таблица 10. Соотношение общих и ближайших репродуктивных намерений, %

		Намерения на 3 года			
		Да	Нет	Затруднились ответить	Всего
Общие намерения	Да	17,6	7,4	0,5	25,5
	Нет	8,0	63,4	0,5	71,8
	Затруднились ответить	0,5	1,9	0,3	2,7
	Всего	26,0	72,7	1,2	100,0

По аналогии с анализом рождаемости для анализа намерений были применены модели бинарной логистической регрессии, в которых зависимой переменной выступало «желание женщины иметь (еще одного) ребенка...» — «...сейчас» и «...в ближайшие 3 года». В качестве объясняю-

¹⁸ В целом ответы на вопросы о репродуктивных намерениях не вызвали больших трудностей у респондентов: на оба вопроса не смогли ответить лишь 7 человек (0,2%) от попавших в выборку. При этом первый вопрос (далее по тексту — «общие намерения») оказался немного более трудным для понимания: 2,7% опрошенных не смогли ответить на него, причем подавляющее большинство из них ответили на вопрос о намерениях на ближайшие 3 года (далее по тексту — «намерения на 3 года»). На второй вопрос не смогли ответить 1,3% опрошенных; но также большинство затруднившихся со вторым вопросом ответили на первый вопрос.

щих переменных выступали те же факторы, что и при анализе фактических рождений¹⁹. Модели рассчитаны для подгрупп женщин без детей и с детьми, без партнера и с партнером на момент опроса.

Поселенческие различия. По данным обследования, жительницы городов в среднем чаще высказывают желание родить еще одного ребенка, чем женщины из сельской местности и поселков городского типа (табл. 11). При этом в группе сельских жительниц больше желающих родить первого ребенка, но меньше — второго и третьего. Выше отмечалось, что село по-прежнему опережает город по среднему числу уже рожденных детей. Но на селе первые и последующие рождения происходят раньше, чем в городе. Поэтому среди жительниц города выше степень «неудовлетворенности» имеющимся у них числом детей по сравнению с социальной нормой двухдетности, которую как раз и улавливают вопросы о намерениях.

Таблица 11. Удельные веса женщин с разным числом уже имеющихся детей, намеренных родить (еще одного) ребенка, по типам поселения, % от группы

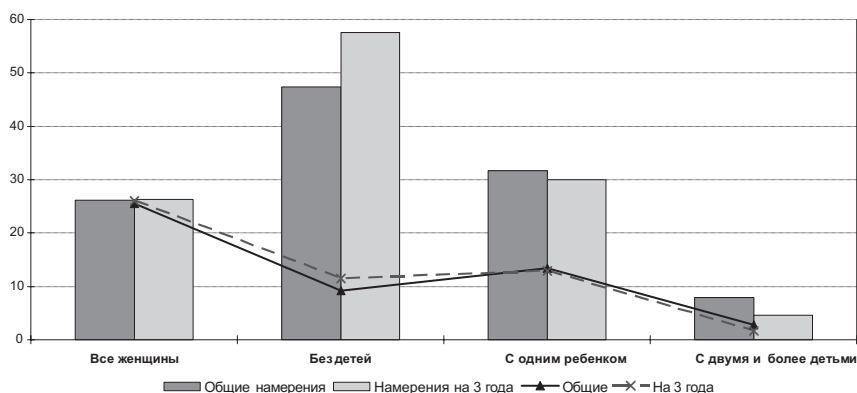
	Все	Без детей	С одним ребенком	С двумя и более детьми
Общие намерения				
Город	30,2	47,0	33,3	9,8
Село	17,2	50,0	27,1	5,8
Намерения на 3 года				
Город	29,9	56,4	30,4	4,9
Село	18,4	65,7	28,8	4,3

Означает ли это, что в будущем нас ждет выравнивание поселенческих различий или даже более высокий уровень рождаемости в городе по сравнению с селом? Думается, что нет. Фактор поселенческой принадлежности оказывается статистически не значимым во всех регрессионных моделях репродуктивных намерений. Скорее всего, наблюдаемые различия могут быть результатом действия других факторов, не имеющих отношения к типу поселения. Каковы эти факторы?

Число имеющихся детей. Понятно, что в наибольшей степени намерения иметь (еще одного) ребенка зависят от числа уже имеющихся детей (рис. 3). Превышение доли намеренных завести ребенка в течение 3 лет над желающими завести его сейчас в группе женщин, не имеющих детей, объясняется большим представительством крайних молодых возрастов в этой группе, которые хотели бы родить первого ребенка в любом случае — сейчас или в ближайшие 3 года. Напротив, женщины, уже имеющие одного и особенно — двух и более детей, немного чаще выражают общие намерения завести еще одного ребенка, чем намерения родить его в ближайшие 3 года, что, по-видимому, может быть следствием наметившейся в последние годы тенденции к увеличению интервалов между рожденьями детей. Эта тенденция подтверждается и регрессионными моделями: вероятность хотеть родить еще одного ребенка при наличии уже одного или двух детей сни-

¹⁹ Конкретные переменные в моделях могли различаться. Пример: в анализе рождений одной из объясняющих переменных выступало число комнат в расчете на одного человека до рождения ребенка, тогда как в анализе намерений — на фактическое число членов.

Намерения женщин родить (еще одного) ребенка в зависимости от числа имеющихся детей

Столбцы — % от численности ответивших на вопрос женщин с определенным числом детей; линии — % от общего числа женщин, отвечавших на вопрос

жается сильнее, если речь идет о намерениях на 3 года, по сравнению с общими.

В целом подтверждается относительная однородность российского общества в отношении желаемого числа детей.

Возраст женщины. Значимой детерминантой репродуктивных намерений выступает возраст женщины. Больше всего желающих родить (еще одного) ребенка в ближайшее время в группе 25—29-летних: в этой возрастной категории много как тех, кто еще планирует первого ребенка, так и тех, кто уже задумывается о втором. Среди женщин, не имеющих детей, больше всего настроены на рождение ребенка 20—24-летние (пик приходится на 22 года). К 25 годам большинство уже реализует это намерение, и поэтому в более старших возрастных группах доля желающих первенца резко снижается. Вариация возраста женщин, планирующих родить второго и последующих детей, выше, что свидетельствует о более высокой вариации интервалов между рожденьями первого и второго, второго и третьего детей. Наиболее высока доля намеренных родить еще одного ребенка среди 28-летних, однако достаточно высокие значения этого показателя характерны для группы 24—34-летних.

Наличие партнера, брачный статус. Несмотря на то что рождение ребенка возможно и без постоянного партнера, факт наличия такого партнера у женщины усиливает ее желание родить ребенка. Различия наиболее заметны для женщин без детей, и прежде всего в отношении планов родить ребенка в ближайшие 3 года (табл. 12). В то же время сам по себе факт *регистрации брака* никакой роли не играет: для репродуктивных намерений женщин, имеющих партнера в домохозяйстве, влияние состояния в браке статистически незначимо. По сути, это отражает «слепое» следование женщин социальной норме в части репродуктивных намерений: брак не является значимым фактором для репродуктивных намерений женщин, имеющих партнера, однако оказывает существенное дифференцирующее влияние на фактическую рождаемость.

Таблица 12. Доля женщин, намеренных родить ребенка, в зависимости от наличия партнера и числа уже рожденных детей, % от группы

Наличие партнера	Все женщины		Женщины без детей		Женщины с одним и более ребенком	
	Общие намерения	Намерения на 3 года	Общие намерения	Намерения на 3 года	Общие намерения	Намерения на 3 года
Партнера нет	23,1	21,6	40,6	45,9	16,1	11,6
Партнер есть, вне домохозяйства	33,8	37,9	40,5	53,4	26,7	21,4
Партнер есть, в домохозяйстве	25,3	25,0	61,0	72,4	21,2	19,6
Зарегистрирован брак	22,6	21,4	68,9	77,3	20,0	18,3

Образование. Наиболее весомым социальным фактором, определяющим репродуктивные намерения женщины, оказалось образование. Независимо от того, чье образование принимается во внимание — образование женщины, образование партнера или наивысший уровень образования одного из них (последние две опции — только для подвыборки женщин, имеющих партнера), направление влияния образования на репродуктивные намерения остается одним и тем же.

На первый взгляд, связь между уровнем образования и репродуктивными намерениями выглядит удивительной и невозможной: по сравнению с женщинами со средним школьным и ниже уровнем образования, женщины с более высоким уровнем образования в большей степени готовы родить ребенка — сейчас или в ближайшие 3 года. При этом положительное влияние начального профессионального и высшего образования — при контроле других параметров — статистически значимо как для общих, так и для ближайших (на 3 года) намерений всех женщин, попавших в нашу выборку, и женщин, имеющих партнера. Отметим, что эффекты образования в большей степени сказываются на общих репродуктивных намерениях, которые, как мы полагаем, лучше отражают потребность респондента в детях, чем намерения на ближайшие 3 года. Для женщин без детей влияние образования на репродуктивные намерения выше, чем для женщин, уже имеющих хотя бы одного ребенка. Для последних образование становится статистически незначимым фактором намерений на ближайшие 3 года.

И если более высокая готовность родить ребенка для женщин с начальным профессиональным образованием легко укладывается в теоретические модели рождаемости, то репродуктивные намерения женщин с высшим образованием прямо противоречат экономической теории. Казалось бы, именно эти женщины больше других инвестировали в свой человеческий капитал, цена их труда также должна быть более высокой, и, следовательно, альтернативные издержки, связанные с рождением детей, выше. Поэтому при прочих равных можно было бы ожидать, что женщины с высшим образованием должны быть менее готовы к рождению ребенка. Данные обследования показывают обратное.

Было бы ошибкой интерпретировать полученные результаты о взаимосвязи образования и репродуктивных намерений, не сопоставив их с ре-

альным демографическим поведением женщин с высшим образованием. До проведения второй волны обследования мы не в состоянии оценить отклонения фактических репродуктивных решений от заявленных намерений, однако можем сопоставить данные по уже состоявшимся рождениям с данными о репродуктивных намерениях женщин в определенных возрастных и образовательных группах.

Выделим три основные образовательные группы: низкий уровень образования, соответствующий начальному профессиональному, среднему школьному и ниже образованию; средний, соответствующий среднему специальному образованию, и высший, соответствующий высшему профессиональному образованию, включая незавершенное высшее и послевузовское образование. Процентное распределение женщин по уровню заверщенного образования и числу рожденных на момент опроса детей представлено в табл. 13²⁰. В среднем больше всего детей родили женщины со средним специальным образованием. Женщины же с высшим образованием, как и ожидалось, больше представлены среди не имеющих детей и имеющих одного ребенка на момент опроса.

Таблица 13. Распределение женщин по рожденному числу детей и уровню заверщенного образования; среднее число детей по уровню образования

Образование	Нет детей, %	Один ребенок, %	Двое детей, %	Трое и более детей, %	Среднее число детей	Ref = наименьший уровень образования	Ref = Всего
Начальное профессиональное, среднее школьное и ниже	27,7	35,0	28,1	9,2	1,23	1	1,024
Среднее специальное	18,3	39,8	34,7	7,1	1,34	1,087	1,114
Высшее профессиональное	33,9	40,1	23,3	2,7	0,96	0,779	0,798
Всего	25,9	38,0	29,3	6,9	1,20	0,976	1

В табл. 14 представлено ожидаемое увеличение числа детей при переходе от бездетности к одному ребенку, от первого ко второму и от второго к третьему рождению для женщин с разным уровнем образования, рассчитанное на основе положительных ответов на вопрос об общих намерениях.

Таблица 14. Ожидаемый прирост рождаемости по числу детей и уровню образования женщины на момент опроса

Образование	Изменение числа детей		
	0(1)	1(2)	2(3)
Начальное профессиональное, среднее школьное и ниже	0,248	0,237	0,076
Среднее специальное	0,299	0,231	0,035
Высшее профессиональное	0,417	0,339	0,081

Если предположить, что женщина может родить только одного ребенка за год (не принимая во внимание вероятности родить двойню), полученные результаты могут быть описаны в терминах максимально возмож-

²⁰ Расчеты для табл. 13—14 сделаны С.В. Захаровым.

ного годового прироста среднего числа детей и возможной вариации женщин по числу детей. Они показывают, что даже при условии полной реализации намерений существующие различия в уровнях рождаемости между образовательными группами сохранятся, и женщины с высшим образованием будут по-прежнему оставаться группой с наименьшим средним числом детей (табл. 15).

Таблица 15. Ожидаемая структура женщин с разным уровнем образования по числу детей; ожидаемое число детей по уровню образования матери

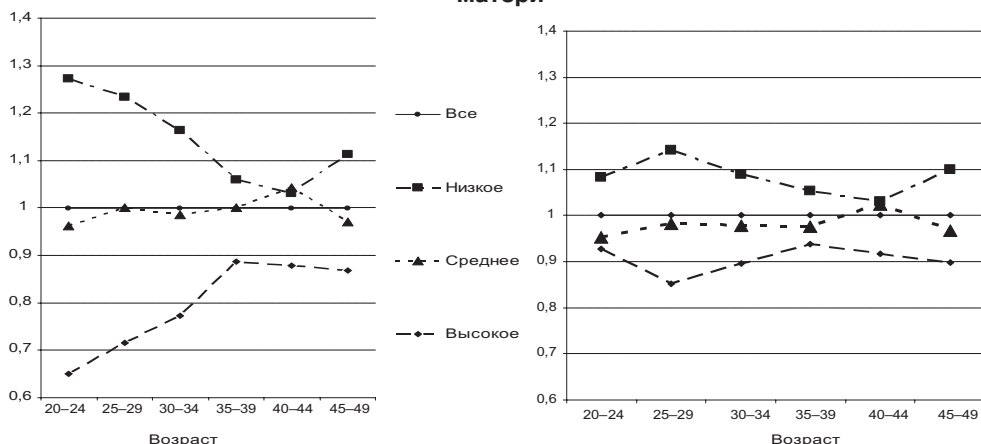
Образование	Нет детей, %	Один ребенок, %	Двое детей, %	Трое и более детей, %	Среднее число детей	Ref = наименьший уровень образования	Ref = Всего
Начальное профессиональное, среднее школьное и ниже	20,8	33,0	34,3	11,3	1,42	1	1,004
Среднее специальное	12,8	36,1	42,7	8,3	1,51	1,064	1,068
Высшее профессиональное	19,8	40,6	35,0	4,6	1,27	0,894	0,898
Всего	17,7	36,2	37,4	8,6	1,41	0,996	1

Уровень образования оказывает влияние не только на вариацию в фактическом числе рождений, но и на возрастной профиль рождаемости: по сравнению с женщинами с высшим образованием менее образованные женщины раньше заводят первого ребенка и раньше заканчивают деторождение, следуя универсальной социальной норме одно- или двухдетной семьи.

Отклонения возрастных кривых рождаемости для женщин с разным уровнем образования до и после реализации общих намерений представлены на рис. 4. Расчеты показывают, что при условии полной реализации намерений можно ожидать сокращения различий между группами по чис-

Рис. 4

Относительная вариация реализованного и ожидаемого (при условии реализации общих намерений) числа детей по возрасту и уровню образования матери

Фактические рождения

Ожидаемые рождения

лу рожденных детей, поскольку женщины с разным образовательным статусом стремятся иметь примерно одинаковое число детей в семье.

Наибольшие различия между средними фактическим и ожидаемым числом детей наблюдаются для молодых женщин с высшим образованием, которые, как известно, позже начинают процесс формирования семьи. Таким образом, более выраженное желание женщин с высшим образованием иметь (еще) детей в ближайшее время можно объяснить их большей «неудовлетворенностью» имеющимся числом детей при господствующей норме одно-двухдетности. Женщины со средним специальным образованием точно следуют среднему варианту возрастного распределения рождаемости по выборке, тогда как женщины с более низкими уровнями образования рожают раньше и относительно больше.

Тот факт, что с возрастом различия между образовательными группами по числу детей заметно сокращаются, еще раз подтверждает гипотезу о том, что пока в России сохраняется господство модели двухдетной семьи в России. Тем не менее это доминирование не очень устойчиво: среди лиц с высшим образованием (а их доля в обществе растет) все более распространенной становится модель однодетной семьи.

Фактор религиозности. На первый взгляд, удивительно, что среди женщин, исповедующих ислам, оказалось значительно меньше тех, кто, уже имея детей, собирается рожать еще (табл. 16). Но здесь сказался эффект возрастного распределения женщин с разной религиозной принадлежностью: представительство женщин, исповедующих ислам, выше в старших возрастных группах, тогда как женщин с сильной приверженностью христианству (православию), напротив, больше в самых младших группах. Поэтому женщины-мусульманки, попавшие в нашу выборку, уже родили одного или нескольких детей на момент опроса, что и объясняет их более низкую склонность к будущим рождениям.

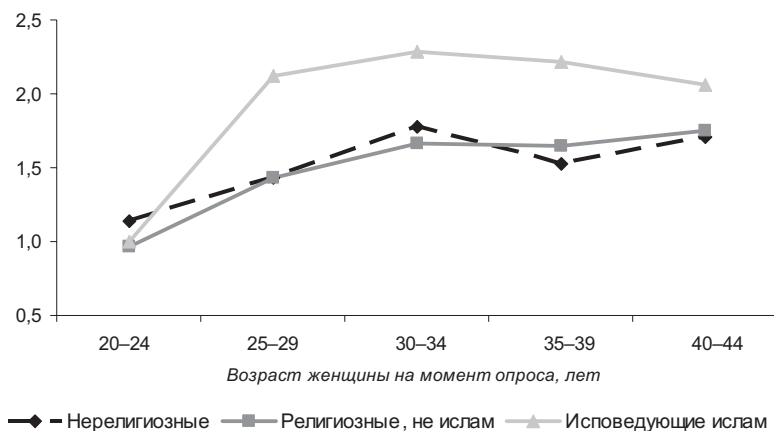
В разрезе возрастных групп женщины-мусульманки сохраняют лидирующие позиции по числу детей при условии полной реализации репродуктивных намерений (рис. 5). Результаты регрессионного анализа подтверждают положительное влияние сильной религиозности на репродуктивные намерения; эффект статистически значим для общих намерений всех женщин и женщин без детей.

Таблица 16. Удельные веса женщин с разным числом уже рожденных детей, намеренных родить (еще одного) ребенка, в различных религиозных группах и группах с разными ценностными ориентациями

	Общие намерения			Намерения на 3 года		
	Все	Без детей	Имеют одного и более детей	Все	Без детей	Имеют одного и более детей
Религиозность						
Слабая	25,2	42,2	20,8	25,0	57,9	16,5
Средняя	27,3	59,1	20,5	24,3	55,7	17,5
Сильная	36,0	53,3	28,6	36,8	63,8	24,8
Исповедуют ислам	21,8	75,0	13,6	23,6	55,6	18,3
Не религиозны	24,6	36,7	21,4	30,4	56,7	23,4

Статус занятости. Положение на рынке труда и в сфере занятости является значимым фактором репродуктивных намерений. Анализ, проведенный для всей выборки, показал, что наличие работы у респондентки увеличивает ее желание иметь ребенка. По-видимому, речь может идти о том, что женщина, имеющая работу, выше оценивает материальные возможности семьи — как текущие (женская занятость — это тоже источник дохода домохо-

Среднее потенциальное число детей в расчете на одну женщину данной возрастной группы в зависимости от религиозности респондентки

зайства), так и будущие, если она сможет вернуться на работу. И хотя связь между женской занятостью и образованием перестает быть значимой для подвыборки женщин с детьми и женщин, имеющих партнера, направление влияния остается тем же. По аналогии с анализом фактической рождаемости мы проверили влияние занятости партнера, которая, как обнаружилось, не оказывает никакого влияния на репродуктивные намерения.

Таблица 17. Удельные веса женщин с разным числом уже рожденных детей, намеренных родить (еще одного) ребенка, по доходным группам, %

Квинтили среднедушевого дохода домохозяйства	Все		Без детей		Имеющие одного и более детей	
	Общие намерения	Намерения на 3 года	Общие намерения	Намерения на 3 года	Общие намерения	Намерения на 3 года
1	15,5	14,4	34,8	46,0	13,8	11,5
2	21,9	19,6	41,8	56,9	19,1	14,2
3	28,1	26,9	44,7	53,0	23,8	20,3
4	33,1	32,5	52,7	55,9	26,6	24,4
5	36,1	41,9	50,0	65,2	28,0	28,1

Доходы. Проведенный нами анализ не подтвердил статистической значимости влияния доходов респондентки на репродуктивные намерения, тогда как влияние дохода партнера — слабо положительное. Вместе с тем анализ показывает, что среднедушевой доход домохозяйства является важным фактором для репродуктивных намерений женщин как с партнером, так и без него. Чем выше доход домохозяйства, тем выше потребность родить ребенка (табл. 17). Наиболее сильно этот эффект проявляется для намерений завести ребенка в течение ближайших лет. Эффект дохода оказывается значим как для женщин, намеревающихся родить первого ребенка, так и для женщин, планирующих последующих детей, однако во втором случае это влияние заметно сильнее, что подтверждает российскую норму «не менее одного ребенка, но и не более двух».

Интересно, что субъективная самооценка дохода домохозяйства оказывается еще более весомым предиктором намерений женщин, уже имею-

щих хотя бы одного ребенка, родить второго в ближайшие 3 года (хотя ее влияние статистически незначимо для женщин без детей).

Такая статистически значимая и устойчиво положительная связь между величиной доходов и репродуктивными намерениями подтверждает положения экономической теории рождаемости и результаты других исследований репродуктивных намерений [Рощина, Бойков 2005]²¹. Тем не менее эта положительная связь также отражает уже обсуждавшуюся нами слабую вариацию в обществе социальной нормы одно- и двухдетной семьи. Даже при условии полной реализации намерений, выраженных в стратах с более высокими доходами, различия в среднем числе детей в расчете на одну женщину между разными доходными группами сократятся, но не исчезнут. По-прежнему общее число детей в расчете на одну женщину будет тем ниже, чем выше среднедушевой доход домохозяйства (см. рис. 1).

Жилищная обеспеченность. Она оказывает статистически значимое влияние лишь на ближайшие репродуктивные намерения женщин, имеющих партнера. Связь значима на уровне 1% и положительна: чем больше комнат, тем охотнее женщины задумываются о том, чтобы родить ребенка.

Желаемое и действительное. В чем различия?

Подведем некоторые итоги (табл. 18).

На *репродуктивное поведение* женщин в последние годы значимо влияют следующие социально-экономические факторы.

- Тип поселения (город/село): прирост рождаемости в городе был выше, чем на селе, хотя абсолютное число рождений в расчете на одну женщину на селе по-прежнему оставалось выше.
- Состояние в браке или наличие партнера в домохозяйстве: одинаково значимы оказались не только зарегистрированный брак, но и партнер в домохозяйстве.
- Трудовой статус партнера: его занятость увеличивает вероятность рождений.
- Жилье: низкая обеспеченность является ярко выраженным барьером для роста рождаемости.
- Образование: хотя явного значимого влияния на рождаемость за последние 3 года этот фактор не демонстрирует, все же возрастные распределения показывают сильные отличия в уровнях рождаемости у женщин с высшим образованием от прочих образовательных групп в сторону более поздних рождений и меньшего числа детей.

Для всех женщин значимые социально-экономические детерминанты *репродуктивных намерений* включают:

- образование (значимо повышают желание иметь ребенка начальное профессиональное и высшее образование);
- состояние в браке или наличие партнера в домохозяйстве (очевидно, что женщине с партнером в домохозяйстве проще строить планы относительно рождения детей);

²¹ Однако стоит отметить, что положительное влияние доходов домохозяйства на фактические рождения в российских семьях пока не подтверждено [Kohler, Kohler 2001; Рощина, Бойков 2005].

- религиозность (средняя, сильная степень религиозности — будто то православие, другие христианские вероисповедания или ислам — повышают вероятность желать еще одного ребенка);
- статус респондентки на рынке труда (занятые женщины в среднем более готовы к рождению ребенка по сравнению с незанятыми);
- логарифм душевого дохода (чем выше доход, тем больше намеревающихся родить ребенка).

Таблица 18. Факторы, влияющие на репродуктивное поведение и репродуктивные намерения

Факторы	Рождения	Репродуктивные намерения	Примечание
Тип поселения	+	–	
Возраст женщины	+	+	
Число уже рожденных детей	+	+	
Партнерство	+	+	
Брачный статус	+	+/-	Брачный статус незначим для намерений женщин с партнером и женщин, уже имеющих одного и более детей
Статус женщины на рынке труда	–	+	Влияние статуса на рынке труда неустойчиво для намерений
Статус партнера на рынке труда	+	–	
Образование	+	+	
Доходы	0	+	В силу отсутствия информации о доходах на момент планирования рождения влияние дохода на фактические рождения не может быть определено
Жилье	+	-/+	Жилищная обеспеченность значима для намерений женщин с партнером
Религиозность	–	+	

Обозначения: «+» — фактор статистически значим (независимо от направления влияния); «–» — фактор статистически незначим; «0» — отсутствует релевантная информация.

Для общих намерений более весомым оказывается наличие высшего или начального профессионального образования; для намерений на 3 года — величина доходов. Общие намерения в большей степени отражают социальные нормы детности и поэтому сильнее зависят от социальных факторов — таких, как образование и религия. Намерения родить ребенка в ближайшие 3 года, напротив, отражают конкретную ситуацию респондента в настоящем — наличие партнера, факт регистрации брака, доходы домохозяйства. При переходе от общих намерений к намерениям в краткосрочной перспективе усиливается эффект экономических факторов и ослабляется эффект социальных факторов.

Для бездетных женщин самой сильной детерминантой выступает наличие партнера, с которым можно родить и воспитывать ребенка. Религиозность также оказывает более сильное влияние на репродуктивные намерения женщин, еще не имеющих детей, чем на женщин с детьми. Состояние в браке, значимое для всех женщин без детей, оказывается статисти-

чески незначимым для женщин, уже имеющих хотя бы одного ребенка, и женщин с партнером. Для женщин, у которых есть по крайней мере один ребенок, более значимыми становятся образование, если речь идет об общих намерениях, и доход — в случае намерений на ближайшие 3 года.

Брачный статус не оказывает влияния на репродуктивные намерения женщин с партнером. Это свидетельствует о том, что реальной детерминантой репродуктивных намерений выступает сам факт наличия партнера, а не юридическая форма отношений с ним. Следовательно, семейная политика должна принимать во внимание репродуктивное поведение не только зарегистрированных пар, но и тех, кто юридически не оформил свои отношения.

Ограничивая выборку женщинами, уже имеющими партнера, мы отсекаем тех, кто не собирается иметь детей, просто потому что не с кем. Потенциально все женщины в этой выборке физически могут иметь детей. Понятно, что желание иметь детей убывает с возрастом и числом уже рожденных детей, причем влияние обоих факторов сильнее для намерений на 3 года. Однако и в этой группе женщин проявляются различия, описанные выше: общие намерения в большей степени детерминируются уровнем образования (наиболее образованные женщины, имеющие меньше детей, чаще отвечают, что хотели бы родить (еще одного) ребенка). Намерения на ближайшие 3 года определяются скорее доходом и жилищной обеспеченностью (числом комнат на одного человека). Следовательно, улучшение экономических условий жизнедеятельности семей (улучшение их жилищных условий, рост доходов) способно ослабить барьеры, существующие сегодня на пути реализации репродуктивных намерений, и обеспечить большой прирост рождаемости в рамках господствующей социальной нормы.

Что из этого следует?

Уроки для социальной политики

1. Первый и принципиально важный вывод, который позволяет сделать проведенное обследование, состоит в том, что потенциал для повышения рождаемости в современной России есть. Даже если предположить, что все респондентки, которые хотят в будущем иметь детей, смогут родить лишь по одному ребенку, рождаемость в ближайшие три года может возрасти с 1,2 до 1,5 ребенка на одну женщину. Конечно, намерения не тождественны реальному поведению. В то же время, во-первых, не исключено, что часть семей могут пойти на рождение третьих и т.д. детей. Во-вторых, обследование проводилось в 2004 г., когда еще не была выработана масштабная национальная демографическая программа, которая содержит целый ряд мер, направленных на интенсивное стимулирование роста рождаемости в России.

2. Существенным барьером на пути к росту рождаемости является плохая жилищная обеспеченность, и меры по снятию данного барьера могут дать гораздо более быстрый и осязаемый эффект, даже в сравнении с материальными методами стимулирования и денежными выплатами семьям.

3. Между тем исследование показывает и другое: в политике нельзя уповать лишь на материальные меры стимулирования роста рождаемости.

Среди факторов, реально влияющих на процессы в этой сфере, не менее важную роль играют социально-культурные факторы, иногда никак не связанные с ростом экономического благополучия населения. Это начавшаяся трансформация семейных отношений, уровень образования, установки и ценности, религиозные традиции и пр.

4. Изменения в семейных отношениях и начало перехода от традиционного института официального брака к партнерскому союзу, характерного для многих стран Западной Европы, наблюдается и в России. Такой переход не случаен, а отражает долговременные тенденции. Если семейная политика будет ориентироваться лишь на официально зарегистрированные браки, то из сферы политического воздействия будут выпадать значительные группы населения, обладающие определенным потенциалом роста рождаемости. Особенно это опасно в отношении молодежи, которая чаще других предпочитает браку неформальный партнерский союз.

5. Сегодня высшее и среднее профессиональное образование стало массовым. Женщины этих образовательных групп составляют значительный сегмент на российском рынке труда. Если рост рождаемости не будет сопровождаться изменениями в трудовых отношениях, внедрением гибких форм занятости для женщин, развитием рынка социальных услуг по воспитанию и образованию детей, то либо потенциал рождаемости у этих групп не будет реализован, либо женщины значительно сократят свое участие в рабочей силе, что будет усугублять негативные тенденции на российском рынке труда в свете дефицита трудовых ресурсов.

6. Общество должно быть готовым к тому, что первыми на меры социальной политики в области демографии отреагируют национальные группы, исповедующие ислам.

7. Чтобы знать, что делать, нужно знать, что происходит. Сегодня программа РидМиЖ является единственным репрезентативным обследованием, которое позволяет хотя бы частично ответить на вопросы, необходимые для понимания сложных и противоречивых процессов в сфере планирования семьи, деторождений и других аспектов демографического поведения населения. В то же время программой предусмотрено проведение нескольких волн обследований одной и той же совокупности респондентов (как минимум трех волн с интервалом в 3 года), что впервые в практике подобных исследований предоставляет возможность поиска взаимосвязи между событиями и меняющимися характеристиками респондента и домохозяйств в реальной динамике этапов жизненного цикла. Именно лонгитюдный характер обследования позволяет выявить наиболее значимые факторы и события, влияющие на демографическое, экономическое и социальное поведение населения. Реализуются или нет намерения респондентов в отношении будущих рождений? Какие факторы будут способствовать повышению рождаемости, а какие — тормозить? Какие из них приносят быстрый и ощутимый эффект, а какие являются факторами «отложенного действия»? Повлияют ли на эту динамику меры, предложенные правительственной программой в 2006 г.? Наконец, почему социально-экономические факторы по-разному влияют на реальное поведение сегодня и репродуктивные намерения людей в будущем?

Ответы на эти вопросы остро необходимы для корректировки и усиления демографической и социальной политики, устремленной в долгосрочную перспективу и имеющей своей стратегической целью преодоление крайне неблагоприятных демографических тенденций, характерных для современной России.

Литература

Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г. Одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2001 г. № 1270-р. <http://demoscope.ru/weekly/knigi/koncersiya/koncersiya.html>

Национальный доклад о положении в области народонаселения в Российской Федерации в 1994—1998 гг. (Специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН) <http://www.owl.ru/win/docum/rf/population/doc1998.htm>

Демографическая модернизация России, 1900—2000 / Под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006.

Захаров С.В. Раздел «Брачность и рождаемость» // Население России. Ежегодный демографический доклад / Центр демографии и экологии человека ИМП РАН. М.: Книжный дом «Университет», 1999—2004.

Захаров С.В. Новейшие тенденции формирования семьи в России. Статья 1: Расширяющиеся границы брака // Демоскоп Weekly. 2006. № 237. http://demoscope.ru/weekly/2006/0237/s_map.php#1

Население России. 2003—2004 / XI—XII-й ежегодный демографический доклад Центра демографии и экологии человека ИМП РАН. М.: Наука, 2006.

Рощина Я.М., Бойков А.В. Факторы фертильности в современной России. М.: EERC, 2005.

Andersson G. A Study on Policies and Practices in Selected Countries that Encourage Childbirth: A Case of Sweden // MPIDR Working Paper WP2005—005. 2005. March.

Andersson G. The Impact of Labour-Force Participation on Childbearing Behaviour: Pro-Cyclical Fertility in Sweden during the 1980s and 1990s // European Journal of Population. 2000. Vol. 16. P. 293—333.

Becker G. A Theory of Allocation of Time // Economic Journal. 1965 (September). P. 493—517.

Ekert-Jaffé O. et al. Fertility. Timing of Births and Socio-economic Status in France and Britain: Social Policies and Occupational Polarization // Population. English Edition. 2002. Vol. 57. No. 3. P. 475—508.

Friedman D., Hechter M., Kanazawa S. A Theory of the Value of Children // Demography. 1994 (August). Vol. 31. No. 3. P. 375—401.

Hoem B., Hoem J.M. The Impact of Women's Employment on Second and Third Births in Modern Sweden // Population Studies. 1989. Vol. 43. P. 47—67.

Kharkova T.L., Andreev E.M. Did the Economic Crisis Cause the Fertility Decline in Russia: Evidence from the 1994 Microcensus // European Journal of Population. 2000. Vol. 16. P. 211—233.

Kohler H.-P., Kohler I. Fertility Decline in Russia in the Early and Mid 1990s: The Role of Economic Uncertainty and Labour Market Crisis // European Journal of Population. 2001. Vol. 18. P. 233—262.

Kravdal O. The Weak Impact of Female Labour Force Participation on Norwegian Third-Birth Rates // European Journal of Population. 1992. Vol. 8. P. 247—263.

Kravdal O. The Importance of Economic Activity, Economic Potential and Economic Resources for the Timing of First Births in Norway // Population Studies. 1994. Vol. 48. P. 249—267.

Liefbroer A., Corijn M. Who, What, Where and When? Specifying the Impact of Educational Attainment and Labour Force Participation on Family Formation // *European Journal of Population*. 1999. Vol. 15. P. 45—75.

Lutz W., Skirbekk V., Testa M.R. The Low Fertility Trap Hypothesis: Forces that may lead to further postponement and fewer births in Europe // *European Demographic Research Papers*. 2005. No. 4.

Meron M., Widmer I. Unemployment Leads Women to Postpone the Birth of Their First Child // *Population*. English Edition. 2002. Vol. 57. No. 2. P. 301—330.

Pollak R.A., Watkins S.C. Cultural and Economic Approaches to Fertility: Proper Marriage or Mesalliance? // *Population and Development Review*. 1993 (September). Vol. 19. No. 3. P. 467—496.

Testa M.R., Grilli L. The Effects of Childbearing Regional Contexts on Ideal Family Size in Europe: A Multilevel Analysis // *European Demographic Research Papers*. 2004. No. 4.

Моделирование факторов склонности семьи к рождению ребенка в России¹

Современный интерес ученых и политиков к проблеме рождаемости во многом вызван теми радикальными изменениями в характере демографического воспроизводства населения, которые наблюдались в мире за последние полвека. Это революционный скачок в росте численности населения, «сегрегация» рождаемости по странам с разным уровнем развития, изменение структуры населения Земли — во-первых, в региональном аспекте (рост доли развивающихся стран) и, во-вторых, в возрастном — рост доли лиц пенсионного возраста. Первая тенденция должна привести к изменениям в миграционной политике развитых стран, которые будут вынуждены импортировать трудовые ресурсы. Вторая тенденция чревата крахом пенсионной системы, в том виде, как она сложилась сегодня, так как резко вырастет пенсионная нагрузка на занятое население в развитых странах.

Россия пережила сильное снижение численности населения в течение последних 15 лет, за счет как роста смертности, так и падения рождаемости. Самый низкий уровень рождаемости (1,17) наблюдался в 1999 г. Этот факт, как считают эксперты, вызовет серьезные проблемы на российском рынке труда и отрицательно повлияет на экономическую ситуацию в целом. В то же время демографы отмечают целую сеть взаимосвязанных тенденций, которые позволяют говорить о «втором демографическом переходе» и переходе на новую модель рождаемости. В 2001 г. была принята Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г., ставящая своей целью создание стимулов для повышения рождаемости. Однако предложенные в этой Концепции меры, по меньшей мере, нуждаются в обсуждении.

Необходимо понять, возможно ли вообще и если да, то каким образом воздействовать на демографическое поведение людей? В разное время демографы, экономисты и социологи разрабатывали различные модели демографического поведения, пытаясь понять причины его изменения, выявить, какие факторы — экономические, культурные, социальные, этнические — оказывают на него существенное влияние. На микроэкономическом уровне экономический подход к анализу факторов фертильного поведения дает возможность теоретического обоснования и эмпирической проверки ряда гипотез; в России на данных 1994—2001 гг. он был реализован в наших предыдущих исследованиях [Рощина, Бойков 2005].

¹ Первый вариант данного исследования был реализован при поддержке Консорциума экономических исследований и образования, проект № 02—222.

Теоретические основы экономического анализа фертильного поведения

Возможность применения общего экономического подхода к исследованию репродуктивного поведения впервые была проанализирована Г. Беккером, при этом дети рассматривались или как форма человеческого капитала (в богатых семьях родители взамен издержек приобретают будущее личное удовлетворение, а в бедных — будущий труд детей), или как производимые семьей блага длительного пользования, от которых родители получают поток услуг (удовольствие, труд и пр.), зависящий от количества и качества детей.

Статическая модель. В работе Г. Беккера дети рассматриваются как аналоги товаров длительного пользования [Becker 1976]. Существует определенный «вкус» к рождению детей (или, по-другому, потребность в детях), определяемый религией, расой, возрастом и т.д. Ценности в этой модели рассматриваются как экзогенные («чикаго-колумбийский подход»). Альтернативная модель, названная «пенсильванским подходом» [Easterlin, Pollak, Wachter 1980], постулирует, что ценности, детерминирующие фертильность, не являются экзогенными и сформированы опытом потребления в течение юности. Как обнаружил Т. Шульц, эта модель подразумевает, что при прочих равных условиях родители, рожденные в больших семьях, будут сами иметь тенденцию к большой семье [Schultz 1981].

Уровень благосостояния, которого может достичь семья (вырастить N детей и произвести некоторый объем остальных благ), ограничен ее производственными возможностями: лимитом суммарного времени (на заботу о детях, производство внутрисемейных благ, рабочее время вне дома) и доходами мужа и жены в зависимости от потраченного рабочего времени (эти доходы могут быть потрачены на «производственные технологии» семьи, т.е. потребление и производство внутрисемейных благ). Семья максимизирует уровень своего благосостояния, распределяя ресурсы между воспитанием детей и производством благ, выбирая векторы затрат времени мужа и жены на работу, на детей, на производство домашних благ и на отдых, а также выбирая вектор покупки рыночных благ для детей и для использования их в «домашнем производстве».

Если дети — нормальные блага, то число желаемых детей положительно зависит от дохода родителей. Еще одно исходное допущение модели — то, что каждый ребенок имеет «качество», которое определяется «полезностью» ребенка для родителей, т.е. тем потоком благ, которые родители могут получить (удовольствие, общение, гордость, престиж, но также и труд в домохозяйстве). Качество «произведенных» в семье детей определяется «домашней производственной функцией» и положительно зависит от ресурсов (любовь, знания, товары, деньги, время и т.д.), затраченных родителями на детей. Таким образом, каждый ребенок имеет «цену» (в зависимости от сделанных затрат), которая, поскольку не имеет денежного выражения, называется «теньевой».

Количество и качество детей в семье связаны между собой отрицательно, так как чем выше качество детей, тем больше затраты на еще одного дополнительного ребенка (считая, что качество детей постоянно для каждого ребенка) и выше теневая цена каждого ребенка, т.е. затраты на единицу роста качества ребенка. Если детей больше, то и затраты на рост качества детей выше, так как нужно увеличивать качество всех детей. Таким

образом, чем выше желаемое родителями «качество» детей, тем меньше, при прочих равных условиях, будет детей в семье.

Чтобы объяснить эмпирически наблюдаемый факт — что размер семьи в развитых странах связан с доходом отрицательно, — Г. Беккер предположил, что дети — времеемкие блага. Если реальная ценность времени человека увеличивается, то цена детей увеличится относительно других благ, и эти последние частично вытеснят детей в оптимальном решении. Расширенная модель выбора — с учетом времени на рынке труда и на воспитание детей — аналогична модели распределения времени в домашнем хозяйстве (модель Беккера или Гронау), где дети являются «выпуском» в домашней производственной функции [Montgomery, Trussel 1986]. Наиболее важный результат этой модели — то, что число детей зависит отрицательно от заработной платы жены и положительно от дохода мужа. Кроме того, отрицательно связаны между собой количество и качество детей, а принимая во внимание более высокие затраты образованных семей на детей, это означает, что в семьях с более высоким уровнем образования будет меньше детей.

Динамическая модель. Модель выбора времени рождения описывает выбор времени рождения как результата максимизации ожидаемого дисконтированного потока полезности для женщины в непрерывном интервале времени [Montgomery, Trussel 1986; Kooreman, Wunderink 1997]. В этой модели женщина решает задачу оптимизации времени рождения детей, максимизируя свой доход в течение продолжительности жизни (работы). Ее суммарный доход является суммой трех интегралов (если она решает иметь одного ребенка): доход в течение периода перед рождением ребенка, доход в течение ухода за ребенком (она не работает и получает пособие) и доход в течение периода начиная с выхода на работу после перерыва и до пенсии. Заработная плата женщины увеличивается с течением времени соответственно ее человеческому капиталу (как это предсказывает уравнение Минцера), но уход с рынка труда с целью рождения ребенка налагает штраф на заработную плату в начале работы после этого времени. Оценка теневой цены времени рождения показывает, что при отсутствии различий в предпочтениях оптимальным решением является как можно более позднее рождение ребенка в фертильном возрасте.

Но необходимо объяснить, почему первое рождение часто следует довольно быстро после заключения брака. В этой модели два фактора действуют в противоположных направлениях: желание иметь детей сразу, чтобы получать полезность в течение более длинного периода, и возможные альтернативные издержки из-за потерь опыта работы и дохода, которые связаны со стратегией раннего рождения ребенка. С одной стороны, параметры, наиболее влияющие на выбор, — «вкус» (склонность) к детям и, с другой стороны — спецификация функции заработной платы. Если заработная плата экзогенно растет с возрастом с некоторым заданным параметром и если этот параметр больше ставки процента, то оптимальная стратегия состоит в немедленном рождении ребенка. Низкая заработная плата и уровень образования в начале работы, короткий период неучастия на рынке труда, достаточно высокий доход в течение материнского отпуска и низкие издержки нового выхода на работу уменьшают оптимальное время первого рождения.

Результаты эмпирических экономических исследований фертильного поведения

Важные теоретические работы опубликованы в сборнике под редакцией Т. Шульца [Schultz 1974]. Издано также несколько учебников об экономическом поведении домашних хозяйств, включающих модель фертильности [Kooreman, Wunderink 1997; Cigno 1991]. Превосходный на тот момент времени обзор теоретических подходов был сделан М. Монтгомери и Дж. Труссель [Montgomery, Trussel 1986]. Введение в эмпирические исследования, которые сосредоточиваются на заработной плате женщин, доходе мужчин и фертильности в течение жизненного цикла, сделано в работе Т. Шульца [Schultz 1981], где показано, что ключевая трудность состоит в том, что заработная плата наблюдается только для занятых женщин. В этом случае требуется объединенная модель предложения труда и фертильности, или заработная плата должна быть оценена при помощи инструментальных переменных.

Дж. Хекман и Дж. Уолкер [Heckman, Walker 1990] оценивают сокращенную форму неоклассической модели динамики фертильности, исследуя различные аспекты фертильности в течение жизненного цикла: завершённый процесс рождения детей, бездетность, интервалы между рождениями, временные ряды ежегодных коэффициентов рождаемости для панельных данных. Данные оценок регрессии свидетельствуют, что заработная плата жены отрицательно влияет на фертильность, а мужа — положительно. Белые женщины по сравнению с черными чаще откладывают время рождения первого ребенка. М. Гроссман и Т. Джойс анализируют решение беременной женщины о рождении или об аборте [Grossman, Joys 1990]. Из-за смещенности выборки авторы используют процедуру Хекмана. Один из полученных результатов — то, что черные женщины, для которых теневая цена контрацепции является относительно высокой, с большей вероятностью прервут беременность, чем белые, для кого теневая цена ниже и чья беременность с большей вероятностью будет запланированной.

К. Отани предсказывает эффекты влияния образования жены и ее участия в рынке труда на репродуктивное поведение, оценивая модель А. Синьо на данных для Канады и Японии [Otani 1996]. Он использует порядковую logit-модель для анализа числа когда-либо рожденных детей и обнаруживает, что уровень образования жены и мужа, занятость жены и возраст при вступлении в брак влияют на это число отрицательно, а продолжительность брака, религиозность жены, число комнат в доме — положительно. Р. Аггарвал и С. Романо использовали probit- и tobit-модели (по когортам) для оценки вероятности рождения в предыдущие 5 и 10 лет в зависимости от возраста женщины, образования, предсказанной смертности младенца, уровня расхода семьи и доступности некоторых природных ресурсов (таких, как вода, древесина и т.д.) [Aggarwal, Netanyahu, Romano 2001]. Очень важный аспект проанализирован Р. Вонгом и Р. Левиным: они оценивают влияние присутствия дополнительного члена семьи (способного ухаживать за ребенком) в домашнем хозяйстве на вероятность рождения ребенка за последние 5 лет (никакие эффекты не найдены) [Wong, Levine 1992].

Принятие решения о фертильности рассматривается в терминах стохастических динамических задач управления с целочисленным резуль-

татом в статье Н. Ан [Ahn 1995]. Здесь пара принимает решение о рождении ребенка последовательно в каждый из дискретных периодов фертильности в условиях неопределенности о поле будущего ребенка. Оценка модели показывает, что ценность детей изменяется в зависимости от пола и возраста детей, а также уровня образования женщин.

Эмпирическая модель фертильного поведения

Решение семьи о рождении ребенка состоит из следующих шагов: 1) семья принимает решение о предполагаемом общем количестве и качестве детей, учитывая объем ожидаемого дохода в течение жизненного цикла; 2) супруги решают, в какое время родить первого ребенка в зависимости от их возраста, стадии брака и потенциальных заработков; 3) та же процедура применяется к решениям обо всех последующих детях, имея в виду количество уже рожденных детей и изменения дохода в течение этого периода. На статическом уровне проблема может быть рассмотрена как принятие решения иметь или не иметь ребенка в следующем году.

Итак, можно оценить несколько регрессий для решений о фертильности:

$$y_i = a_i \cdot X_i,$$

где y_i — зависимая переменная, одним из способов измеряющая склонность i -й семьи к рождению ребенка (например, родился или не родился ребенок в году $T + 1$), X_i — вектор социально-демографических и экономических характеристик семьи в году T .

На основе теоретических моделей, а также результатов западных эмпирических исследований, можно предположить следующие *детерминанты моделей* (значения для года T).

- Параметры жены: возраст, самооценка здоровья, уровень образования, заработная плата (фактическая или предсказанная) или фактические доходы, представления о материальном благосостоянии, статус занятости и профессиональный статус, возможность пособий и отпуска по уходу за ребенком, религиозность или вероисповедание, национальность, семейный статус (наличие супруга), зарегистрирован ли брак.
- Параметры мужа: возраст, самооценка здоровья, уровень образования, фактические доходы, статус занятости и профессиональный статус, религиозность или вероисповедание, национальность.
- Состав семьи: число уже рожденных детей (по возрастам), наличие других взрослых членов семьи, доходы других взрослых членов семьи.
- Условия жизни: число комнат в жилище, площадь жилья, собственность на жилье, количество бытовых удобств (горячая вода, канализация, телефон и пр.), количество предметов длительного пользования.
- Уровень урбанизации места жительства (областной центр, малый город, село).
- Региональные характеристики (доходы, безработица, места в детских садах и пр.).

Эмпирическая база исследования

Для эмпирических оценок мы используем данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) за

1994—2003 гг., которые содержат информацию о большом наборе социально-демографических параметров семьи и индивида и, что очень важно, набор данных о репродуктивном поведении женщин. Эта база данных содержит лучшую общедоступную информацию о репродуктивном поведении и здоровье женщин в России. Панельный характер данных дает возможность проверить зависимость рождения ребенка от параметров семьи в предыдущем периоде времени и использовать методы панельных регрессий там, где это адекватно задаче анализа (фиксированные и случайные эффекты)².

Наш анализ основывается на отборе женщин 16—39 лет (т.е. в фертильном возрасте), опрошенных в каждом периоде. Кроме того, мы исключили женщин, не способных иметь ребенка по медицинским показаниям (бесплодие, стерилизация). К сожалению, в опросе отсутствовали данные об общем количестве детей, рожденных женщиной, поэтому в качестве аппроксимации нами использовалась построенная переменная — количество детей данной женщины, проживающих в этом домохозяйстве, что, учитывая возрастной интервал, представляется достаточно адекватным. Факт рождения ребенка женщиной фиксировался в *календарном году, следующем за годом опроса*. Так, для 5-й волны (опрос в конце 1994 г.) — это все дети, рожденные в 1995 г., и т.д. Все переменные о доходах были дефлированы на основе региональных индексов роста цен декабря к декабрю предыдущего года (данные Росстата) и, таким образом, выражены в ценах 2003 г. Помимо данных РМЭЗ, мы привлекали информацию Росстата о тех демографических и экономических показателях по регионам России, которые, предположительно, могли влиять на склонность женщин к деторождению.

Основные тенденции рождаемости на основе данных РМЭЗ

Насколько тенденции, наблюдаемые на макроуровне, можно обнаружить на основе использованных нами эмпирических данных? Как видно из табл. П1 Приложения, доля женщин, родивших детей в соответствующем возрасте, по данным РМЭЗ близка к данным Росстата, однако колебания выше. Тем не менее очевидно, что «профили» рождаемости по возрастам совпадают: они имеют квадратичную форму, а пик рождаемости приходится на 20—24 года. Что касается динамики, то рождаемость в самой младшей группе — до 19 лет — падает (хотя по данным РМЭЗ в 2002—2003 гг. снова возрастает), а в старших возрастных группах — 30—39 лет — хоть и медленно, но растет.

Обратимся теперь к той совокупности женщин, для которой мы будем тестировать наши гипотезы (16—39 лет, способные иметь детей).

В результате процедуры отбора выборочная совокупность женщин составила — с 5-й по 12-ю волны — 16 347 человек. В силу выбытия респонденток из панели данные о периоде $T + 1$ были восстановлены для 11 785 человек. Это количество и представляет собой основной массив

² Из-за некоторых особенностей построения анкет и способа представления итоговых файлов подготовка базы данных для нашего исследования была достаточно трудоемкой. Подробно процедура построения переменных для данной базы данных описана в нашей работе: [Рощина, Бойков 2005].

для наших расчетов. Всего за 1995—1997, 1999, 2001—2003 гг. этими женщинами было рождено 540 детей, т.е. 4,6% из них стали матерями. К данным о рождениях в 2003 г. следует относиться с осторожностью, так как о значительной доле респонденток не было сведений; возможно, ситуация уточнится с получением данных опросов 2004 г. и последующих лет.

Таблица 1. **Возрастной состав женщин выборочной совокупности**

	5-я волна	6-я волна	7-я волна	8-я волна	9-я волна	10-я волна	11-я волна	12-я волна	Всего
16—19 лет	15,4	15,7	16,8	16,9	18,2	18,3	16,3	16,9	15,4
20—24 лет	18,9	19,4	20,8	20,9	23,3	23,4	20,5	21,1	18,9
25—29 лет	18,0	19,1	19,5	20,8	21,2	22,0	22,4	20,5	18,0
30—34 лет	22,9	20,1	18,9	18,2	19,0	18,7	21,6	19,9	22,9
35-9 лет	24,8	25,6	24,1	23,2	18,3	17,6	19,2	21,6	24,8
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В выбранной совокупности все возрастные группы представлены достаточно равномерно (табл. 1), однако в 2000—2001 гг. выборка несколько «помолодела». Возможно, это связано с тем, что была разыскана часть респонденток, сменивших место жительства в 6-й—7-й волнах. Однако не исключено, что это происходит за счет вступления в фертильный возраст девушек, рожденных в период пика рождаемости середины 1980-х гг.

Таблица 2. **Семейное положение женщин выборочной совокупности, %**

	5-я волна	6-я волна	7-я волна	8-я волна	9-я волна	10-я волна	11-я волна	12-я волна
Не состояли в браке	23,7	26,3	27,1	28,2	30,8	30,9	26,8	31,5
Разведены	8,8	9,1	8,9	7,7	8,7	8,5	9,2	8,9
Вдовы	1,5	1,0	1,1	1,1	1,2	1,2	1,1	0,8
Состоят в браке	66,0	63,6	63,0	63,1	59,3	59,5	62,9	58,8
В том числе								
В зарегистрированном браке	нет данных	нет данных	нет данных	54,9	49,1	47,9	48,7	44,7
В незарегистрированном браке	нет данных	нет данных	нет данных	8,2	10,2	11,6	14,2	14,1
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В момент опроса больше половины женщин состояли в браке (зарегистрированном или незарегистрированном) (табл. 2). К сожалению, уточнение, зарегистрирован брак или нет, стало вводиться только с 1998 г. Поэтому трудно сказать наверняка, к какой категории относили себя женщины, состоявшие в незарегистрированном браке. Судя по тому, что доля «замужних» женщин менялась достаточно плавно, они считали себя состоящими в браке. За период с 1994 г. доля разведенных и вдовых менялась незначительно, а вот доля никогда не состоявших в браке выросла даже в период 1998—2003 гг. с 8,2 до 14,2%. Таким образом, уровень брачности снижается, а среди браков растет доля незарегистрированных.

На момент проведения опроса большинство женщин имели детей, хотя со временем доля бездетных возрастает (табл. 3), за период наблюдений — почти в 1,5 раза. Падает также доля женщин, имеющих 2 и более детей, т.е. наиболее типичной становится семья с одним ребенком.

Таблица 3. Количество детей у женщины в году опроса, %

	5-я волна	6-я волна	7-я волна	8-я волна	9-я волна	10-я волна	11-я волна	12-я волна	Всего
Нет детей	30,7	31,3	32,1	35,0	38,9	39,9	37,1	42,2	36,5
1 ребенок	32,0	33,8	34,8	36,3	37,7	38,5	40,8	39,4	37,0
2 детей	31,2	28,7	27,9	24,2	19,7	18,2	17,9	15,1	22,1
3 детей	4,7	4,5	3,9	3,5	3,0	2,7	3,4	2,7	3,5
4 и более детей	1,4	1,7	1,3	0,9	0,7	0,7	0,8	0,6	1,0

Что касается интенсивности рождений по возрастам (табл. 4), то наблюдается та же тенденция, что и на макроуровне: чаще всего принимают решение о рождении ребенка женщины 20—24 лет. По данным РМЭЗ, рождаемость падала во всех возрастных группах (сильнее всего — в младшей, более чем в 2,5 раза). В 1999 г., как казалось, наметился всплеск рождений для группы 25—29 лет, что могло бы служить подтверждением факта о реализации отложенных в период начала реформ рождений. Однако в 2001 г. доля родивших в этой группе снова упала и выросла в 2002 г.

Таблица 4. Доля женщин, родивших в году $T + 1$, по возрастным категориям для года T

	5-я волна	6-я волна	7-я волна	8-я волна	9-я волна	10-я волна	11-я волна	Всего
Родили в году =	1995	1996	1997	1999	2001	2002	2003	
16—19 лет	8,3	8,1	8,0	4,8	5,3	3,8	3,4	5,7
20—24 лет	10,0	5,2	7,8	8,1	9,5	8,5	5,1	7,8
25—29 лет	5,1	5,2	4,2	7,2	5,4	7,0	3,9	5,5
30—34 лет	3,7	3,0	3,2	3,1	3,3	3,2	1,5	3,0
35—39 лет	0,5	2,3	1,4	0,8		1,4	1,2	1,1
По всем возрастам	5,0	4,5	4,7	4,8	5,0	5,1	3,0	4,6

Таблица 5. Доля детей, из числа рожденных в году $T + 1$, которая приходится на женщин данной возрастной группы в году T , %

	5-я волна	6-я волна	7-я волна	8-я волна	9-я волна	10-я волна	11-я волна	Всего
Родили в году =	1995	1996	1997	1999	2001	2002	2003	
16—19 лет	25,3	28,4	28,6	17,1	19,5	13,7	18,2	21,1
20—24 лет	37,3	22,4	34,3	35,5	44,8	39,2	34,5	36,1
25—29 лет	18,1	22,4	17,1	31,6	23,0	30,4	29,1	24,6
30—34 лет	16,9	13,4	12,9	11,8	12,6	11,8	10,9	13,0
35—39 лет	2,4	13,4	7,1	3,9		4,9	7,3	5,2
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 5 подтверждает падение доли младших возрастов среди родивших женщин: если в 1995 г. мамами 23,2% родившихся детей были женщины до 20 лет, то в 2002 г. — только 13,7%, в 2003 г. — 18,2%. Основной вклад в совокупность родившихся детей вносит возрастная группа 20—24 лет. В 2002 г. почти 40% детей были рождены женщинами в этом возрасте. Если обратиться к семейному статусу в момент T для тех женщин, кто родил ребенка в году $T + 1$, мы увидим, что более трех четвертей из них состояли в браке (табл. 6). Вклад в рождаемость разведенных и вдов невелик,

но вот на тех, кто в браке никогда не состоял, приходится в разные годы от 16 до почти 24% детей. Правда, надо помнить, что семейное положение в данном случае фиксируется не на момент *рождения*, а на момент *принятия решения о рождении*. Иными словами, к моменту рождения ребенка женщина могла уже быть замужем. В принципе, факт беременности женщины может даже использовать для давления на принятие решения о заключении брака. Но для первой группы партнер, хотя и существует (иначе ребенок не мог бы родиться), но еще не проживает в семье женщины.

Если посмотреть на динамику рождений первенцев и детей других очередностей, то между 1995 и 2003 гг. различия не очень велики (хотя доля первых детей несколько выросла). Однако между этими годами колебания были довольно велики, при этом явно выраженного тренда не наблюдалось (табл. 7, 8).

Таблица 6. Семейный статус в году T для женщин, родивших в году $T + 1$

	5-я волна	6-я волна	7-я волна	8-я волна	9-я волна	10-я волна	11-я волна
Родили в году =	1995	1996	1997	1999	2001	2002	2003
Никогда в браке не состояли	22,5	21,5	22,9	15,8	24,4	18,6	12,7
Разведены	2,5	1,5	5,7	2,6	0	2,9	1,8
Вдовец (вдова)	0	1,5	0	0	0	0	0
Состоит в браке	75,0	75,4	71,4	81,6	75,6	78,4	85,5
В том числе							
В зарегистрированном браке	нет данных	нет данных	нет данных	71,1	48,8	52,0	54,5
В незарегистрированном браке	нет данных	нет данных	нет данных	10,5	26,7	26,5	30,9
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 7. Доля первых, вторых и т.д. детей, из числа рождений в году $T + 1$

	5-я волна	6-я волна	7-я волна	8-я волна	9-я волна	10-я волна	11-я волна	Всего
Родили в году =	1995	1996	1997	1999	2001	2002	2003	
Первый ребенок	63,9	52,2	60,0	59,2	69,0	61,8	65,5	61,9
Второй ребенок	24,1	35,8	24,3	31,6	24,1	31,4	32,7	28,9
Третий ребенок	8,4	4,5	12,9	6,6	4,6	4,9	1,8	6,3
Четвертый и более	3,6	7,5	2,9	2,6	2,3	2,0	0,0	3,0
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100
Рождено детей	83	67	70	76	87	102	55	540

Таблица 8. Доля женщин, родивших первого ребенка, среди всех родивших в году $T + 1$, по возрастам в году T

	5-я волна	6-я волна	7-я волна	8-я волна	9-я волна	10-я волна	11-я волна	Всего
Родили в году =	1995	1996	1997	1999	2001	2002	2003	
16—19 лет	90,5	84,2	95,0	92,3	94,1	92,9	90,0	91,2
20—24 лет	74,2	80,0	62,5	77,8	76,9	70,0	78,9	73,8
25—29 лет	46,7	33,3	41,7	41,7	65,0	54,8	56,3	49,6
30—34 лет	14,3	11,1	0,0	11,1	9,1	41,7	33,3	17,1
35—39 лет	100,0	11,1	60,0	33,3	—	0,0	25,0	28,6
По всем возрастам	63,9	52,2	60,0	59,2	69,0	61,8	65,5	61,9

Данные табл. 9 достаточно красноречиво свидетельствуют об изменении тайминга рождаемости: если в 1995 г. 40% рожденных детей (не первой очередности) появились на свет не более, чем через 3 года после предыдущего ребенка, то в 2003 г. — только пятая часть. Напротив, более половины женщин, родивших не первенцев после 2001 г., сделали это после перерыва в 7 лет и более.

Таблица 9. Распределение времени, прошедшего с рождения предыдущего ребенка (для второго и более детей), % по каждому году

	5-я волна	6-я волна	7-я волна	8-я волна	9-я волна	10-я волна	11-я волна	Всего
Родили в году =	1995	1996	1997	1999	2001	2002	2003	
1—3 года	40,0	28,1	32,1	22,6	22,2	17,9	21,1	26,2
4—6 лет	23,3	40,6	39,3	35,5	25,9	30,8	21,1	31,6
Более 7 лет	36,7	31,3	28,6	41,9	51,9	51,3	57,9	42,2
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100
№ вторых и более детей	30	32	28	31	27	39	19	206
Средний тайминг рождений	4,8	5,9	5,1	6,0	6,6	6,9	7,9	6,1

Достаточно высока доля прерываний беременности — лишь менее 50% беременностей оканчиваются родами. Во всей совокупности женщин доля сделавших аборт в течение года составляет 4—5% (табл. 10).

Таблица 10. Доля аборт в году $T + 1$ (в течение года после опроса)

	5-я волна	6-я волна	9-я волна	10-я волна	11-я волна
Год $T + 1$	1995	1996	2001	2002	2003
Всего родили или сделали аборт в году $T + 1$	164	148	158	201	123
Из них родили ребенка в году $T + 1$	83	67	87	102	55
Из них сделали аборт в году $T + 1$	81	81	71	99	68
Доля аборт среди беременностей, %	49,4	54,7	44,9	49,3	55,3
Доля сделавших аборт среди всех женщин, %	5,9	6,0	4,2	5,1	4,3
Доля «потенциальных рождений» (роды + аборт) среди всех женщин, %	10,0	9,9	9,0	10,0	6,8

Таблица 11. Доля женщин, родивших в году $T + 1$, в зависимости от наличия детей в году T

	Всего человек в совокупности		Из них % родивших в году $T + 1$	
	Нет мужа	Есть муж	Нет мужа	Есть муж
Нет детей в году T	3889	1466	2,5	16,2
Один ребенок	1103	4326	1,2	3,3
Двое детей	275	2574	0,0	1,4
Трое и более детей	22	501	4,5	2,8

Как уже имеющих детей, так и бездетных женщин спрашивали также, хотели бы они когда-либо в будущем родить ребенка. Заданный в очень абстрактной форме (не «собираются ли они родить», а «хотят ли они ро-

дить»), это скорее вопрос об общих фертильных установках (ценностях), а не о конкретном намерении. Чтобы женщина действительно родила, желание иметь детей (т.е. «потребность в детях») должно совпасть с конкретными условиями (ресурсными возможностями). В то же время, возможно, это позволяет оценить, в самом ли деле меняется установка на количество детей в семье.

Если с 1994 по 2003 г. выросло количество бездетных женщин, то за это же время доля желающих иметь детей сначала снизилась, а потом стала расти. За рассматриваемый период среди тех женщин, у которых на момент опроса не было детей, 35% не высказали желания стать матерями. Получается, что больше половины женщин хотели бы остаться бездетными! Возможно, правда, что этот вопрос многими из них воспринимается более конъюнктурно, и они имели в виду не всю оставшуюся жизнь, а ближайшее будущее. Среди матерей, имеющих одного ребенка, больше не хотели бы иметь детей 55,7%, двух детей — 89,7%, трех — 93,1%, четырех — 92,9%, пятерых — 84,2%, шестерых — 85,7%, семерых и больше — 100%. Эти доли очень мало колеблются по волнам обследования, правда, многодетных семей достаточно мало. Таким образом, как и в западных странах, наиболее желательной моделью оказывается семья с одним-двумя детьми. Тем не менее в «особый случай» выделяются многодетные семьи, которых мало (семьи с четырьмя и более детьми составляют не более 4% по всему массиву), но, видимо, они имеют повышенную потребность в детях.

Если посмотреть динамику доли бездетных женщин, которые хотели иметь детей, по возрастам (табл. 12), то мы увидим, что у большинства возрастов эта доля сначала падает (с минимумом чаще всего в 1998 г.), а затем возрастает к 2003 г., особенно среди старших возрастов. Трудно сказать, связана ли такая ситуация с кризисом 1998 г. и возросшей неуверенностью в будущем. Вероятно, желание иметь детей может быть более подвержено конъюнктуре, чем реализация этих установок.

Таблица 12. Доля женщин, желающих (еще) иметь детей, %

	5-я волна	6-я волна	7-я волна	8-я волна	9-я волна	10-я волна	11-я волна	12-я волна	Всего
Среди всех	37,5	35,2	35,1	37,5	45,4	47,7	48,7	52,0	43,2
Среди женщин, не имеющих детей, желают иметь детей (по возрастам)									
	58,3	53,0	51,5	43,9	52,5	56,9	57,8	62,8	58,3
20—24	76,2	74,1	71,0	66,1	75,7	78,0	77,2	76,4	76,2
25—29	80,6	72,5	78,1	75,9	84,2	75,6	84,3	80,4	80,6
30—34	72,2	63,9	43,3	74,2	71,0	67,4	76,3	81,7	72,2
35—39	28,3	36,5	34,9	21,1	14,3	30,8	38,8	34,3	28,3
Все возраста	65,0	60,9	59,3	55,8	63,4	65,4	67,5	69,4	65,0

Суммировав количество имеющихся и количество желаемых детей, мы получим общее число детей, которое женщина хотела бы родить за свою жизнь (без учета возможности реализации). В 1994 г. на 1 женщину приходилось 1,67 таких «условно-желаемых» детей, а затем в 1998—2003 гг. это количество снизилось до 1,5. При этом трех и более детей хотели бы иметь лишь 4% бездетных женщин, 4,9% — имеющих одного ребенка, и 10,3% — имеющих двоих детей. Это говорит о том, что в обществе установилась норма семьи с не более чем двумя детьми.

Можно обнаружить также эмпирическую картину квадратичной зависимости вероятности рождения ребенка в году $T + 1$ от числа уже имеющих у женщины детей. Так, из семейных пар, у которых не было детей в год опроса, 16,2% родили ребенка в течение следующего календарного года, из имеющих одного ребенка — 3,3%, а из имеющих двоих детей — всего 1,4%. А вот для пар, у которых больше двух детей, эта вероятность опять возрастает — среди «многодетных» (три и более ребенка) обзавелись еще одним 2,8%.

Оценка моделей решения о рождении ребенка³

Модели для всей совокупности женщин. Первая из оцененных нами регрессий, самая важная для уровня рождаемости, — для зависимой переменной «имел ли место факт рождения ребенка в году $T + 1$ ». Поскольку это бинарная переменная, адекватный метод — модель для дихотомической регрессии (probit). Однако фактически мы оценивали систему двух одновременных уравнений⁴ — первое с зависимой переменной «имел ли место факт рождения ребенка в году $T + 1$ », второе — с зависимой переменной «хочет ли женщина родить ребенка». Дело в том, что обе эти переменные, как говорит теория, могут зависеть примерно от одно и того же перечня социально-экономических переменных, в то же время желание родить ребенка должно сказываться на реальных рождениях. Действительно, среди тех, кто родил ребенка в году $T + 1$, 68,1% в году T высказывали желание иметь детей, а среди не родивших — всего 40,2%. Прямое включение переменной «желание родить ребенка» в уравнение для фактического рождения показывает наличие зависимости (значимость коэффициента), однако может привести к мультиколлинеарности. Метод одновременного оценивания регрессий показал, что в действительности факт желания родить ребенка, при прочих равных условиях (социально-экономические параметры), практически не оказывает влияния на факт рождения. В таблицах Приложения приводятся результаты оценивания только для первого уравнения (факт рождения).

Первая модель была оценена для полной совокупности респонденток за 7 волн обследования, т.е. для 10 626 наблюдений. Наилучшая модель (модель 1, табл. ПЗ Приложения) была получена при включении квадратичных функций для возраста женщины и количества живущих с ней ее детей. Значимость большинства переменных при незначительных вариациях детерминант модели практически не менялась.

Первая группа детерминант, влияющая на решение о рождении ребенка, — демографические характеристики. Очевидно, что главная из них — наличие у женщины супруга (включая незарегистрированный брак). Конечно, хотя мы отбирали в качестве объекта наблюдения женщин, в действительности рождение ребенка — результат совместного решения (или, по крайней мере, действия) мужчины и женщины. Среди женщин, бывших «одинокими» на момент опроса, рождаемость не так уж низка — на них приходится около четверти всех появившихся на свет детей (но необ-

³ Часть результатов оценок здесь не приводится в связи с ограниченностью объема статьи. Чтобы ознакомиться с более подробными результатами, пожалуйста, обращайтесь к автору статьи: econsoc@hse.ru.

⁴ Метод «seemingly unrelated regressions».

ходимо отметить, что к моменту рождения отец мог уже стать членом семьи).

Регрессионный анализ подтвердил квадратичный характер зависимости вероятности родов от возраста женщины: сначала эта вероятность возрастает (к 20—24 годам), а затем начинает постепенно падать. Это возраст, в котором упущенные заработки в связи с уходом за ребенком могут быть наиболее низки: как правило, в этот период завершается образование и начинается трудовая карьера, но заработная плата и профессиональный статус еще невысоки. Кроме того, издержки последующего выхода на рынок труда также ниже, чем в более позднем возрасте, так как специфический стаж работы и опыт практически отсутствуют.

Немаловажное значение может иметь фактор здоровья (в более раннем возрасте организм женщины еще не всегда готов к рождению ребенка, а в более старшем, особенно после 30, считается, что сложности со здоровьем для рождения ребенка возрастают). Еще одним аргументом в пользу рождения ребенка в молодом возрасте может быть то, что ребенок представляет собой семейный капитал, способствующий стабильности брака. Возраст 20—24 года — это, видимо, на настоящий момент компромисс между возросшим возрастом появления первого ребенка, связанным, скорее всего, с необходимостью накопления человеческого капитала, и названными выше факторами здоровья и семейного капитала. Этот возраст увеличился (ранее он составлял 18—20 лет), однако еще не настолько, как в странах Запада (ближе к 30 годам).

Квадратичная зависимость, но противоположной направленности (U-образная), наблюдается от количества уже рожденных детей. Здесь вероятность рождения ребенка довольно высока для бездетных, затем она снижается для имеющих 1—2 детей и вновь возрастает в случае многодетных семей. Очевидно, что здесь находят отражение различия либо в ценностях семьи (желаемое количество или потребность в детях), либо в способах контрацепции (или ее отсутствии, например, по религиозным соображениям). В то же время это свидетельствует о наличии двух образцов семей: одно-двухдетной (наиболее распространенной) и многодетной (достаточно редкой).

Вторая группа переменных — характеристики занятости и образования женщины. Как показали оценки, уровень образования не влияет на принятие решения о рождении. Небольшие отличия на уровне перекрестных распределений есть, но они статистически незначимы (среди женщин, имеющих высшее образование, родили 4%, имеющих среднее специальное образование — 4,7%, законченное среднее — 4,5%, не законченное среднее — 6,6%). Правда, этот факт еще не опровергает гипотезу Беккера о том, что более образованные родители склонны иметь меньшее количество детей (как в силу более высокой ценности их времени, так и в силу более высоких требований, предъявляемых к качеству детей).

Во-первых, для этого нужно посмотреть на итоговое количество детей, рожденных женщинами с разным уровнем образования (как уже отмечалось, на данных РМЭЗ это сделать практически невозможно, так как вопрос о количестве всех рожденных детей перестал задаваться, а для женщин старших возрастов дети могут с ними уже не жить). Во-вторых, в силу того, что рождаемость в России все еще достаточно молода, немалое количество детей может появляться у родителей, еще только получаю-

ших высшее образование. Решение же об итоговом числе детей будет приниматься ими на более поздних стадиях жизненного цикла семьи.

Что касается занятости, то наличие работы в момент опроса не влияет на принятие решения, но вот наличие опыта работы в прошлом — способствует положительному решению о рождении ребенка. Хотя доля родивших чуть больше среди незанятых (5,0 против 4,3%), так же как и среди не имевших опыта работы (4,6 против 4,4%), эти различия незначимы. Вторая переменная становится значимой в модели с учетом возраста как контрольной переменной: рождаемость высока среди молодых возрастов, в том числе и не имевших опыта работы, однако в среднем возрасте опыт работы важен для более быстрого поиска работы после окончания отпуска по уходу за ребенком. Переменные профессионального статуса (должность — менеджер, специалист, служащий, рабочий — при базовой переменной — незанятый) не влияют на принятие решения о рождении, и в окончательную модель не включены.

Также не значима и не включена в окончательную модель переменная, отражающая доступность для женщины на ее работе социальных пособий, декретного отпуска и т.п. в случае рождения ребенка (этот вопрос задавался после 2000 г.).

В один из вариантов расчетов мы также включали переменную «заработная плата женщины» (а не доходы) — фактическая для занятых женщин и потенциальная (предсказанная на основе уравнения Минцера) — для неработающих. Эта переменная оказалась незначима, т.е. гипотеза о том, что более высокие заработки женщины увеличивают склонность не рожать ребенка, не подтвердилась.

Не значим и уровень реальных доходов женщин. Возможно, это объясняется тем, что мы видим результат одновременно двух тенденций: ведь, с одной стороны, с ростом дохода женщина может позволить себе более высокие расходы на детей (как на блага), с другой стороны — в этой случае повышается оценка ее времени, что препятствует рождению. То же можно сказать о национальной принадлежности (в одной спецификации вероятность рождения ребенка была выше для «восточных» национальностей) и религиозности. Это может свидетельствовать о выравнивании модели рождаемости для разных национально-культурных групп.

Влияние следующей характеристики женщины — уровня здоровья (точнее, оценка женщиной своего здоровья — хорошее, среднее, плохое) — на принятие решения о рождении неустойчиво. Оно оказалось значимым только в одной из спецификаций: для женщин, имеющих детей. То же можно сказать о национальной принадлежности. К сожалению, для всей совокупности женщин невозможно включить переменную «религиозность», так как этот вопрос задавался только начиная с 1998 г. Хотя мы ожидали значимого влияния этих характеристик на принятие решения о рождении ребенка, наша гипотеза для окончательной модели по 8—11 волнам не подтвердилась. Это может свидетельствовать, во-первых, о выравнивании модели рождаемости для разных национально-культурных групп (относительно влияния национальности). Во-вторых, возможно, самооценка здоровья далеко не всегда адекватно отражает истинное здоровье женщины, которое, если оно плохое, может помешать ей родить ребенка. В то же время другие измерители (наличие хронических заболеваний) также оказались незначимыми. В-третьих, не исключено, что нагрузку, связанную со здоровьем, несет переменная возраста, так как, как

уже упоминалось, пока наиболее вероятный возраст рождения не достиг 30 лет.

Интересный факт выявился относительно влияния потребления женщинами алкоголя: оно также имеет квадратичную форму, т.е. рождаемость выше как среди совсем не употреблявших его в течение месяца перед опросом, так и среди пьющих довольно часто. Так, с 1995 по 2003 г. среди совсем не употреблявших алкоголь в течение месяца рождаемость составила 6%, среди пьющих 1—3 раза в месяц — 3,5%, 1 раз в неделю — 3,6%, 2—3 раза в неделю — 1,4%, 4—6 раз в неделю — 5,5%. Видимо, это отражение факта социальной дифференциации рождаемости, а также подтверждение гипотезы об обратной зависимости между количеством и качеством детей — скорее всего, для пьющих родителей необходимость высоких инвестиций в ребенка отсутствует. В то же время нужно признать, что зависимость рождаемости от частоты потребления алкоголя мужем — обратная.

Условия жизни семьи (обеспеченность семьи бытовыми удобствами, товарами длительного пользования — ТДП, собственность на жилье), судя по оценкам модели, не влияют на принятие решения о рождении ребенка, что противоречит выдвинутой нами гипотезе. (В некоторые промежуточные варианты модели включались также переменные «жилая площадь на человека», «количество комнат» — их влияние незначимо.) На перекрестных распределениях видно, что чаще детей рожают женщины как раз из менее комфортно живущих и менее обеспеченных товарами длительного пользования семей. Так, среди живущих в собственной квартире (доме) 4,4%, а не в собственном — 5,7%. Среди не имеющих бытовых удобств⁵ рождаемость 6%, имеющих 5—6 удобств — 4%. Такая же разница между женщинами, в семьях которых всего один ТДП⁶ и 4—5 ТДП. Однако, вероятно, это фактор, зависящий от другой переменной модели — уровня урбанизации. Чем он выше, тем меньше вероятность рождения ребенка, т.е. чаще всего дети появляются в селах (6% за 1995—2003 гг., по сравнению с 3,8% в областных центрах). А в сельских населенных пунктах как раз нет таких удобств, как центральное отопление, горячая вода и т.д., а также меньшая доля семей владеет телевизорами, стиральными машинами и т.д.

Следующая группа детерминант связана с другими характеристиками семьи — ее составом и доходами. Не отвергается гипотеза о том, что потенциальная помощь с уходом за малышом важна для будущей матери — количество других (кроме женщины и ее супруга) взрослых членов семьи значимо влияет на положительность решения. Причем речь, вероятно, идет именно о помощи по дому, а не о материальном факторе, так как уровень доходов этих других членов семьи на решение не влияет. На решение о рождении ребенка влияет также восприятие экономического положения семьи женщиной — удовлетворенность (в 3-балльной шкале) материальным положением. Конечно, между этим показателем и фактическими доходами на человека в семье существует определенная взаимосвязь, однако включение в модель именно доходов семьи (как суммарных, так и душевых) вместо разбиения их на доходы жены, доходы мужа и доходы остальных членов семьи (как в окончательном варианте модели), не

⁵ Телефон, горячая вода, отопление, канализация и т.д.

⁶ Телевизор, холодильник, стиральная машина, видеомагнитофон, автомобиль и т.д.

показала их значимого влияния на принятие решения о рождении ребенка. Видимо, в этом случае важнее психологическое восприятие уровня жизни, так как рациональные родители, скорее всего, хотят в достаточной степени обеспечить будущего ребенка. А «достаточность» имеющегося дохода для появления нового члена семьи — это в существенной степени субъективная вещь, связанная, может быть, в большей степени со стабильностью доходов, чем их соотношением с уровнем доходов других семей.

Из характеристик мужа значимо влияет на принятие решения о рождении ребенка факт наличия работы (положительно) и национальность (восточные — положительно), а также возраст (отрицательно). Это противоречит теоретическому положению о том, что доход мужа должен оказывать позитивное влияние на количество детей в семье (см. теоретический обзор). Возможно, однако, предположить, что в семьях с более высокими доходами (часто это также семьи с более высоким уровнем образования супругов) существенно выше «цена детей», т.е. они хотят иметь детей «более высокого качества» (согласно терминологии Г. Беккера), соответственно увеличивая затраты на образование, одежду и пр. для каждого ребенка. Если рост таких затрат обгоняет рост доходов (в рамках кросс-секционных моделей), это как раз может привести к тому, что мы не увидим значимого влияния доходов на количество детей.

Одно из самых существенных влияний, которые удалось выявить в модели, — для переменной «тип поселения». Это самая сильная связь после переменных «количество имеющихся детей» и «наличие супруга»⁷. Это подтверждает выдвинутую нами гипотезу. В сельской местности рождаемость выше в силу ряда возможных причин — как культурно-ценностного плана (выше склонность к детям), так и социального — меньшая доступность контрацепции, и экономического — «цена детей», связанная с затратами на их образование и т.д., на селе ниже, кроме того, дети являются потенциальными работниками и помощниками по хозяйству (которое значительно больше, чем в городе), а старшие дети могут помогать в воспитании младших.

Дифференциация существует и между регионами — по сравнению с Москвой и Санкт-Петербургом ниже вероятность рождений в Центральном и Центрально-Черноземном, Южно-Российском (Северный Кавказ — Ставрополь, Краснодар), на Урале и в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. При этом уровень средних доходов в регионе и безработицы среди женщин, коэффициент брачности не влияют на вероятность родить ребенка. Позитивно влияет уровень прерываний беременности.

Не влияет на решение обеспеченность детей местами в детских садах (этот фактор уже не является дефицитным, в отличие от советских времен), а также включавшиеся в модели на более ранних этапах измерители уровня экологии, заболеваемости населения, обеспеченности врачами на душу.

Следующий блок моделей был рассчитан с учетом **семейного статуса женщины**: с тем же набором переменных, но только для совокупности респонденток, имеющих супруга в году T (как зарегистрированный, так и гражданский брак) (модель 2); для одиноких на момент опроса женщин (модель 3).

⁷ Для всех моделей в таблицах приводятся предельные эффекты.

Первый вывод, который можно сделать на основании этих оценок: характеристики мужа (возраст, образование, здоровье) — кроме наличия работы — не вносят значимого вклада в принятие решения о рождении ни для всей совокупности наблюдений (как мы видели выше), ни даже только для семейных пар. Это не значит, конечно, что решение о рождении ребенка принимается женщиной самостоятельно или принимается семьей только под влиянием характеристик женщины. Однако, судя по всему, характеристики женщины более важны, а во многих семьях характеристики мужа и жены (особенно такие, как возраст, национальность, уровень образования) могут совпадать или, по крайней мере, быть близкими друг другу.

Оказывается, что переменная «возраст», значимая для всей совокупности (квадратичная зависимость), незначима для замужних (в моделях 1994—2000 г. был значим отрицательный коэффициент при квадрате возраста), а для незамужних значим только положительный коэффициент при переменной возраста, т.е. вероятность родить ребенка для одиноких женщин с возрастом линейно растет. Скорее всего, одинокие женщины чаще решаются родить ребенка в старшем возрасте под угрозой бездетности, тогда как для замужних решение определяется количеством уже имеющихся детей, влияние которого совпадает с общей моделью. Наличие опыта работы, как оказалось, важно лишь для одиноких, и для них значимым фактором является уровень доходов — чем выше доходы, тем с меньшей вероятностью женщина решится иметь ребенка. Таким образом, здесь мы видим эффект возрастания ценности времени женщины и упущенных заработков, что соответствует теории. Удовлетворенность материальным положением для незамужних не важна, в отличие от замужних. Зависимость решения о рождении от потребления алкоголя сохраняется только для замужних женщин, а влияние наличия других членов семьи — для одиноких, которым особенно важна помощь со стороны родственников. В то же время не исключено, что эти решения принимаются преимущественно женщинами, хотя и не состоящими в браке на момент опроса, но либо ожидающими этого события, либо, может быть, даже стимулирующими изменение семейного статуса при помощи добрачной беременности, и в этом случае причинность принятия решений другая. Употребление же алкоголя, как показывают исследования на базе данных РМЭЗ, существенно связано с аналогичным аддиктивным поведением супруга, т.е. чаще пьют, судя по всему, женщины вместе со своим супругом. Поэтому для одиноких на момент опроса женщин этот фактор незначим.

Мы предполагали, что, возможно, за период с 1994 по 2003 г. могла произойти смена модели рождаемости. Для этого были оценены модели, аналогичные модели по всей совокупности наблюдений, **отдельно по каждой из волн**⁸. Но в наибольшей степени полученные результаты по волнам свидетельствуют о неустойчивости оценок регрессий, которую мы объясняем слишком малым количеством «положительных» значений зависимой переменной. Основные зависимости, выявленные для модели на всей совокупности, подтвердились: это значимое влияние таких факторов, как количество детей (U-образная зависимость), наличие супруга, возраст

⁸ Результаты оценок не приводятся в силу невысокой стабильности результатов и ограниченности объема статьи.

(квадратичная зависимость). Мы полагаем, что полученные результаты говорят о том, что основной факт — смена модели рождаемости (переход к преобладанию семьи с одним ребенком и максимумом рождаемости в возрасте 20—24 года) — произошел достаточно быстро, за 1991—1994 гг. Скорее всего, здесь сказались влияние трех факторов: структурно-демографического (структура населения и рождаемости в предшествующие годы), глобально-демографического (снижение рождаемости в развитых странах) и конъюнктурного (кризис и реформы могли ускорить процесс).

Помимо этого, была рассчитана модель для 9—11 волн, т.е. для 2000—2002 гг. Как ожидалось, в этот период жизнь людей стала более стабильной, они привыкли к новым условиям по сравнению с советским периодом, да и в фертильный возраст вступило новое поколение; постепенно могли нивелироваться негативные последствия финансового кризиса 1998 г., наблюдался рост доходов и т.д. С начала 2000-х гг. на макроуровне наблюдался также рост рождаемости, в первую очередь как реализация отложенных в 1990-х гг. рождений.

Расчеты по этому периоду позволили также включить в регрессионные уравнения те переменные, информация о которых собиралась не для всех лет исследования — верующий ли респондент, наличие социальных гарантий на работе, зарегистрирован ли брак.

Как оказалось, в период 2000—2002 гг. сохранилось влияние таких переменных, как количество детей, наличие опыта работы, удовлетворенность материальным положением, наличие супруга, занятость супруга. Незначимым стало влияние уровня урбанизации, переменных возраста⁹ — как самой женщины, так и ее супруга, а также количества других взрослых в семье. Зависимость вероятности рождения от потребления алкоголя стала линейной, с обратным знаком (чем женщина больше потребляет алкоголя, тем меньше вероятность рождения ребенка).

Помимо этого, появились новые значимые переменные: положительное влияние на рождение самооценки здоровья, высшего образования мужа, и отрицательное — уровня доходов мужа и количества бытовых удобств. Оказалось также, что более склонны к рождению ребенка верующие женщины, а также те, кто состоял в незарегистрированном браке. Это может означать как желание накопить «семейный капитал» в виде детей для укрепления семейных уз, так и изменение отношения к регистрации брака с негативного на нейтральное или позитивное.

Все отмеченные зависимости сохраняются для совокупности замужних женщин, за исключением отрицательного влияния наличия у мужа высшего образования и количества бытовых удобств. Оказалось также, что чаще рожают детей пары, не имеющие собственного жилья.

Наконец, последняя модель — **модель с фиксированными эффектами** (табл. ПЗ приложения, модель 4). Так как лишь очень незначительное число женщин родили ребенка за эти годы, большая часть массива была автоматически исключена из совокупности в связи с тем, что зависимая переменная за все годы принимает только нулевое значение¹⁰. Кроме того, исключены все переменные, не меняющиеся в течение периода наблюде-

⁹ Квадратичная зависимость от возраста и обратная зависимость — от уровня урбанизации сохраняются при оценке обычной модели probit, а не seemingly unrelated bivariate probit.

¹⁰ Объем подвыборки для модели с фиксированными эффектами — 1640 человек, для которых хотя бы один раз за период 1994—2002 гг. имел место факт рождения ребенка.

ния, — регион, тип поселения, национальность мужа и жены. При интерпретации результатов оценки не будем забывать, что модель с фиксированными эффектами показывает вероятность рождения ребенка для изменения характеристик *каждой* женщины, а не по сравнению с другими, как это делается в кросс-секционных моделях. Так, если значимость отрицательного влияния количества уже имеющихся детей в этих последних говорит о том, что в семьях с детьми рождение еще одного ребенка менее вероятно, чем в семьях, где нет детей, то в модели с фиксированными эффектами этот коэффициент говорит о том, что если у женщины *появился* ребенок, то это снижает вероятность появления у нее еще одного ребенка (как и в случае значимости образования, доходов и пр.).

Значимых детерминант в модели с фиксированными эффектами немного: вероятность родить ребенка падает для каждой конкретной женщины с ростом квадрата возраста. Увеличение количества детей за период исследования, т.е. рождение одного ребенка, уменьшает вероятность рождения еще одного. Вполне объяснимо также, что с появлением супруга вероятность обзавестись ребенком увеличивается. Положительный эффект сохраняет удовлетворенность материальным положением, квадратичный — изменение в потреблении алкоголя.

Становится значимым (чего не было в кросс-секционных моделях) влияние доходов женщины — с их ростом возрастает вероятность рождения ребенка. Увеличение количества взрослых в семье также способствует принятию решения о рождении ребенка. Правда, надо отметить, что модель с фиксированными эффектами для периода 1994—2000 гг. не показывала наличия отмеченных зависимостей, зато наблюдалось положительное влияние на рождаемость приобретения семьей жилья в собственность [Рощина, Бойков 2005].

Из региональных характеристик в динамике только увеличение количества абортотворения имеет отрицательное влияние. Мы предполагаем, что высокий уровень абортов среди женщин свидетельствует, возможно, о недостаточном уровне контрацепции (вследствие разных причин), т.е. более высоком уровне (в среднем) незапланированных беременностей. Вероятно также, что в условиях незапланированной беременности все же часть женщин принимает решение родить ребенка, что повышает рождаемость. Тем не менее снижение уровня абортов может говорить о росте контрацептивной грамотности, что приводит к снижению склонности к рождению ребенка. Проверить это, к сожалению, невозможно, так как нет региональных данных об использовании контрацептивов.

Конечно, именно панельные модели позволяют оценить очень важный факт — влияние (или его отсутствие) *изменения* тех или иных параметров на поведение семьи. Например, это важный аргумент в пользу выплат пособий, если ставить цель при их помощи поднять рождаемость. Ведь именно изменение ситуации (в том числе материального положения семьи) может больше повлиять на решение о рождении, чем относительные доходы, соизмеренные с другими семьями. Как показал Д. Дьюзенберри для сберегательного поведения, люди часто ориентируются в своих решениях не на какой-либо «средний» уровень доходов, а на уровень, характерный для той социальной группы, к которой они принадлежат. Изменение этой *относительной* позиции в большей степени влияет на сбережения, чем абсолютный уровень доходов. Если рассматривать рождение детей как своего рода инвестиции в семейный капитал, или блага дли-

тельного пользования, как это делал Г. Беккер, то можно попытаться применить логику рассуждений Д. Дьюзенберри к рождаемости. Тогда, возможно, незначимость соотношения доходов разных семей (как это получается в кросс-секционных моделях) связана именно с тем, что семьи ориентируются на *нормальный* для них уровень доходов.

Во всяком случае, этого можно было бы ожидать относительно второго и более детей, так как можно предположить, что на рождение первенца семья решается по множеству причин, далеко не всегда экономических. Не исключено, что немаловажным фактором детерминации рождаемости является материальная позиция семьи относительно той, которую она занимала в доперестроечное время, и поэтому количество детей в семьях бедных может значительно различаться в зависимости от того, сохранили ли они свой низкий статус с советских времен или приобрели его в течение периода реформ. Однако в основном это могло бы касаться тех людей, которые уже достигли определенных собственных позиций в социальной структуре, т.е. которым было в 1990 г. примерно 25 лет. Молодежь в это время еще училась, и ее ожидания, скорее всего, были еще недостаточно сформировавшимися. Как раз для этих когорт наиболее резкое падение реальных доходов (в первой половине 1990-х гг.) пришлось на возможное время рождения второго ребенка, что привело к тому, что это решение было отложено и реализовано лишь для тех, кто вернулся на позиции не ниже прежних. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении данные не позволяют проверить эту гипотезу. Динамика же за вторую половину 1990-х гг. отражает уже другую ситуацию.

Модели для женщин с разным количеством детей. Исследования российских демографов говорят о том, что сейчас особенно важным становится решение о рождении второго (и более) ребенка. Дело в том, что на макроуровне мы наблюдаем переход фактически к однодетной семье — это модель рождаемости, распространенная на Западе, а за 1990-е гг. ставшая типичной и для России. Так, среди замужних женщин на момент опроса 48,8% имели одного ребенка, 29% — двоих, только 5,7% — троих и более, а 16,5% были пока бездетны.

Двухдетная семья еще достаточно распространена, однако такое количество однодетных семей (почти половина), при сохранении этого статуса, приведет к суженному воспроизводству населения и дальнейшей депопуляции в России. Семейные пары без детей не так уж распространены, и 16% из них обзаводятся детьми на следующий год после опроса. Наиболее низка вероятность рождения в семьях с двумя детьми. Многодетные семьи, как свидетельствуют данные кросс-таблиц и рассчитанных выше моделей, имеют другой тип склонности к рождению детей — вероятно, у них выше ценностные ориентации на большую семью (ценность детей), однако, возможно, это также отражение более низких требований к качеству детей.

Нередко можно услышать предположения, что решение о первом ребенке принимается на основе иных соображений, чем решения о последующих детях. Так, при первой беременности реже решаются на ее прерывание (из-за риска бесплодия), первый ребенок представляет собой более высокий предельный вклад в семейный капитал и стабильность брака, в молодом возрасте это возможность меньших издержек в связи с перерывом в занятости, а в более старшем — стремление успеть родить ребенка, пока позволяет здоровье.

Предполагается, что на решение о рождении второго и последующих детей большее влияние могут оказывать экономические факторы — доходы, образование, условия жизни, занятость и т.д. С целью проверки этой гипотезы мы рассчитали две серии моделей: первую — для женщин, не имевших на момент опроса детей (по всей совокупности, а также отдельно для семейных и одиноких), вторую — для женщин, имевших на момент опроса хотя бы одного ребенка (по всей совокупности, а также для семейных, так как среди одиноких женщин с детьми фактов рождений слишком мало — см. табл. П4 Приложения).

Хотя различия между моделями есть, они не касаются самых «проблемно-незначимых» переменных — в первую очередь доходов, образования, занятости. В самом деле, в моделях для женщин, не имеющих детей, оказывается незначимым влияние переменной возраста, числа других взрослых в семье. Для подвыборки замужних женщин без детей из семейных характеристик важна только частота потребления алкоголя (U-образная зависимость). Для подвыборки незамужних, как и в модели для всей совокупности женщин, значимо влияние наличия опыта работы (позитивное) и доходов женщины (негативное). Эти результаты согласуются с теорией и свидетельствуют о вполне «экономически-рациональном» поведении одиноких (на момент опроса) женщин. Напомним, что мы не знаем их семейное положение ко времени рождения ребенка.

Для женщин, не имеющих детей, негативное влияние на решение о рождении оказывает уровень женской безработицы в регионе; вероятно, это отражение факта высоких издержек возвращения на рабочее место после рождения ребенка. Выше также вероятность рождения ребенка для сельских женщин без детей, хотя отдельно по подсовокупностям замужних и одиноких эта зависимость не подтверждается.

Что касается модели для женщин, имеющих не менее одного ребенка, она была рассчитана в двух вариантах: для всей совокупности, а также только для замужних женщин. Предполагалось, что в этих моделях значимыми будут такие экономические факторы, как доход, образование, занятость женщины и ее супруга. Влияние большинства характеристик сохранилось таким же, как и в «базовой» модели (безотносительно количества детей): это возраст, количество уже рожденных детей, потребление алкоголя (квадратичные зависимости), удовлетворенность материальным положением, наличие и занятость супруга, количество других взрослых (кроме замужних), поселенческий статус. Никакие переменные доходов мужа и жены не приобрели значимого влияния в данной модели, в противоположность ожиданиям. Можно отметить, пожалуй, только несколько интересных фактов. Значимость приобрели переменные «национальность», «самооценка здоровья» (позитивное влияние, что соответствует гипотезам) и «условия жизни» (негативное влияние, что противоречит теории). Из региональных параметров сохранил свое влияние только уровень аборт, как обратная аппроксимация уровня контрацепции.

При оценке моделей для периода 2000—2002 гг. оказалось, что увеличилось количество переменных, влияющих на рождение первенца у замужних женщин (положительное влияние наличия опыта работы, удовлетворенности материальным положением, возраста супруга и национальности, отрицательное — количества бытовых удобств). Кроме того, оказалось, что более вероятно рождение ребенка у верующих женщин,

и менее — у тех, кто обеспечен социальными гарантиями на работе в случае рождения ребенка.

У замужних женщин с детьми количество детей перестало быть значимым фактором (что подтверждает переход к одинаковой модели семьи), так же как и потребление алкоголя. В то же время не влияют на склонность к рождению количество бытовых удобств и ТДП, однако отрицательно сказывается наличие жилья в собственности. Интересным нужно признать факт, что вероятность рождения второго ребенка выше у женщин, чей муж имеет высшее образование, но, при прочих равных условиях, более низкие доходы. Это противоречит теоретическому положению о том, что в семьях с более высоким уровнем образования выше требования к качеству детей и, следовательно, ниже их количество. Однако отрицательная зависимость от доходов не означает преобладания эффекта замещения над эффектом дохода, т.е. возрастание ценности времени для обоих супругов и более низкую склонность к рождению второго ребенка. Положительное влияние религиозности на рождаемость ожидаемо. Что касается отрицательного влияния социальных гарантий на работе, этот факт труднообъясним. Напротив, только в этой модели оказалось значимым позитивное влияние на рождаемость обеспеченность местами в детских садах.

Таким образом, действительно, на решение о рождении первенца для замужних женщин оказывает влияние очень небольшое количество факторов, в то время как второй и последующие дети — в значительной степени результат воздействия целого ряда детерминант. Однако мы полагаем, что результаты оценок моделей достаточно красноречиво говорят о том, что это все же скорее влияние традиций и культурной составляющей (национальность, сельская местность, потребление алкоголя), чем экономической рациональности (доходы, занятость, образование). Не исключено, что переход на иную модель рождаемости — преимущественно однодетную — все же в значительной степени был связан не только с шоками экономических потрясений 1990-х гг., но и с перестройкой всей системы ценностей россиян (например, возрастание ценности индивидуализма, собственного досуга и потребления супругов в противовес определенному типу «коллективного альтруизма», когда семья посвящает себя детям). Однако в 2000-е гг. значимость экономических факторов для принятия решения о рождении второго ребенка возрастает, хотя повышение уровня доходов семьи (прежде всего мужа) ведет к сокращению рождаемости, а не ее росту, что не дает возможности прогнозировать рост рождаемости вслед за ростом доходов.

Модель возраста матери при рождении. Мы оценили модель зависимости возраста матери при рождении ребенка в году $T + 1$ от параметров семьи, супруга, самой женщины и места жительства. Конечно, для корректной оценки модели принятия решения о возрасте рождения детей нужно было бы иметь данные для момента принятия решения о *каждом* родившемся ребенке для всей совокупности женщин. Иными словами, если, например, первенец у женщины родился в 1987 г., нам нужно было бы иметь данные о ней и ее семье за 1986 г. В нашем случае мы получим оценки лишь для тех женщин, которые приняли решение о рождении ребенка в следующем году, поэтому мы не можем распространить их на всю совокупность женщин и увидеть изменение возрастных образцов рождаемости. Наши оценки показали, что возраст рождения первенца выше для

женщин с более высоким уровнем образования, а также имеющих опыт работы, что полностью соответствует предсказанию динамической модели фертильности. Остальные факторы для этой совокупности женщин не значимы.

Что касается возраста при рождении второго и более детей, то он, очевидно, положительно зависит от возраста предыдущего ребенка. Так же, как и для первенцев, позже решают родить второго ребенка женщины с более высоким уровнем образования и опытом работы, но с более низкими доходами. Это подтверждает теоретическое положение о влиянии издержек во время ухода за ребенком. В более молодом возрасте рожают второго ребенка замужние женщины, желавшие родить ребенка, а также женщины «восточных» национальностей. Напротив, высшее образование мужа и его национальность увеличивают возраст при рождении второго (и более) ребенка. Чем выше безработица среди женщин в регионе, а также обеспеченность местами в детских садах, тем в более позднем возрасте женщина принимает решение о рождении второго ребенка. Возможно, это скорее отражение факта реализации отложенных рождений женщинами старшего возраста, либо при отсутствии работы, либо при благоприятной социальной инфраструктуре. По сравнению с другими регионами, выше возраст рожаящих не первенца в Москве и Санкт-Петербурге, однако уровень урбанизации не значим.

Модель отказа от рождения ребенка (прерывания беременности). Как уже указывалось выше, в силу специфики технологии вопросов об абортах в данных РМЭЗ мы имели возможность оценить данную модель на двух совокупностях респонденток: для 5-й, 6-й, 9-й—11-й волн с зависимой переменной «имело ли место рождение ребенка (= 0) или прерывание беременности (= 1) в течение следующего года после опроса», и для 5 и 8 волн с зависимой переменной «имело ли место рождение ребенка (= 0) или прерывание беременности (= 1) в течение следующих двух лет после опроса».

Конечно, надо понимать, что такая совокупность женщин достаточно условна, точнее, она может быть очень разнородна по причинам, приведшим к беременности. Первая группа — это запланированная, или желательная, беременность, которая, надо полагать, в подавляющем большинстве случаев заканчивается родами. Собственно, здесь решение о прерывании беременности фактически не принимается. Вторая группа — это незапланированная, или случайная, беременность, и именно в этом случае принимается решение о рождении ребенка или отказе от рождения. В этом случае аборт выступает, по сути, как один из видов контрацепции.

Таким образом, для данной совокупности женщин имеет место достаточно высокая неоднородность решения о родах или аборте. Конечно, правильнее всего было бы в этом случае анализировать случаи только незапланированных беременностей, однако такой информации в вопросниках нет. В то же время, на наш взгляд, неправильно было бы анализировать зависимую переменную «имел ли место факт прерывания беременности в году $T + 1$ » для всей совокупности женщин, так как здесь имеет место двухступенчатый отбор: во-первых, ряд факторов влияют на вероятность забеременеть (в том числе такие разнородные, как желание иметь ребенка и неиспользование или неправильное использование контрацепции, не говоря уже о случайности) и, во-вторых, ряд, возможно, других факторов влияет на принятие решения о прерывании беременности, чаще всего в случае незапланированной.

Однако, учитывая отсутствие каких-либо исследований факторов, влияющих на решение о прерывании беременности, и тесную взаимосвязь принятия решений о рождении и отказе от родов, мы все же провели оценку данной модели. Расчеты проводились для обоих вариантов — для периода в один год и для двухлетнего периода после опроса. Оказалось, что различия в значимости переменных между двумя моделями несущественны, за исключением переменной «наличие супруга»: в модели для двухлетнего периода она не значима, в отличие от модели для одного года. Вероятнее всего, это связано с тем, что двухлетний период — слишком большой горизонт планирования для принятия решения о рождении, и за это время скорее может измениться семейный статус, чем за один год.

Мы ограничимся описанием модели для периода в один год, в варианте мультиномиальной логистической модели: вариант рождения ребенка в году $T + 1$ принят за базу, модель показывает влияние факторов на вероятность отсутствия беременности (т.е. не было ни родов, ни аборта) или на вероятность отказа от рождения по сравнению с этой базовой позицией.

Оценка коэффициентов модели «отсутствия беременности» по сравнению с родами подтвердила основные зависимости, обнаруженные ранее: влияние возраста и количества детей, потребления алкоголя, наличия супруга и его занятости, опыта работы, удовлетворенности материальным положением, проживания в сельской местности — соответственно знаки зависимости противоположны, так как здесь за базу принято рождение ребенка. Кроме того, оказалось, что чаще рожают все-таки те, у кого лучше здоровье.

Таблица 13. Доля родивших или прервавших беременность в году $T + 1$ в зависимости от количества детей в году T , все волны % по строке

В году T	В году $T + 1$		
	Доля беременностей	В том числе окончившихся родами	% абортс среди беременностей
Нет детей	10,0	7,8	22,3
1 ребенок	10,0	3,6	64,4
2 детей	7,5	1,2	83,5
3 детей	10,2	3,0	70,8
4 и более детей	10,4	5,2	50,0

Что касается вероятности прерывания беременности, по сравнению с родами, то она имеет квадратичную зависимость от количества детей (см. табл. 13 — если среди не имеющих детей прерывают беременность 22%, то среди имеющих одного ребенка — 64%, двух детей — 84% (!!!), трех — 71%, четырех и более — 50%) и частоты потребления алкоголя. Реже склонны прервать беременность, при прочих равных условиях, женщины замужние, удовлетворенные своим материальным положением, с высшим образованием, но с более низкой обеспеченностью ТДП, и жительницы Москвы, Петербурга и других областных центров по сравнению с другими городами и сельской местностью.

Среди женщин с высшим образованием выше уровень контрацепции (60% против 50% среди не имеющих высшего образования) и доля планируемых беременностей. Так, среди женщин с высшим образованием, не пользовавшихся никакими методами контрацепции, 75% забеременевших

родили ребенка, тогда как среди не имевших высшего образования — 50% (табл. 14).

Таблица 14. Доля родивших или прервавших беременность в году $T + 1$ в зависимости от уровня образования и контрацепции в году T , все волны % по строке

	Предохранялись ли от беременности в году T	В году $T+1$		
		Доля беременностей	В том числе окончившихся родами	% абортс среди беременностей
Без высшего образования	Нет	7,9	3,9	50,4
	Да	8,5	2,4	72,2
	Всего	8,2	3,1	61,9
С высшим образованием	Нет	7,1	5,3	25,0
	Да	5,4	1,8	67,4
	Всего	6,0	3,0	50,0

Интересно, что если среди женщин с высшим образованием доля беременностей среди не предохранявшихся выше, то среди женщин без высшего образования — наоборот. Это говорит скорее о культуре использования противозачаточных средств, так как по частоте их использования различия между двумя группами женщин невелики. Обе группы чаще всего используют ВМС, хотя чаще не имеющие высшего образования (34 и 38% соответственно), на втором месте — презерватив (чаще среди имеющих высшее образование — 26 и 22% соответственно), на третьем — таблетки (15 и 16%), календарный метод (11 и 9%), прерванный акт (7 и 8%), спринцевание водой (1 и 3%). Как можно заметить, по большинству методов различия незначимы, а там, где они есть — более надежны среди не имеющих высшего образования!

Ни занятость женщины, ни ее личные доходы, ни параметры супруга на принятие решения не влияют. На вероятность прерывания беременности не влияют также никакие региональные факторы, даже уровень абортс (хотя он влияет на рождаемость),

Модель репродуктивных намерений, или желание в будущем родить ребенка. Для анализа репродуктивных намерений мы рассмотрели дихотомическую переменную — хочет ли женщина в момент опроса еще иметь детей (probit-модель). Как мы отмечали выше, форма, в которой задается этот вопрос, вынуждает рассматривать его скорее как «потребность в детях», чем как потенциальное намерение. Таким образом, это оценка «фертильных ценностей» женщин, а не их будущего ожидаемого поведения. Мы будем интерпретировать полученные результаты исходя из этого. Мы полагаем также, что именно это различие обуславливает значительную часть различий в детерминантах этих моделей. Либо, что также возможно, в данном вопросе это восприятие женщинами желания родить «в ближайшем будущем» (если вспомнить, что треть бездетных женщин не высказали желания иметь детей). Однако, к сожалению, развести эти восприятия мы не можем из-за формулировки вопроса не как о планах, а как о желаниях.

Этот блок моделей строился нами аналогично расчетам для факта рождения ребенка: для всей совокупности наблюдений за все волны модель 1 — для всех женщин, модель 2 — только для замужних женщин, модель 3 — для одиноких женщин. Наилучшая модель включает квадратичную

зависимость от возраста женщины и количества детей. Кроме того, мы оценили отдельно модели для женщин, уже имеющих детей (для всех и только для замужних с детьми), а также модель с фиксированными эффектами для всей совокупности.

Сравним полученные результаты с оценками для моделей фактического рождения, хотя, как можно видеть из моделей для факта рождения, желание родить положительно влияет на вероятность появления ребенка только для женщин, уже имеющих детей. Можно было бы ожидать, что все женщины, не имеющие детей на момент опроса, выразили желание их иметь. Однако, как мы видели из анализа кросс-таблиц, 37% бездетных женщин не высказали желания иметь детей, что, на наш взгляд, отражает либо неоднозначное понимание вопроса женщинами (о чем мы уже говорили), либо достаточно радикальное изменение ценностей современных женщин, переориентировавшихся на карьеру или досуг вместо семьи и детей.

Влияние многих параметров на желание в будущем родить ребенка похоже на то, которое мы получили в модели для факта рождения ребенка. Так, положительное влияние отмечается для наличия супруга и его национальности, опыта работы, удовлетворенности материальным положением, квадратичное — для возраста (П-образное), наличия детей (U-образное).

Не влияют на принятие решения о рождении, но влияют на желание иметь детей — уровень образования женщины и ее мужа, их самооценка здоровья, наличие собственного жилья и обеспеченность семьи бытовыми удобствами, доходы других членов семьи, обеспеченность региона местами в детских садах, дамми-переменные по волнам. Некоторые переменные имеют на фертильные установки противоположное влияние, по сравнению с фактом рождения: количество других взрослых в семье, региональные характеристики (уровень аборт, уровень урбанизации), частота потребления алкоголя (П-образная зависимость вместо U-образной).

Итак, отметим прежде всего неизменную важность демографических параметров для фертильных установок и фертильного поведения. Для замужних женщин желание родить ребенка выше. Как и для факта рождения ребенка, желание иметь детей с возрастом сначала растет, а потом начинает снижаться. Влияние количества детей имеет U-образную форму — желание родить в будущем ребенка выше среди не имеющих детей и среди многодетных, чем среди имеющих 1—3 детей. Это показывает наличие в обществе двух моделей ценностей детей: основной — малодетной и редко встречающейся — многодетной.

Среди характеристик женщины, влияющих на желание иметь еще детей, но не влияющих на факт реального рождения, можно отметить уровень образования, при этом чаще хотели бы еще родить женщины с более высоким уровнем образования, чем с низким. Как мы видели выше, в теории предполагается, что влияние на фактическую рождаемость противоположно; наши же оценки показали отсутствие такого влияния для России. Однако среди женщин с высшим образованием доля имеющих трех и более детей составляет 2,3%, тогда как среди имеющих среднее специальное образование — 2,8%, а общее среднее — 5,1%. Различия были еще выше до 2000 г. Таким образом, мы полагаем, что этот факт отражает нереализующуюся потребность в детях у женщин с высоким уровнем образования: для них при тех же фертильных установках в реальности

более важным оказывается качество детей. А это в условиях недостаточного дохода ограничивает их количество. Кроме того, цена времени образованных женщин выше из-за более высоких заработков.

Вероятно, подобный факт «нереализованной потребности» имеет место и для горожанок: среди них желание родить выше при прочих равных условиях, но фактически чаще рожают жительницы сел и поселков (среди горожанок больше, чем среди сельских жительниц, тех, кто не имеет детей или имеет одного ребенка).

Трудно объяснить также факт противоположного, по сравнению с моделью реальных рождений, влияния потребления алкоголя: желающих иметь еще детей больше среди тех, кто потребляет алкоголь умеренно, и ниже — среди малопьющих и сильно пьющих. Что касается сильно пьющих, здесь, как нам представляется, интерпретация проще — эта категория, возможно, и не хочет иметь детей, но не предпринимает мер для контроля над рождаемостью. Если вспомнить, что чаще пьют замужние дамы, то, возможно, нежелание малопьющих иметь детей как раз отражает факт их одинокого положения.

Доходы женщины, как и в модели реальной рождаемости, никак не влияют на желание иметь (еще) детей. Мы полагаем, что объяснение здесь то же, что и в модели для фактического рождения. Занятость женщин, их должностной уровень и заработная плата, как реальная, так и контрактная (включавшиеся в промежуточные расчеты), никак не связаны с фертильными намерениями.

Среди параметров семьи обеспеченность бытовыми условиями и жильем оказывает положительное воздействие, что не удивительно.

Фертильные установки выше в регионах с более высокой наполненностью детских садов, а также там, где делается меньше абортот. Хотя, возможно, в последнем случае скорее наоборот, желание иметь детей может влиять на уровень абортот.

По сравнению с оценками модели о факте рождения ребенка, на желание женщины иметь детей сильно влияют характеристики мужа — для всей совокупности, и только для замужних женщин. Так, желание женщины родить ребенка обратно пропорционально возрасту мужа и прямо пропорционально уровню его образования. Чаще хотят ребенка замужние женщины, имеющие мужей «восточных» национальностей, с хорошим здоровьем. Представляется, что такие зависимости вполне логичны, как и в случае характеристик самой женщины. Более высокие доходы мужа имеют позитивное значение, но не для тех, кто уже имеет детей.

В моделях для замужних и для одиноких женщин имеются различия. Так, оказалось, что образование, занятость, количество других членов семьи не важны для незамужних, так же как региональные характеристики. Для одиноких не наблюдается квадратичной зависимости от количества детей, что понятно, так как среди них практически нет многодетных. В то же время для всех замужних женщин и для замужних с детьми положительно влияют доходы других взрослых членов семьи (что соответствует предположениям о позитивном влиянии нетрудовых доходов на склонность к рождению), но не влияет количество этих людей.

Во все последующие годы исследуемого периода желание родить ребенка было ниже, чем в 1994 г., о чем говорят дамми для волн обследования.

Если обратиться к моделям по волнам (не приводимых здесь в силу ограниченности объема статьи), то основные демографические зависимости (от возраста, наличия супруга, количества детей) стабильны. Влияние остальных переменных подвержено значительным колебаниям от волны к волне, но выделить какие-либо тенденции достаточно трудно.

Наконец, модель с фиксированными эффектами говорит о том, что желание женщины родить ребенка увеличивается, если она выходит замуж; меньше потребляет алкоголя; если возрастают доходы других взрослых членов семьи. Напротив, это желание уменьшается, если в семье становится больше других взрослых или если у женщины появляется ребенок. Сохраняется квадратичная зависимость от возраста. Не влияют на это желание изменения в большинстве характеристик мужа (кроме возраста), региональные параметры.

Мы полагаем, что результаты оценивания данной группы моделей свидетельствуют о том, что измеритель намерений о фертильности в базе данных РМЭЗ является очень несовершенным, в связи с чем результаты трудно интерпретируемы. Это касается формулировки вопроса, которая не позволяет разделить «желание» родить ребенка в будущем (безотносительно реальных планов) и «намерения» (или конкретные планы), а также временной горизонт этих желаний. Вероятно, в связи с разным пониманием вопроса респондентками в одной и той же модели оказались смешаны разнофакторные модели поведения.

Выводы: меры социальной политики в области рождаемости

Важнейшей демографической проблемой России периода реформ является депопуляция, т.е. абсолютное сокращение численности населения. Это, в свою очередь, вызывает несоответствие территории страны и численности населения, сокращение доли населения в трудоспособном возрасте, старение населения и проблему возрастания пенсионной нагрузки. Причин депопуляции в России две: резкое сокращение рождаемости и рост смертности. Фактически прирост численности населения может быть обеспечен только за счет миграции извне. Концепция демографического развития России, принятая в 2001 г., направлена на решение этих трех проблем. Одной из основных задач признается стимулирование рождаемости.

До настоящего времени основными мерами стимулирования рождаемости и социальной поддержки семей с детьми были следующие: частично оплачиваемый отпуск по беременности и родам, единовременные пособия при рождении ребенка, пособия на детей (в настоящее время — только для бедных семей), налоговые вычеты на детей из доходов родителей.

Постепенное развитие этих мер происходило начиная с 1920—1930-х гг. В советский период также существовал законодательный запрет на производство аборт, отмененный только в 1955 г. Однако, несмотря на постепенный рост пособий по беременности и родам и единовременных выплат, их уровень на сегодняшний день остается слишком низким, чтобы полагать, что он может каким-либо образом стимулировать рождаемость. Кроме того, как справедливо заявляют демографы, изменение такого рода мер может скорее стимулировать изменение возраста, в котором женщина решит родить детей, а не суммарное количество детей, рожденных одной

женщиной. Так что мы скорее можем говорить о социальной поддержке семей, чем о собственно стимулировании рождаемости.

Семейная политика в России наиболее близка к социально-демократическому типу [Вишневецкий, Андреев, Трейвиш 2003]. Однако, как показали исследования, страны с разными типами демографической политики могут не различаться по уровню рождаемости, и наоборот. Таким образом, нельзя сказать, что изменение типа семейной политики в России способно вызвать резкий рост рождаемости.

Принятая в России Концепция демографического развития ставит целью скорее возрастание ценностей детей, чем принятие очередных мер в области пособий и отпусков по уходу за ребенком. В сфере материального благосостояния упор делается на экономический рост страны, а не на помощь семьям с детьми. Ставится также задача укрепления института семьи в целом. Однако целый ряд исследователей считают, что принятая концепция не имеет достаточного обоснования и не подкреплена соответствующими мерами социальной политики. Другим полюсом являются предложения радикальных законодательных мер, привязывающих многие социальные права к количеству детей в семье (например, продолжительность ежегодного отпуска) и ставящие идеалом возрождение в России трехдетной семьи [Антонов 1980].

Наш анализ показал, что непосредственно материальное благосостояние семьи оказывает незначительное влияние на склонность семьи к рождению ребенка. Ряд косвенных свидетельств (квадратичный эффект количества детей, возраста) говорят о том, что эффект цены времени родителей скорее преобладает над эффектом дохода. Это означает, что вряд ли как рост пособий по рождению ребенка, так и рост доходов населения в целом приведут к существенному росту рождаемости. Культурные факторы и ценности, репродуктивные установки оказывают, видимо, даже более существенное влияние на склонность к рождению ребенка, чем экономические. Оценки моделей свидетельствуют о том, что в России существуют на настоящий момент две модели рождаемости — одна ориентирована на однопутную, реже — двухдетную семью, и эта модель является преобладающей (высока вероятность рождения ребенка у женщин, не имеющих детей). Модель многодетной семьи, также с более высокой вероятностью рождений, становится все менее распространенной.

Однако данные, говорящие о том, что склонность к рождению детей выше в многодетных семьях, а также у родителей с высоким потреблением алкоголя, заставляют осторожно относиться к задаче повышения рождаемости «любой ценой». На наш взгляд, обществу необходимо, чтобы дети рождались в благополучных семьях, тогда как многодетные семьи часто относятся к бедным слоям населения, не говоря уже о неблагополучии семей, склонных к чрезмерному употреблению алкоголя. Непродуманная же система материального стимулирования может привести к всплеску рождаемости именно в этих семьях, а не к появлению второго ребенка в благополучных семьях с нормальным уровнем дохода.

В этих условиях меры социальной политики должны быть направлены, скорее, на поддержку семей при рождении ребенка, на рост репродуктивного здоровья, на укрепление семьи, чем собственно на стимулирование рождаемости, особенно на основе материальных факторов. Среди необходимых мер — увеличение пособий по рождению ребенка до социально приемлемого уровня, адресная поддержка малообеспеченных семей,

в том числе льготы на оплату детских садов, помощь в трудоустройстве матерям малолетних детей, предоставление кредитов на покупку жилья молодым семьям, и др. Чрезвычайно важной является также задача улучшения ситуации в области контрацепции и уменьшение количества абортов, так как, даже по нашим оценкам, не менее половины беременностей оканчиваются ее прерыванием. Необходим также учет новой демографической ситуации в других направлениях социальной политики (миграция, пенсионная система и др.).

Мы полагаем, что микроэкономические исследования в области рождаемости должны быть продолжены, ибо настоящая работа представляет только начальный ее этап. Необходимы адекватные оценки моделей возраста при рождении ребенка (что, возможно, потребует специальных исследований), тайминга между рождениями, используемых методов контрацепции, а также проверка полученных зависимостей на более длинном временном интервале и других массивах данных.

Литература

Антонов А.И. Социология рождаемости. М., 1980.

Вишневецкий А.Г., Андреев Е.М., Трейвиш А.И. Перспективы развития России: роль демографического фактора / Науч. труды Ин-та экономики переходного периода. 2003. № 53. <http://www.iet.ru/papers/53/index.htm>

Рощина Я.М., Бойков А.В. Факторы фертильности в современной России // Российский консорциум экономических исследований и образования. Серия «Научные доклады». 2005. WP № 05/04. http://www.eerc.ru/details/download.aspx?file_id=7216

Aggararwal R., Netanyahu S., Romano C. Access to natural Resources and the Fertility Decision of Women: the Cases of South Africa // Environment and Development Economics. 2001. No. 6. P. 209—236.

Ahn N. Measuring the Value of Children by Sex and Age Using a Dynamic Programming Model. // Review of Economic Studies. 1995. No. 62. P. 361—379.

Becker G. An Economic Analysis of Fertility // The Economic Approach to Human Behavior. Chicago, L.: University of Chicago Press, 1976.

Cigno A. Economics of the Family. Oxford: Clarendon Press, 1991.

Easterlin R.A., Pollak R., Wacher M.L. Toward a More General Model of Fertility Determination: Endogenous Preferences and Natural Fertility // Population and Economics Change in Less Developed Countries / Ed. by R.A. Easterlin. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Grossman M., Joyce T.J. Unobservables, Pregnancy Resolutions, and Birth Weight Production Functions in New York City // Journal of Political Economy. 1990. Vol. 98. No. 5.

Heckman J.J., Walker J.R. The Relationship between Wages and Income and the Timing and Spacing of Births: Evidence from Swedish Longitudinal Data // Econometrica. 1990 (November). Vol. 58. No. 6.

Kooreman P., Wunderink S. The Economics of Household Behavior. Basingstoke: Macmillan Press, 1997.

Montgomery M., Trussel J. Models of Marital Status and Childbearing // Handbook of Labor Economics / Ed. by O. Ashenfelter, R. Layard. Vol. 1. Chap. 3. Amsterdam, N.Y.: Elsevier Science Publishers, 1986.

Otani K. The Cigno Model and Cumulative Fertility in Canada and Japan: the Effects of Wife's Education and Work Experience // *Kansai University Review of Economics and Business*. 1996 (March). Vol. 24. No. 1—2. P. 1—26.

Schultz T.P. *The Economics of Population*. Reading, MA: Addison-Wesley, 1981.

Schultz Th.W. (ed.). *Economics of the Family. Marriage, Children, and Human Capital*. Chicago: University of Chicago Press, 1974.

Wong R., Levine R.E. The Effect of Household Structure on Women's Economic Activity and Fertility: Evidence from Recent Mothers in Urban Mexico // *Economic Development and Cultural Change*. 1992 (October). Vol. 41. No. 1. P. 89—102.

Приложение

Таблица П1. Уровни рождаемости по возрастам (данные Росстата и РМЭЗ, вся панель, 21566 наблюдений)

Возрастные группы женщин	5-й раунд (1994)	6-й раунд (1995)	7-й раунд (1996)	8-й раунд (1998)	9-й раунд (2000)	10-й раунд (2001)	11-й раунд (2002)	12-й раунд (2003)	Всего
15—19 (РМЭЗ)	3,24	3,80	4,44	3,76	1,83	1,57	2,75	3,28	3,24
15—19 (Росстат)	4,99	4,56	3,97	3,4	2,81	2,81	2,84	2,76	
20—24 (РМЭЗ)	14,25	12,37	11,19	9,74	7,82	10,22	9,40	9,62	11,40
20—24 (Росстат)	12,03	11,35	10,64	9,9	9,53	9,54	9,88	9,51	
25—29 (РМЭЗ)	6,82	6,06	7,07	7,36	7,39	6,92	9,18	7,12	8,21
25—29 (Росстат)	6,72	6,72	6,65	6,8	6,87	7,15	7,65	7,83	
30—34 (РМЭЗ)	2,77	3,27	1,91	2,65	4,30	3,26	4,24	2,78	3,64
30—34 (Росстат)	2,96	2,97	3,03	3,34	3,6	3,92	4,32	4,41	
35—39 (РМЭЗ)	1,63	1,66	1,33	1,58	1,57	0,72	1,71	1,45	1,63
35—39 (Росстат)	1,06	1,07	1,08	1,15	1,2	1,31	1,49	1,6	
40—44 (РМЭЗ)	0,00	0,24	0,46	0,44	0,39	0,38	0,38	0,41	0,40
40—44 (Росстат)	0,23	0,22	0,23	0,23	0,24	0,24	0,26	0,27	
Всего (РМЭЗ)	4,62	4,35	4,31	4,22	7,75	4,04	4,76	4,38	4,80
Численность женщин 15—44 лет (РМЭЗ)	2573	2413	2412	2491	2646	2949	3025	3057	21566

Таблица П2. Выборочная совокупность женщин 16—39 лет, способных иметь детей

	5-й раунд	6-й раунд	7-й раунд	8-й раунд	9-й раунд	10-й раунд	11-й раунд	12-й раунд	Всего
Родили в году	1995	1996	1997	1999	2000	2001	2002	2003	
Всего женщин	1994	1768	1767	1874	1966	2265	2342	2371	16347
Численность женщин, для которых есть информация о периоде T+1	1646	1500	1479	1596	1752	2003	1809	—	11785
% пропущенных данных	17,5	15,2	16,3	14,8	10,9	11,6	22,8	—	
Численность рожденных детей в году раунд +1	83	67	70	76	87	102	55	—	540
% женщин, родивших в году раунд +1	5,0	4,5	4,7	4,8	5,0	5,1	3,0	—	4,6

Во всех моделях: * значимый коэффициент при 5% уровне; ** значимый коэффициент при 1%-м уровне.

Таблица ПЗ. Модель (seemingly unrelated probit) для зависимой переменной «родился ли ребенок в году $T + 1$ », для всех раундов

	Модель 1	Модель (2)	Модель (3)	Модель (4)
	dF/dx Для всех	dF/dx Для замужних	dF/dx Для одиноких	Odd ratio (знак) С фиксированным эффектом
параметры женщины				
возраст/10	0,0416*	0,0354	0,0233*	39,828
возраст /10 **2	-0,0087*	-0,0088	-0,0044	0,144 **(-)
число детей	-0,0196**	-0,0291**	-0,0048*	0,000 **(-)
число детей**2	0,0027**	0,0041**	0,0003*	1,959**
высшее образование	0,0018	0,0049	-0,0015	1,260
среднее специальное образование	0,0014	0,0024	-0,0003	1,444
наличие опыта работы	0,0042**	0,0025	0,0026*	1,742
логарифм реальных доходов	0,0000	0,0004	-0,0003*	1,074*
есть ли работа	-0,0005	-0,0001	-0,0005	0,815
национальность	0,0024	0,0048	0,0004	
самооценка здоровья	0,0007	0,0008	0,0004	0,919
частота потребления алкоголя в месяц	-0,0011**	-0,0022**	0,0001	0,861 *(-)
частота потребления алкоголя в месяц **2	0,0000**	0,0001**	0,0000	1,009*
удовлетворенность материальным положением	0,0029**	0,0052**	0,0002	1,526**
желание еще родить ребенка	0,0060	0,0022	0,0067*	1,339
есть ли супруг (партнер)	0,0143**			2,221
параметры супруга				
возраст/10	-0,0028*	-0,0020		0,942
высшее образование	0,0034	0,0047		1,011
среднее специальное образование	-0,0005	-0,0006		1,116
наличие работы	0,0021*	0,0027*		1,512
логарифм доходов (нет мужа = 0)	0,0000	0,0001		1,047
национальность	0,0103*	0,0117		0,458
уровень здоровья	0,0019	0,0014		1,143
параметры семьи				
собственное жилье	-0,0005	-0,0016	0,0001	0,957
количество бытовых удобств	-0,0002	-0,0007	0,0001	0,900
количество ТДП	-0,0006	-0,0010	0,0003	1,051
сколько других взрослых в семье	0,0004*	0,0002	0,0003*	1,284*
логарифм доходов остальных членов семьи	-0,0001	0,0000	0,0000	1,013
региональные и поселенческие параметры				
уровень безработицы среди женщин	-0,0002	0,0001	-0,0005**	0,946
количество аборт в 1000 женщин	0,0001**	0,0001*	0,0001*	0,965 *(-)
коэффициент брачности	-0,0003	-0,0003	-0,0002	1,059

	Модель 1	Модель (2)	Модель (3)	Модель (4)
	dF/dx	dF/dx	dF/dx	Odd ratio (знак)
	Для всех	Для замужних	Для одиноких	С фиксированным эффектом
логарифм душевых доходов по региону	-0,0014	-0,0002	-0,0016*	0,707
численность детей на 100 мест в детских садах	0,0001	0,0001	0,0001	0,996
малый город (база — областной центр)	0,0017*	0,0032*	0,0002	
поселок, село	0,0037**	0,0052**	0,0021*	
Северо-Запад (база — Москва, Санкт-Петербург)	0,0031	0,0064	0,0007	
Урал	-0,0022	-0,0015	-0,0019	
Центральный, Центрально-Черноземный	-0,0047*	-0,0041	-0,0029*	
Волга, Волго-Вятский	0,0010	0,0057	-0,0018	
Северный Кавказ	-0,0041*	-0,0053	-0,0020	
Западная Сибирь	0,0001	0,0004	0,0002	
Восточная Сибирь, Дальний Восток	-0,0033*	-0,0049	-0,0009	
раунд 6 (база — раунд 5)	-0,0001	-0,0020	0,0020*	5,310**
раунд 7	0,0000	-0,0013	0,0012	21,243**
раунд 8	0,0005	-0,0004	0,0016	288,596*
раунд 9	0,0007	-0,0007	0,0020	1423,747*
раунд 10	0,0014	0,0006	0,0009	3588,306*
раунд 11	0,0393	0,0161	0,1123	217,939
observations	10626	6734	3892	1640
wald chi2 (LR chi2 для FE)	3252,6	2272,66	745,56	619,74
prob chi2	0	0.0000	0.0000	0,0000
pseudo r2 (для SIMPLE модели)	0,1750	0,2129	0,1087	0,5736

Таблица П4. Модель (seemingly unrelated probit) для зависимой переменной «родился ли ребенок в году $T + 1$ » для совокупности женщин, имевших детей в году T

	Модель(1) dF/dx	Модель (2) dF/dx
	Для всех	Для замужних
параметры женщины		
возраст/10	0,0261*	0,0382*
возраст /10 **2	-0,0051*	-0,0076*
число детей	-0,0095*	-0,0131*
число детей**2	0,0013**	0,0018*
высшее образование	0,0006	0,0020
среднее специальное образование	0,0009	0,0013
наличие опыта работы	0,0017	0,0023
логарифм реальных доходов	0,0002	0,0002
есть ли работа?	-0,0009	-0,0009
национальность	0,0031*	0,0034*
самооценка здоровья	0,0004*	0,0009
частота потребления алкоголя в месяц	-0,0006**	-0,0010**
частота потребления алкоголя в месяц **2	0,0000**	0,00003**
удовлетворенность материальным положением	0,0027**	0,0038**
желание еще родить ребенка	0,0024	0,0012
есть ли супруг (партнер)	0,0033**	
параметры супруга		
возраст/10	-0,0016*	-0,0018*
высшее образование	0,0024	0,0031
среднее специальное образование	0,0000	0,0001
наличие работы	0,0016*	0,0020**
логарифм доходов (нет мужа = 0)	0,0001	0,0001
национальность	0,0035	0,0055
уровень здоровья	0,0005	0,0004
параметры семьи		
собственное жилье	-0,0011	-0,0011
количество бытовых удобств	-0,0004*	-0,0005*
количество ТДП	-0,0006*	-0,0010*
сколько других взрослых в семье	0,0003*	0,0003
логарифм доходов остальных членов семьи	0,0000	0,0000
региональные и поселенческие параметры		
уровень безработицы среди женщин	0,0002	0,0002
количество абортс на 1000 женщин	0,0001*	0,0001*
коэффициент брачности	0,0000	0,0000
логарифм душевых доходов по региону	-0,0007	-0,0005
численность детей на 100 мест в детских садах	0,0001	0,0001
малый город (база — областной центр)	0,0015*	0,0023*
поселок, село	0,0026**	0,0041**
Северо-Запад (база — Москва, Санкт-Петербург)	-0,0005	0,0002
Урал	-0,0017	-0,0016
Центральный, Центр-Черноземный	-0,0033*	-0,0044
Волга, Волго-Вятский	-0,0010	-0,0002
Северный Кавказ	-0,0030*	-0,0042
Западная Сибирь	-0,0021	-0,0025
Восточная Сибирь, Дальний Восток	-0,0025*	-0,0036

	Модель(1) dF/dx	Модель (2) dF/dx
	Для всех	Для замужних
раунд 6 (база — раунд 5)	0,0008	0,0006
раунд 7	0,0008	0,0009
раунд 8	0,0003	0,0008
раунд 9	0,0009	0,0015
раунд 10	0,0019*	0,0030
раунд 11	-0,0007	0,0012
observations	6765	5685
wald chi2	1545,72	1348,16
prob chi2	0,0000	0.0000
pseudo r2		0,1415

Рождаемость и семейная политика в Норвегии: размышления о тенденциях и возможных связях²

1. Рождаемость — вопрос премьер-министров?

Традиционное новогоднее поздравление бывшего премьер-министра Норвегии Йенса Стольтенберга в 2001 г., возможно, удивило некоторых телезрителей. Вместо того чтобы как обычно начать свою речь со слов о развитии экономики, он поздравил норвежских родителей и особенно матерей с тем, что за прошедший год у них родилось так много детей. Он подчеркнул, что ни в одной другой западной стране женщины не рожают столько детей. При этом норвежские женщины получают образование, выходят на рынок труда также гораздо чаще, чем в большинстве других стран. По мнению г-на Стольтенберга, этот высокий уровень рождаемости свидетельствует об оптимизме граждан в отношении будущего, а также о «качестве» норвежского общества. Премьер-министр не пояснил, что понимается под «качеством», однако упомянул, что норвежским женщинам весьма успешно удастся сочетать воспитание детей и оплачиваемый труд, — вероятно, под «качественным» имея в виду общество, помогающее реализовывать две эти стратегии.

В данной работе анализируется возможная связь между рождаемостью и семейной политикой в Норвегии. Начнем со сравнительного анализа норвежских тенденций в сфере рождаемости: прежде всего относительно других скандинавских стран, однако будут упомянуты и две страны с низким уровнем рождаемости из европейского и азиатского регионов — Испания и Япония. Затем мы попытаемся объяснить сложившиеся норвежские тенденции в сфере рождаемости и для этого обратимся к анализу отдельных компонентов рождаемости. Наконец, вкратце будет обрисована семейная политика в Норвегии и более подробно освещена проблема возможного влияния семейной политики.

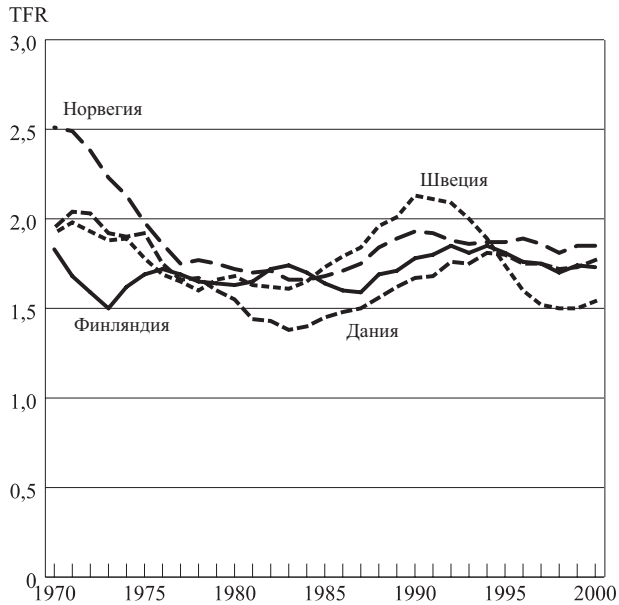
2. Противоположные тенденции в сфере рождаемости

Как и многие другие страны, после Второй мировой войны Норвегия пережила «бэби-бум». Однако этот всплеск продолжался здесь дольше, чем в большинстве других стран, и в начале 1970-х гг. коэффициент суммарной рождаемости в Норвегии по-прежнему составлял 2,5. В других же

¹ Division for Social and Demographic Research, Statistics Norway, P.O. Box 8131 Dep, N-0033. Oslo, Norway. Tel: +4721094475. Fax: +4721090040. E-mail: Marit.Ronsen@ssb.no

² *Источник: Rø nsen M. Fertility and Family Policy in Norway — A Reflection on Trends and Possible connections // Demographic Research. Vol. 10. Article 10. Пер. с англ. М.С. Добряковой. <http://www.demographic-research.org/volumes/vol10/10/> [свободный доступ к ресурсу]. © 2004 Max-Planck-Gesellschaft. Перевод публикуется при любезном согласии правообладателя. Мы благодарим С.В. Захарова за комментарии к переводу.*

Коэффициент суммарной рождаемости в скандинавских странах, 1970—2000 гг., рождений на одну женщину в течение жизни

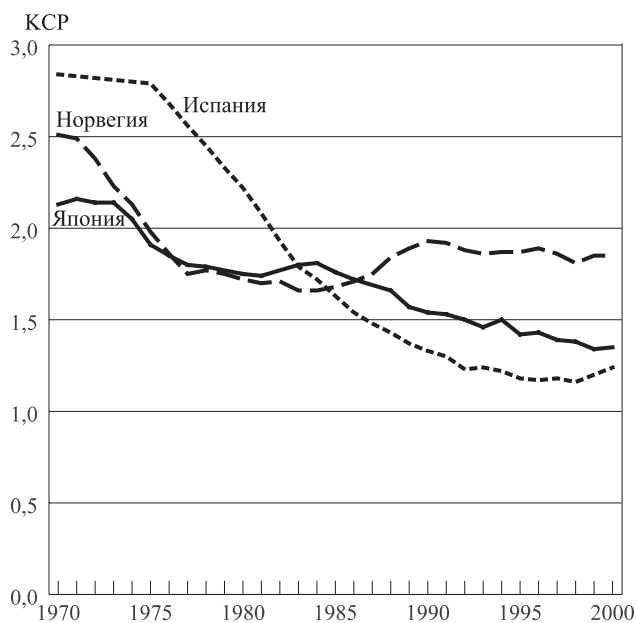
Источник: Recent demographic developments in Europe 2001, Council of Europe.

скандинавских странах (за исключением Исландии) он уже упал до менее 2 детей на одну женщину (рис. 1).

Почти на всем протяжении 1970-х гг. уровень рождаемости снижался во всех скандинавских странах за исключением Финляндии, где наблюдался некоторый рост в середине 1970-х гг. В начале 1980-х коэффициент рождаемости в Норвегии и Швеции стабилизировался на уровне 1,6—1,7, упав в 1983 г. до беспрецедентно низких для этих стран показателей — 1,66 и 1,61 соответственно. В Дании спад рождаемости продолжился и в начале 1980-х гг., зарегистрировав самый низкий в ее истории коэффициент — около 1,4 — также в 1983 г. В отличие от других скандинавских стран, в Финляндии наблюдался краткий период роста рождаемости в начале 1980-х гг., за которым последовал временный спад в 1986—1987 гг. (около 1,6 в расчете на одну женщину).

Начавшийся примерно с середины 1980-х гг. рост рождаемости во всех скандинавских странах привлек внимание исследователей и политиков и из других регионов. Причина — конечно же, в том, что данная модель резко противоречит опыту большинства других европейских стран, где рождаемость продолжала падать до беспрецедентно низких уровней. Этот спад был особенно заметен в странах Южной и Восточной Европы. В качестве примера сопоставим Норвегию и Испанию (см. рис. 2). Как и в Норвегии, в Испании в 1970-е гг. уровень рождаемости падал, правда, поначалу менее стремительно. Однако, в отличие от Норвегии, спад здесь не прекратился к началу 1980-х, а продолжился вплоть до 1990-х гг.: в 1995 г. коэффициент рождаемости составил 1,2 ребенка на одну женщину. Столь недопустимо низкий (по мнению большинства аналитиков) уровень рождаемости наблюдался не только в Испании, но и в ряде других европейских стран: Италии, Болгарии, Чешской республике, Словении, странах бывшего СССР (Грузии, Украине, Российской Федерации, Эстонии

Коэффициент суммарной рождаемости: Норвегия, Испания, Япония, 1970—2000 гг., рождений на одну женщину в течение жизни

Источник: Recent fertility rate. Norway, Spain and Japan. 1970—2000.

и Латвии). Похожая тенденция имела место и в Японии (также см. рис. 2). Как и в других странах, коэффициент рождаемости в Японии более или менее равномерно падал с начала 1970-х гг. — от более 2 до менее 1,4 (в 2000 г. он зарегистрирован на отметке 1,35). Таким образом, нынешний низкий уровень рождаемости в Японии не слишком отличается от ситуации в европейских странах.

На этом фоне интересен вопрос о том, почему же скандинавская модель оказалась иной и что мы можем почерпнуть из анализа этих различий. К сожалению, на данный вопрос нет простого ответа, но в качестве одного из вариантов часто указывают на относительно щедрую семейную политику в Скандинавии, включающую продолжительный оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком, а также развитую (хотя и до сих пор не вполне достаточно) сеть субсидируемых государством дошкольных учреждений. Данные меры определенно снижают издержки, связанные с рождением ребенка, и, следовательно, могут поощрять женщин к рождению детей. Поэтому неудивительно, что гипотеза о положительном воздействии государственной политики на рождаемость вновь вызвала интерес. Чуть ниже мы вернемся к этому вопросу, однако прежде давайте рассмотрим последние тенденции в сфере рождаемости на примере страны с высоким уровнем рождаемости — мы будем говорить о Норвегии.

3. За рамками норвежских тенденций

3.1. Отложенное деторождение

Поколения женщин, родившиеся после Второй мировой войны, попали в структуру возможностей, во многих отношениях отличающуюся от той, что была доступна предыдущим поколениям. Развитие контрацепции, упростившиеся возможности аборт позволили женщинам более свободно выбирать,

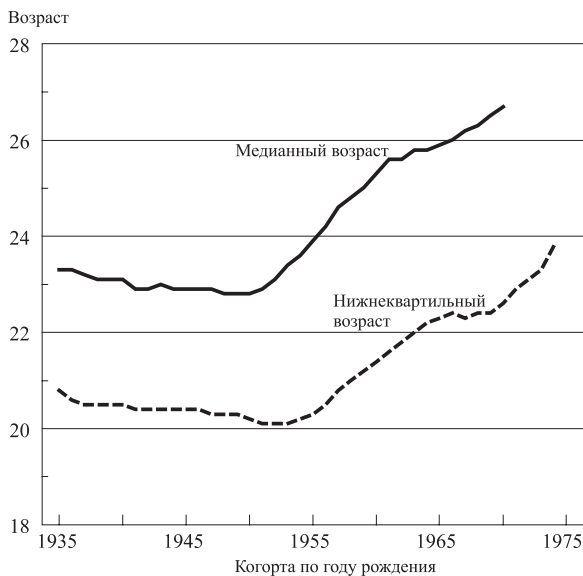
когда рожать ребенка и сколько детей иметь. В то же время повышение уровня образования и расширенный выход на рынок труда значительно увеличили экономическую независимость женщин. Наряду с этим возрастало гендерное равенство, получали распространение новые формы организации семьи, особенно совместное проживание без регистрации брака.

Все эти факторы влекли за собой задержку деторождения, которую мы наблюдали в Норвегии в прошедшие десятилетия. Среди всех женщин, родившихся после 1935 г., родившиеся около 1950 г. своего первого ребенка произвели на свет в самом молодом возрасте (рис. 3). Половина из них стали матерями в 22,8 лет, при этом медианный возраст женщины, родившей первого ребенка, среди более младших возрастных когорт постепенно увеличивался и для женщин, родившихся в 1970 г., составил 26,7 лет. Нижний квартиль возрастного распределения первородящих (возраст, к которому 25% женщин становятся матерями) также увеличился: с 20,2 лет для женщин, родившихся в 1950 г., до 22,6 лет для женщин, родившихся в 1970 г. Свежие данные показывают, что тенденция к отложенному деторождению сохраняется: нижний квартиль для когорты 1974 г.р. составил 23,8 лет.

Откладывание рождения первого ребенка более распространено в определенных группах, и важным водоразделом здесь выступает уровень образования. Даже если откладывание материнства наблюдается во всех образовательных группах (см. рис. 4), лидируют по этому показателю все-таки наиболее образованные женщины: среди них данная тенденция прослеживается уже с когорты 1945 г.р. В наименее образованной группе постарение материнства не наблюдалось гораздо дольше — вплоть до когорт, родившихся в середине 1950-х гг. Образовательные различия между поколениями проявляются в возрасте, когда у женщины появляется первый ребенок. Среди женщин 1950 г.р. медианный возраст рождения первого ребенка составил 20,6 лет в наименее

Рис. 3

Медианный и нижнеквартильный возраст рождения первого ребенка: норвежские женщины, родившиеся в 1935—1974 гг.

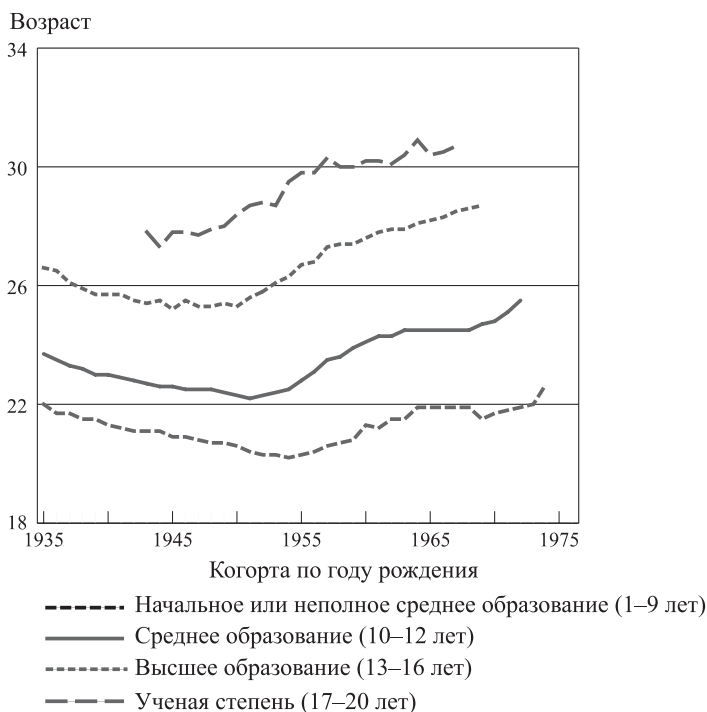
Источник: Population Statistics System, Statistics Norway.

образованной группе и 28,4 года в наиболее образованной группе; а уже в когорте 1967 г.р. — соответственно 21,9 и 30,7 лет. Так, разница между наиболее и наименее образованными группами увеличилась на целый год — от 7,8 лет для когорты 1950 г.р. до 8,8 лет для когорты 1967 года рождения.

Повышение образовательного уровня в послевоенных поколениях явным образом повлияло на увеличение возраста матери при рождении первого ребенка³. Примерно за одно поколение (от когорт, родившихся в середине 1930-х гг., до когорт, родившихся в середине 1960-х гг.) доля лиц, имеющих только начальное или начальное среднее образование, сократилась с более чем 40% до менее 10%, при этом пропорционально увеличилась доля лиц с высшим образованием (см. табл. 1). Более всего выросла численность групп с неоконченным и полным высшим образованием, однако доля женщин с полным высшим образованием (более четырех лет обучения в вузе) по-прежнему невелика — всего лишь 5% женщин, родившихся в 1965 г.

Рис. 4

Медианный возраст первого рождения, по уровню образования. Норвежские женщины, родившиеся в 1935–1974 гг.

Источник: Population Statistics System and Educational Statistics Systems, Statistics Norway.

³ Однако причинно-следственная связь между образованием и началом деторождения не так очевидна, как можно предположить на основе имеющихся статистических данных о завершеном образовании. Например, менее образованные женщины могли родить первого ребенка рано, потому что они рано завершили свое образование, однако раннее начало деторождения в этой группе могло также оказаться препятствием для продолжения образования. Так что связь работает в двух направлениях. Чтобы по-настоящему разобраться в этом вопросе, необходимо смоделировать динамику рождаемости при помощи многофакторного анализа, включив в него полные жизненные истории рождаемости и образования (а их весьма сложно получить). Подробное обсуждение этого и сопряженных вопросов см. в работе: [Kravdal 2004].

Таблица 1. **Наивысший уровень полученного образования среди женщин, родившихся в 1935—1965 гг.**

Когорта по году рождения	Доля (%) закончивших образование на уровне:			
	Начальное или неоконченное среднее (1—9 лет)	Законченное среднее (10—12 лет)	Университет, неоконченное высшее (13—16 лет)	Университет, полное высшее (17—20 лет)
1935	44,1	43,6	11,1	1,2
1940	34,2	48,4	15,7	1,7
1945	25,2	53,3	19,2	2,3
1950	19,7	54,4	23,0	2,9
1955	14,7	55,2	26,9	3,2
1960	10,2	58,7	27,1	4,0
1965	7,5	59,3	28,2	5,0

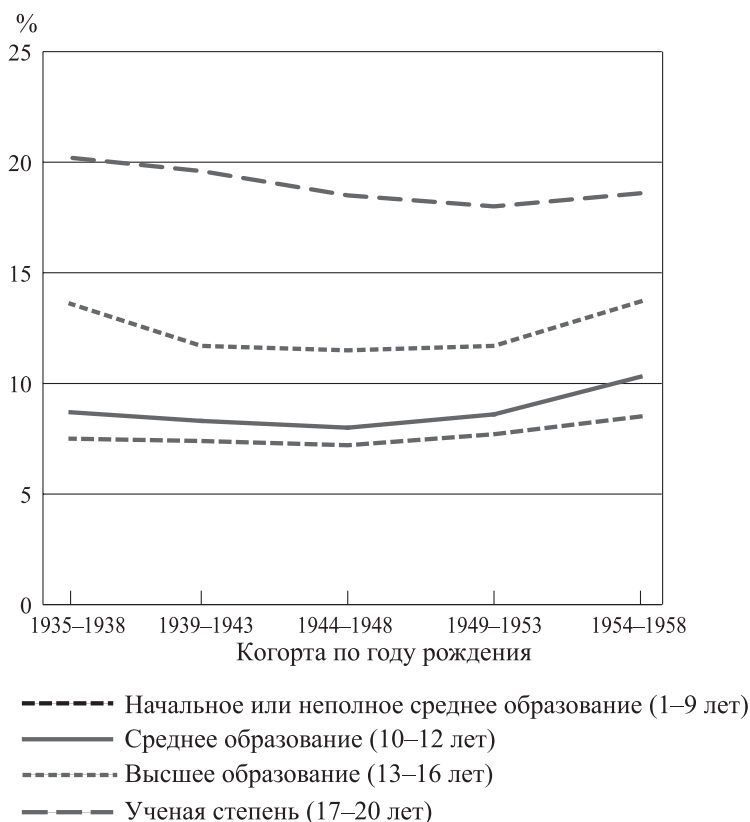
Источник: Educational Statistics System, Statistics Norway.

3.2. Все больше бездетных?

Когда женщины все дальше откладывают рождение ребенка, возникает закономерный вопрос: а не ведет ли это к увеличению числа бездетных женщин? Рассмотрим ситуацию с когортами норвежских женщин. Тенденцию откладывать рождение ребенка начали женщины, родившиеся в начале 1950-х гг., из них остались бездетными порядка 10%, что очень мало по международным меркам. Относительно более молодых когорт, все еще находящихся в детородном возрасте, еще слишком рано делать окончательные выводы. Тем не менее доля женщин, в 40 лет не имеющих ребенка, увеличилась с 9,8% в когорте 1950 г.р. до 12,6% в когорте 1960 г.р. (см. табл. 2), в то время как для 35-летних эта доля составила 11,6% в когорте 1950 г.р. и 16,5% в когорте 1963 г.р. [Larpegård 2000]. Даже если более молодые когорты отчасти заполнят разрыв в рождаемости по сравнению с более старшими когортами, маловероятно, что доля бездетных среди них останется на уровне 10%, как в случае последних. Пока что имеющиеся данные указывают на некоторый рост числа бездетных женщин.

Доля бездетных женщин заметно увеличивается с повышением уровня образования (см. рис. 5). Среди женщин 1954—1958 г.р. не имели ребенка в 40-летнем возрасте 19% женщин из наиболее образованной группы и 9% — из наименее образованной. Любопытно, однако, проследить противоречивые тенденции в разных когортах. Единственной группой, в которой доля бездетных в когортах второй половины 1950-х гг. не увеличилась до уровня когорт 1930-х г.р., является наиболее образованная группа; в других образовательных группах наблюдается увеличение бездетности. Таким образом, можно говорить о сближении трендов бездетности среди разных образовательных групп в более молодых когортах. Это может объясняться и более вескими причинами, однако часто дается следующая интерпретация: внедряемая с конца 1980-х гг. семейная политика все более помогала женщинам, не намеренным покидать рынок труда, сочетать воспитание детей и оплачиваемую занятость. Кроме того, женщины с университетским дипломом высшей ступени составляют лишь крайне

Процент бездетных по уровню образования. Норвежские женщины, родившиеся в 1935—1958 гг.

Источник: Population Statistics System and educational Statistics Systems, Statistics Norway.

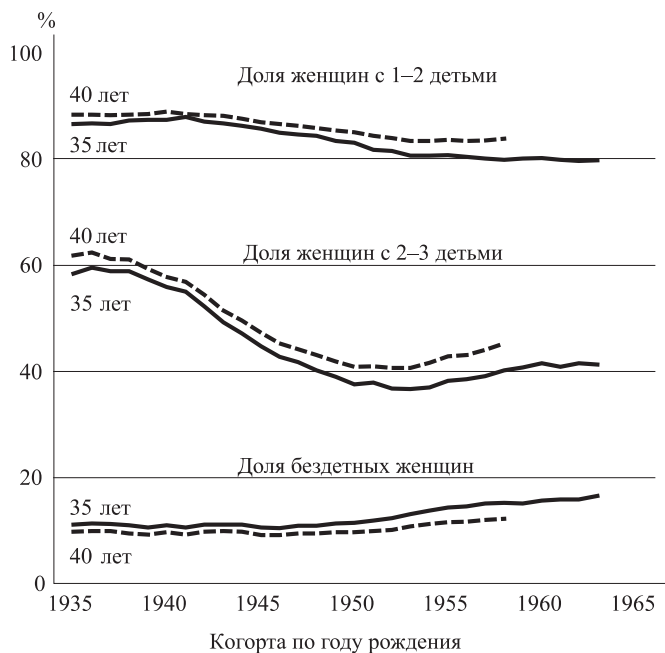
незначительную долю в старших возрастных когортах, но по мере увеличения численности женщин с высшим образованием эта доля также возрастает. Поэтому и осуществляемый ими выбор — рожать или не рожать ребенка — мог стать более похожим на такой же выбор в других группах женщин.

3.3. Рост вариаций в числе детей

Для норвежских матерей с одним ребенком по-прежнему очень характерно рожать еще одного ребенка (так поступают примерно 80%, см. рис. 6). Эта доля оставалась довольно стабильной среди всех когорт начиная с 1950-х г.р., а в когортах, родившихся перед войной и сразу после нее, была еще выше — 90%. Доля матерей с двумя детьми, решающихся родить еще одного ребенка, сократилась более резко: с примерно 60% в довоенных когортах до порядка 40% в когортах, родившихся в начале 1950-х гг. В более молодых когортах наблюдается тенденция к увеличению доли матерей с двумя детьми, рожающих третьего ребенка. Например, для 35-летних эта доля составила 37% для матерей 1953 г.р., по сравнению с 41% для матерей, родившихся на 10 лет позднее — в 1963 г.

Среди когорт, родившихся до войны, почти половина женщин имела по меньшей мере троих детей к 40 годам (табл. 2). Эта доля резко сокра-

Доля бездетных и доля родивших второго и третьего ребенка к возрасту 35 и 40 лет среди родивших на одного ребенка меньше. Норвежские женщины, родившиеся в 1935–1963 г.

Источник: Population Statistics System, Statistics Norway.

тилась для послевоенных когорт, а для женщин, родившихся после 1950 г., стабилизировалась примерно на уровне 30%. Сокращение доли женщин с двумя детьми, увеличение доли однопородных и бездетных — все это указывает на рост вариаций в числе детей в более молодых когортах.

Таблица 2. Число детей в семье и среднее число детей у 40-летних женщин, когорты 1935–1960 г.р.

Когорта по году рождения	Число детей в семье, %					Среднее число детей
	0	1	2	3	4+	
1935	9,7	10,4	30,4	27,5	21,9	2,41
1940	9,6	10,1	33,9	29,1	17,3	2,34
1945	9,3	11,8	41,5	26,3	11,0	2,18
1950	9,8	13,4	45,5	23,4	8,0	2,06
1955	11,7	14,6	42,1	23,9	7,7	2,02
1960	12,6	14,1	39,2	22,5	8,6	2,03

Источник: Population Statistics System, Statistics Norway.

Среднее число детей у 40-летних женщин резко сократилось в когортах, родившихся до 1950 г.: с 2,41 в когорте 1935 г.р. до 2,06 в когорте 1950 г.р., и стабилизировалось на уровне 2,02–2,03 в более молодых когортах. По прогнозам, построенным на последних данных, все когорты,

родившиеся до 1960 г., достигнут уровня рождаемости по крайней мере в 2,05 ребенка на одну женщину [Sørli 2000]. Поэтому, несмотря на устойчивую тенденцию отложенного деторождения, более молодые когорты норвежских женщин не отстают по рождаемости от когорт, родившихся на 5—10 лет раньше.

3.4. Сокращение образовательных различий

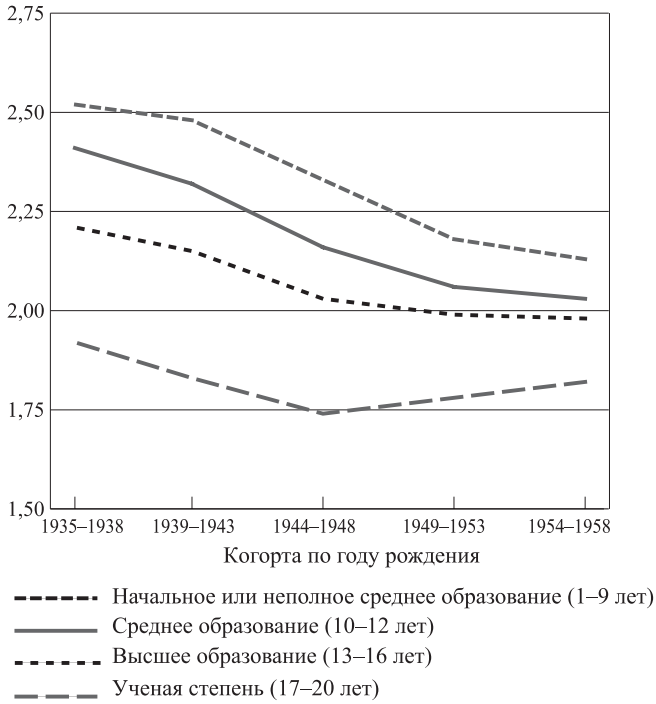
Мы показали, что образование является важным фактором, определяющим как возраст материнства («тайминг»), так и долю женщин, остающихся бездетными. Неудивительно, что оно влияет и на общее число детей у женщины. Женщины с более низким уровнем образования имеют больше детей, чем женщины с высоким уровнем образования, однако различия не так велики, как можно было бы ожидать исходя из огромных различий в тайминге первого рождения. Женщины с высшим образованием отчасти восполняют разрыв в рождаемости, просто делают это в более поздней точке своего детородного периода, по сравнению с менее образованными женщинами. Помимо этого, различия в общем числе детей у 40-летних женщин с разным уровнем образования более высоки в старших когортах (см. рис. 7). Сокращение различий в основном является результатом уменьшения числа детей в наименее образованной группе. В сущности, в группе женщин с университетским дипломом, родившихся после Второй мировой войны, среднее число детей растет. Более детальное изучение числа детей в семье показывает, что данная картина отражает уменьшение доли однодетных матерей и, напротив, увеличение матерей с двумя, и особенно тремя детьми [Lå ppegerd 1999].

Вероятность рождения третьего ребенка увеличилась во всех образовательных группах, в том числе и в возрастных когортах, родившихся после 1950 г. Это означает тенденцию к более пропорциональной представленности женщин с различным уровнем образования в группе женщин с тремя детьми. На положительное влияние образования на вероятность рождения третьего ребенка в Норвегии впервые обратил внимание О. Кравдал в своей работе, использующей данные вплоть до 1989 г. [Kravdal 1992], причем это влияние сохраняется, даже если мы контролируем прочие факторы рождаемости⁴.

Позднее схожие результаты были получены на шведских данных, как для второго, так и для третьего ребенка [см., например: Ноем 1990; Oláh 1996; Berinde 1999], подтвердились они и в отношении вероятности рождения второго ребенка в Норвегии [Rø nsen 2004]. Как предположил Л. Ола, это может означать, что масштабные программы семейной политики в скандинавских странах помогли сократить издержки, связанные с рождением ребенка, для образованных женщин.

⁴ Позднее, на основе данных норвежской переписи, Кравдал выявил положительное влияние уровня образования на вероятность рождения также и второго ребенка — если анализировать вероятность каждого ребенка отдельно [Kravdal 2001]. Однако же, если включить вероятность появления первого, второго и третьего детей в одну модель и контролировать при этом ненаблюдаемые различия, возникает негативное воздействие уровня образования. Оно не столь выражено для женщин, родившихся в 1950-е гг., чем для более старших когорт. Среди более молодых когорт различия во влиянии уровня образования на рождаемость довольно незаметны, что в значительной степени объясняется более высокой долей бездетных в группе хорошо образованных женщин.

Среднее число детей у 40-летней женщины, в зависимости от ее уровня образования. Норвежские женщины 1930—1958 г.р.

Источник: Population Statistics System and Educational Statistics System, Statistics Norway.

В последних норвежских исследованиях рождаемости внимание обращалось не только на *уровень* образования, но и на его *профиль*. Получен интересный результат: профиль образования может выступать даже более сильным фактором рождаемости, чем уровень образования. Например, в отношении Норвегии Т. Лаппегард обнаружила, что доля бездетных женщин почти так же невелика среди медсестер и учителей с университетским образованием, как и среди женщин, закончивших только среднюю школу; при этом выполняется тенденция: женщины первой группы, родившие одного ребенка, будут в 40 лет иметь больше детей, чем женщины второй группы. Аналогичная тенденция наблюдается и в Швеции [см., например: Ноем 1994; Stanfors, Svensson 1999]. Причина относительно высокого уровня рождаемости среди медсестер и учителей, возможно, связана с тем, что данная группа ориентирована одновременно на семью и работу, имеет сильные установки в обоих направлениях. Развитый государственный сектор со множеством рабочих мест и возможностями гибкой занятости мог подтолкнуть к реализации двойственных стратегий, обусловленных такими установками [Ellingsæter, Rønse 1996]. Другая, связанная с этим причина заключается в том, что работники в данных секторах немного теряют от прерыва в работе с точки зрения возможностей будущей карьеры и потенциального уровня зарплаток, прежде всего в силу высокой представленности здесь женщин и относительно равномерных доходов на протяжении всей трудовой деятельности.

4. Семейная политика

4.1. Контекст Норвегии

Норвежское государство благосостояния имеет длительную традицию масштабной социальной политики, ориентированной на семью. Однако эта политика была вызвана не столько стремлением к повышению рождаемости, сколько идеологией гендерного равенства и заботой об общем благополучии детей и их семей. Несомненно, в числе программ, наиболее сокращающих издержки, связанные с рождением ребенка, — законодательно закрепленная, рассчитанная на всеобщий охват программа отпусков по уходу за ребенком, а также расширенная государственная поддержка детских садов.

В Норвегии всеобщее право на оплачиваемый отпуск по рождению ребенка гарантируется Национальным актом страхования, принятым в 1956 г. Чтобы получать данное пособие, мать должна работать по крайней мере 6 из 10 месяцев, предшествующих рождению ребенка. Женщины, не удовлетворяющие этим требованиям, получают единовременную помощь в размере (по состоянию на 2002 г.) 32 138 норвежских крон (примерно 3900 евро). Первоначально период получения пособия составлял лишь 12 недель, и размер компенсации был невелик. Ситуация не менялась до 1977 г., когда период получения пособия был увеличен до 18 недель, при этом отцы также получили право находиться в таком отпуске почти весь его период. Одновременно период гарантированного сохранения рабочего места (такая гарантия всегда давалась в случае отпуска по уходу за ребенком) был увеличен до одного года, т.е. родители могли брать дополнительный, уже неоплачиваемый отпуск, не боясь потерять работу. Еще через год размер компенсации был существенно увеличен и стал покрывать 100% заработка для большинства матерей, имевших работу перед рождением ребенка. Затем, спустя еще почти десятилетие, период отпуска был еще увеличен и с 1987 г. увеличивался несколько раз, в 1993 г. достигнув следующих вариантов: 52 недели с 80%-й компенсацией зарплаты или 42 недели с полной компенсацией. Такая схема остается и в настоящее время (по состоянию на 2004 г.).

Отцы могут также брать отпуск на весь этот период, за исключением 3 недель перед рождением и 6 недель после рождения ребенка, которые предоставляются только матери. Отцы также могут получить 2 недели неоплачиваемого отпуска сразу после рождения ребенка. Обычно отцы используют именно эту возможность, и лишь очень немногие затем находятся в отпуске весь период вместе с матерью ребенка. Чтобы побудить обоих родителей к участию в уходе за ребенком, в 1993 г. была введена поправка, резервирующая 4 недели «длинной» части отпуска для отцов — так называемая «квота для пап». Обычно эти недели нельзя передать матери, они просто вычитаются из общей продолжительности отпуска, если отец ими не воспользуется. Так что для отцов существует сильный стимул взять такой отпуск, и, как показывает опыт, реформа оказалась успешной. В 1996 г., спустя 3 года после ее введения, почти 80%, имевших право на такой отпуск, воспользовались «квотой для пап»; более того, доля отцов, находящихся в «длинном» отпуске вместе с матерью, увеличилась с 4 до 12% [Brandth, Jensberg 1998].

В августе 1998 г. были введены денежные выплаты родителям, которые не пользуются услугами субсидируемых государством детских садов, а с

января 1999 г. эта программа стала охватывать всех детей 1—2 лет. Пособие выплачивается ежемесячно, не облагается налогом, ставка фиксированная и на момент введения примерно равнялась государственной помощи на оплату места в детском саду. В настоящее время (2004 г.) месячное пособие составляет 3657 норвежских крон (примерно 450 долл.). Чтобы иметь право на получение пособия в полном размере, ребенок не должен полный день (более 32 часов в неделю) находиться в государственном детском саду. Родители детей, отдающие детей в государственный детский сад на более короткое время, могут получать пособие в уменьшенном размере [подробнее см.: Rønsen 2001]. Новая схема оказалась очень популярна: большинство родителей детей 1-2 лет обращаются за данным пособием. Весной 1999 г., примерно 4 месяца спустя после окончательного введения данной схемы, 75% родителей детей в возрасте 1—2 года получали это пособие [Reppen, Rønning 1999], с тех пор их доля остается более или менее постоянной. Однако лишь 5% получателей — отцы.

Детские сады, субсидируемые государством, быстро распространились в 1980-е и 1990-е гг. и к 2002 г. стали охватывать 56% детей дошкольного возраста [Statistics Norway 2003]⁵. Если из этой доли вычесть детей, о которых заботятся родители, находящиеся в отпуске по уходу за ребенком (т.е. 0—12 месяцев), то охват составит 66%. Поскольку посещаемость детского сада увеличивается с возрастом ребенка, охват 3—5-летних детей детскими садами гораздо выше, чем 1—2-летних: 83% против 41% в 2002 г. Собственниками и управляющими детских садов могут быть государственные или частные предприятия. Однако получение субсидии возможно для обеих форм собственности — главное, чтобы детский сад имел одобрение государства. Субсидия представляет собой взнос в бюджет детского сада в расчете на число посещающих его детей. Размер субсидии увеличивается в зависимости от количества часов пребывания детей в саду и выше для детей 0—2 лет, чем для других детей дошкольного возраста. Многие частные детские сады также получают субсидии на уровне муниципалитета.

Основной принцип финансирования детских садов заключается в том, что затраты должны быть распределены между государством, муниципалитетами и родителями [Ministry of Children and Family Affairs 1988]. Планировалось, что государство будет покрывать 40% затрат, а оставшиеся 60% будут поделены поровну между родителями и муниципалитетами. Однако в связи со стремительным распространением частных детских садов средний вклад муниципалитетов оказался ниже, а средний вклад родителей — выше. Например, в 1994 г. родители оплачивали 44,5% затрат на содержание ребенка в частном детском саду и 28,8% — в государственном саду [Ministry of Children and Family Affairs 1996]. На государственном уровне размер родительского вклада не регулируется. Субъект местного самоуправления, т.е. муниципалитет или частное предприятие, может назначать цены самостоятельно. Примерно в половине государственных детских садов размер оплаты для родителей зависит от их доходов, в то время как в частных детских садах обычно используется фиксированная ставка, не зависящая от уровня доходов родителей. Однако и в государственных, и в частных детских садах обычно предлагается скидка, если родители приводят в сад более одного ребенка. Отсюда возникают

⁵ Уровень охвата определяется как доля детей дошкольного возраста, имеющих место в субсидируемом государством детском саду.

существенные вариации в размере оплаты детского сада родителями. В 1998 г. средняя сумма, выплачиваемая родителями за посещение детьми детского сада, — полный день, в больших городах и пригородах — составила порядка 3500 норвежских крон (примерно 430 евро) в месяц в частных детских садах и чуть меньше — в государственных [Statistics Norway 1998].

До 1990-х гг. норвежская политика в отношении отпуска по уходу за ребенком, а также в отношении детских садов отставала от аналогичной политики в других скандинавских странах. Впереди всех здесь была Швеция: продолжительность отпуска по уходу за ребенком здесь составляла один год уже в 1980 г., а в 1989 г. она была увеличена до 15 месяцев. Шведская программа также была более гибкой: предоставлялись возможности комбинировать отпуск и неполную занятость, а также разбивать отпуск на несколько частей до того, как ребенку исполнится 8 лет [подробнее см.: Rønsen, Sundström 2002]. Помимо этого, шведская программа имеет одну уникальную особенность, побуждающую сокращать время между рожденьями детей, — так называемые «премиальные за скорость» [Ноем 1993]. В соответствии с этим положением мать имеет право получать пособие в том же размере, как и в случае с предыдущим ребенком, если она родит следующего ребенка в течение 30 месяцев (до 1986 г. — 24 месяцев), даже если она не вернется на работу между рожденьями детей.

4.2. Влияет ли политика на рождаемость?

Не удивительно, что наблюдаемый в скандинавских странах на протяжении 1980—1990-х гг. рост рождаемости вновь вызвал интерес к вопросу о том, может ли щедрая семейная политика стимулировать рождаемость, и подтолкнул к новым исследованиям в данной области. Принципиальным моментом здесь является вопрос, как же измерить это влияние. Конечно, в самом грубом приближении можно делать выводы на основе сопоставлений между странами: сравнивать уровни и тренды рождаемости, используя агрегированную статистику. Такой подход может дать общее представление о возможном влиянии, однако, очевидно, имеет множество недостатков, поскольку одновременно могут действовать и другие факторы, сопряженные с теми, что были включены в наш анализ. Например, и рождаемость, и расширение семейной политики могут быть связаны с ростом и спадом экономики. Чтобы контролировать смещения, вызванное другими факторами, можно прибегнуть к анализу временных рядов, используя методики многофакторного анализа. Такой подход применили А. Готье и Й. Хатциус для анализа общего уровня рождаемости в 1970—1990 гг. на основе агрегированных данных для 22 индустриально развитых стран, используя модель, которая помимо традиционных детерминант рождаемости включала параметры материнского отпуска по уходу за ребенком (продолжительность и отношение пособия к заработку) и детского пособия [Gauthier, Hatzius 1997]. Полученные ими результаты позволяют предположить, что уровень рождаемости напрямую связан с размером детского пособия; с параметрами же отпуска значимой связи не обнаружено.

Как и всегда с агрегированными данными, остается проблема с тем, что сумма индивидуальных поведений вовсе не обязательно является отражением среднего индивидуального поведения. Поэтому данные на уровне отдельных индивидов могут оказаться более подходящими для анализа

возможного влияния семейной политики. К сожалению, таких данных очень мало. Однако в последнее время появился хороший источник: обследования семьи и рождаемости [Family and Fertility Surveys], которые проводятся в 20 странах начиная с конца 1980-х гг. В материалах, основанных на данных шведского и норвежского обследований, авторы анализируют роль государственной политики, и их результаты, судя по всему, указывают на наличие такого влияния. Наиболее выражен, видимо, эффект «премиальных за скорость» в Швеции (см. выше), которые, как и ожидалось, побуждают матерей рожать второго и третьего ребенка скорее [см. также: Oláh 1996; Berinde 1999]. Это подтверждает выводы, к которым пришли Б. Хоэм и Г. Андерсон на основе специальной разработки индивидуальных данных регистра населения [Hoem 1993; Andersson 1999]. Еще один интересный результат получен на материалах шведских обследований: женщины с большей вероятностью пойдут на рождение второго ребенка, если отец брал отпуск по уходу за первым ребенком, что позволяет предположить, что меры, стимулирующие активное участие отца в воспитании ребенка, могут способствовать повышению рождаемости [Oláh 1996].

Наблюдения на основе норвежских данных на уровне индивида показывают, что, возможно, имеется некоторое положительное влияние увеличения числа детских садов на рождение третьего ребенка, однако это влияние наиболее заметно на уровне недорогих детских садов [Kravdal 1996]. Интересно, что самая заметная реакция на распространение детских садов последовала от хорошо образованных женщин. Кроме того, сравнивая Финляндию и Норвегию, также находит некоторые подтверждения в пользу гипотезы о том, что расширение возможностей, связанных с отпуском по уходу за ребенком, может стимулировать рождаемость [Rønsen 2004]. Это влияние наиболее заметно в Финляндии, где таких изменений в анализируемый период (1960—1990 гг.) было больше всего, и оно ограничено вероятностью рождения второго или третьего ребенка.

5. Семейная политика — необходима, но не достаточна

Анализируя модели рождаемости в странах, существенно различающихся щедростью своих семейных программ, мы, естественно, предполагаем, что некоторое позитивное влияние должно быть. К сожалению, эту гипотезу легче сформулировать, нежели доказать. Как было показано, проведенные недавно исследования в Скандинавских странах отчасти ее подтверждают, хотя наблюдаемый эффект и не особенно велик. Однако, как демонстрирует шведский тренд 1990-х гг., щедрая семейная политика никак не является гарантом высокого уровня рождаемости. В начале 1990-х гг. Швеция пережила некоторый экономический спад, который повлек за собой резкий рост безработицы, особенно пострадали молодежь и люди с низким уровнем образования. Впервые пришлось прибегнуть и к сокращению объемов финансовой поддержки семьям. Вскоре последовал спад коэффициента суммарной рождаемости: от 2,1 ребенка в среднем на одну женщину в 1992 г. до 1,5 в 1997 г. В более позднем исследовании В. Хоэм выявляет, что спад рождаемости оказался особенно сильным среди молодых женщин и среди женщин с низким уровнем образования, т.е. тех же групп, которые наиболее пострадали на рынке труда [Hoem 2000]. Таким образом, экономические циклы и перспективы, несомненно, име-

ют большое влияние на рождаемость, и наблюдаемое негативное воздействие растущей безработицы, вероятно, является результатом как сократившихся возможностей заработка в текущий период, так и, что более важно, утраты чувства защищенности по поводу будущего⁶.

В целом проведенный анализ подтверждает точку зрения, высказанную в новогоднем обращении бывшего премьер-министра Норвегии г-на Й. Стольтенберга в 2001 г.: важными детерминантами рождаемости являются «качество» общества и уверенность населения по поводу будущего. Современные женщины образованы, выходят на рынок труда наравне с мужчинами и планируют наравне с мужчинами участвовать в жизни общества. Опираясь на опыт скандинавских стран, мы предполагаем, что дети останутся в планах и женщин, и мужчин, если общество будет готово принять на себя значительную часть ответственности и сопряженных издержек. Сюда входят как политика, которая позволит женщинам сочетать рождение детей и оплачиваемую занятость, так и меры, способствующие укреплению гендерного равенства и побуждающие мужчин участвовать в уходе за ребенком. Возможно, страны с низким уровнем рождаемости, где еще многое можно улучшить в данной области, более всего выиграют от реализации такой политики, особенно если одновременно им удастся создать стабильную экономику и сформировать у населения оптимистичный взгляд в будущее.

Выражения благодарности

Данная работа впервые была представлена на семинаре «Международные тенденции низкой рождаемости: тренды, теории, политика», который состоялся 21—23 марта 2001 г. в Токио. Я благодарю участников семинара за их комментарии и особенно Питера Макдональда за ценные замечания к более ранней версии работы. Отдельная благодарность моей коллеге Труде Лаппегард, которая поделилась многими дескриптивными данными, представленными в данной работе.

Литература

Andersson G. Childbearing Trends in Sweden 1961—1997 // *European Journal of Population.* 1999. Vol. 15. P. 1—24.

Berinde D. Pathways to a Third Child in Sweden // *European Journal of Population.* 1999. Vol. 15. P. 349—378.

Brandth B., Jensberg J. Suksess for Fedrekvoten [Success for the Father Quota] // *Velferd.* 1998. No. 4.

Ellingsæter A.L., Rønsen M. The Dual Strategy: Motherhood and the Work Contract in Scandinavia // *European Journal of Population.* 1996. Vol. 12. P. 239—260.

Gauthier A.H., Hatzius J. Family Benefits and Fertility: An Econometric Analysis // *Population Studies.* 1997. Vol. 51. P. 295—306.

⁶ Шведский тренд рождаемости также испытывает сильное влияние временного фактора. В 1980-х гг. «премиальные за скорость» побуждали к сокращению периода времени между рождением детей, что вело к повышению рождаемости. Где-то к 1990 г. эта тенденция приостановилась, что привело к уменьшению числа рождений второго, третьего и т.д. детей, и это совпадает по времени с началом общего экономического спада, который еще более снизит уровень рождаемости (см., например: [Andersson 1999]).

Hoem B. Alla Goda Ting er Tre? Tredjebarnsfödsalar Bland Svenska Kvinnor Födda 1938—1950 [All Good Things are Three? Third Births among Swedish women Born 1938—1950] // Stockholm University Research Reports in Demography. 1990. No. 59.

Hoem B. Lä rare Föder Flere Barn [Teachers Give Birth to More Children] // Välfärdbulletinen. 1994. No. 3. P. 17—19.

Hoem B. Utan Jobb — Inga Barn? Fruktansamhetsutvecklingen under 1990-tallet [Without Job — no Children? Fertility Trends During the 1990s] // SOU. 2000. Vol. 37.

Hoem J.M. Public Policy as the Fuel of Fertility // Acta Sociologica. 1993. Vol. 36. P. 19—31.

Kojima H. Determinants of Japanese Attitudes toward Fertility and Policy Interventions: A Comparative Analysis of the 1990/1995 IPP Surveys and JGSS-2000 // Paper presented at the 2001 Second Annual Meeting of the Population Association of Korea. December 1, 2001, Seoul, Korea.

Kravdal Ö. The Emergence of a Positive Relation between Education and Third Birth Rates in Norway with Supportive Evidence from the United States // Population Studies. 1992. Vol. 46. P. 459—475.

Kravdal Ö. How the Local Supply of Day-care Centers Influences Fertility in Norway: A Parity-specific Approach // Population Research and Policy Review. 1996. Vol. 15. P. 201—218.

Kravdal Ö. The High Fertility of College Educated Women in Norway: An Artefact of the Separate Modelling of Each Parity Transition // Demographic Research. 2001. Vol. 5. P. 185—216. <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol5/6>.

Kravdal Ö. An Illustration of the Problems Caused by Incomplete Education Histories in Fertility Analyses // Demographic Research. 2004. Special Collection 3. Art. 6. P. 133—154. <http://www.demographic-research.org/special/3>.

Lappegård T. Akademikere får også barn, bare senere [Academics also have children, only later] // Samfunnsspeilet 1999. Vol. 5. Statistics Norway.

Lappegård T. New Fertility Trends in Norway // Demographic Research. 2000. Vol. 2. <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol2/3>.

Lappegård T. Valg av tdanning — valg av livsløp? [Choice of education — choice of life course?] // Tidsskrift for samfunnsforskning. 2001. No. 3. P. 409—435.

Ministry of Children and Family Affairs. Barnehager mot år 2000 [Day-care centres towards year 2000] // Report to the Storting. 1988, No. 8 (1987—1988).

Ministry of Children and Family Affairs. Offentlige overføringer til barnefamilie [Public transfers to families with children] // NOU. 1996. No. 13.

Oláh L.Sz. The Impact of Public Policies on the Second-Birth Rates in Sweden: a Gender Perspective // Stockholm University Research Reports in Demography. 1996. No. 98.

Reppen H.K., Rønning E. Barnefamiliers tilsynsordninger, yrkesdeltakelse og bruk av kontantstøtte våren 1999 [Child care arrangements, labour force participation and the use of cash-for-care benefits in the spring, 1999] // Reports 1999/27, Statistics Norway. 1999.

Ronnen M. Market Work, Childcare and the Division of Household Labour. Adaptations of Norwegian Mothers before and after the Cash-for-care Reform // Statistics Norway. 2001. Vol. 13.

Rønsen M. Fertility and Public Policies Evidence from Norway and Finland // Demographic Research. 2004. Vol. 10. P. 141—170. <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol10/6>

Rønsen M., Sundström M. Family Policy and After-Birth Employment Among New Mothers — A Comparison of Finland, Norway and Sweden // European Journal of Population. Vol. 18. P. 121—152.

Stanfors M., Svensson L. Education, Career Opportunities and the Changing Patterns of Fertility: a Study on 20th Century Sweden // Paper presented at the Seminar on Women in the Labour Market in Changing Economies. 22—24 September, 1999. Rome, Italy.

Statistics Norway (1998): Ukens Statistikk (Weekly Statistics 45/98).

Statistics Norway (2003): www.ssb.no/English/subjects/04/02/10/barnehager_en/

Sørlie K. Fødselstallsutviklingen — etter nok et tiår [The Fertility Trend — After Another Decade] // Regionale trender. 2000. Vol. 2.

Takahashi S. Demographic investigation of the process of declining fertility in Japan // Paper presented at the IUSSP Seminar on International Perspectives on Low Fertility. 21—23 March, 2001. Tokyo, Japan.

Роль международной миграции в демографическом и социально-экономическом развитии России

Международная миграция в условиях глобализации является значимым явлением с точки зрения масштабов (по данным ООН, в 2005 г. в мире в общей сложности насчитывалось около 191 млн. мигрантов), а также социально-экономических, демографических и геополитических последствий для некоторых регионов и стран. Традиционно считалось, что миграционные потоки в мире ориентированы из стран «бедного Юга» в страны «богатого Севера». Однако последние исследования показывают, что примерно 1/3 мигрантов переехала из одной развивающейся страны в другую, и только 1/3 переместилась из развивающихся стран в развитые государства. Таким образом, численность мигрантов, переместившихся «с Юга на Юг», и численность мигрантов, переместившихся «с Юга на Север», примерно одинакова» [Международная миграция... 2006: 13—14].

В настоящее время трудно выделить страны эмиграции и иммиграции в чистом виде. Российская Федерация является страной, одновременно отдающей и принимающей международных мигрантов. С одной стороны, граждане России активно вовлечены в миграцию на постоянное место жительства, трудовую и учебную миграцию, выезжают в самые разные государства. С другой стороны, Россия притягательна для иностранных мигрантов, желающих жить, работать и учиться здесь. Кроме того, через территорию России проходят потоки транзитных мигрантов из ряда стран Азии, стремящихся в европейские страны с более высоким уровнем жизни. Таким образом, Россия оказалась вовлеченной в процесс международной миграции в «трех лицах» — как страна иммиграции, эмиграции и транзита. Подобное разнообразие миграционных потоков делает крайне актуальными вопросы формирования адекватной времени миграционной политики, которая бы отвечала экономическим и геополитическим интересам страны.

В фокусе данной статьи лежит только часть международной миграции, а именно миграция в Россию, ее тенденции и роль для социально-экономического и демографического развития государства.

Проблемы учета международной миграции в России

С точки зрения статистического учета международная миграция в Россию представляет собой «айсберг». «Надводная», или видимая для статистики, часть международной миграции представлена двумя разрозненными видами информации. Первый вид информации — *данные о миграции на постоянное место жительства*, которые отражаются в большинстве

официальных статистических изданий, прежде всего, в сборниках Росстата. Методика сбора этой статистики в последнее время была нарушена: по новым правилам листки статистического учета, которые еще с советских времен заполнялись паспортными столами на постоянных мигрантов, с 2002 г. заполняться на иностранцев (не граждан России) не должны. В некоторых регионах страны по инерции их продолжают заполнять, но это нарушает главный принцип государственной статистики — единство методики сбора первичной информации в масштабах страны [Чудиновских 2005].

Это также приводит к тому, что мы просто не «видим» в статистике целый массив международных мигрантов — не учитываются иностранные трудовые и учебные мигранты. Приведем несколько ярких примеров. За 1994—2004 гг. количество иностранцев, которые были легально привлечены на работу в Россию, по данным Федеральной миграционной службы (ФМС) увеличилось почти в 4 раза, в то время как по данным Росстата оно неуклонно снижается! В 2004 г. по данным ФМС в России легально работали более 460 тыс. иностранцев, при этом по данным Росстата в страну приехали на работу только 5,4 тыс. международных мигрантов. Разница — колоссальна! Второй пример: по данным Министерства образования и науки численность иностранных студентов в 2002 г. в России составила 99 тыс. человек, в то время по данным Росстата в страну въехало на учебу всего 5,5 тыс. человек. Получается, что в настоящее время две основные категории мигрантов (трудовые и учебные) выпадают из поля зрения «традиционной» миграционной статистики. При этом альтернативного источника информации взамен потерянного пока не создано, и мы продолжаем считать, что масштабы миграции на постоянное место жительства снижаются.

Подобное положение дел подтвердили результаты переписи населения 2002 г. Они показали, что в России проживает на 1,8 млн. человек больше, чем по сведениям текущего учета. Поскольку случаи рождений и смертей в России регистрируются более или менее точно, то «прибавка» была отнесена на миграционный прирост (что достаточно логично). При этом отметим, что переписью удалось охватить не всех мигрантов, проживающих в стране. Как показывают исследования, незарегистрированных мигрантов в России не менее 5 млн. человек. И если «неожиданно» обнаруженные переписью 1,8 млн. «лишних» людей в стране — это часть из них, то недоучет, по нашей оценке, составил не менее 3 млн. человек.

Второй вид информации — *сведения о временной миграции, которая связана с работой, учебой и другими причинами*. Пока она находит отражение в служебной статистике. Здесь нам доступны несколько источников информации: данные Федеральной миграционной службы о количестве привлеченных иностранных работников в страну (на основе выданных разрешений); данные Министерства образования и науки о количестве иностранных студентов и аспирантов, обучающихся в российских учебных заведениях; данные Федеральной пограничной службы о количестве фактов пересечения границы России иностранцами с различными целями; данные Министерства внутренних дел по фактам предоставления гражданства и регистрации иностранных граждан по месту пребывания. Все перечисленные данные в разной степени доступны для анализа — что-то

публикуется ведомствами, что-то не только не публикуется, но и нуждается в серьезной доработке с точки зрения методики сбора информации (например, данные о регистрации по месту пребывания).

Наиболее важными данными можно считать сведения ФМС о численности и составе иностранных трудовых мигрантов в России. Эта информация собирается на основе выданных работодателям разрешений на право привлечения иностранной рабочей силы, при этом один работник может последовательно иметь несколько разрешений, наблюдаются также сезонные колебания. В первичных материалах ФМС есть данные о численности гастарбайтеров, привлеченных в страну, и об оставшихся в стране на конец года. В изданиях Росстата приводятся не все данные первичных источников. Эксперты справедливо отмечают, что для получения реальных данных по численности трудовых мигрантов из-за рубежа необходимо выделять первичные и повторные разрешения на работу, а также учитывать срок действия контракта [Бирлсброу и др. 1999: 156].

Отдельный источник информации — сведения об использовании иностранной силы в рамках баланса трудовых ресурсов. Введя новую категорию «работающие граждане других государств», их с 1998 г. дает (но, к сожалению, не публикует в широко доступных статистических сборниках) Росстат. Эти сведения частично учитывают среднегодовую численность нелегальных и легальных трудовых мигрантов в стране. Поскольку трудовая миграция имеет сезонный характер, специалисты в сфере экономики труда полагают, что даже эти сведения можно увеличить в 2—3 раза [Попов 2003: 145—148].

Главный недостаток российской статистики по международной миграции — отсутствие целостной системы учета международных мигрантов. Известно, что достаточно успешной формой фиксации миграции можно считать регистр населения. России до него пока далеко, в настоящее время только предпринимаются попытки объединить информацию о международной миграции в единый массив в виде Централизованной базы данных по учету иностранных граждан (ЦБДУИГ). Эту работу с 2005 г. выполняет ФМС, к системе подключено несколько десятков регионов, пока в базу стали вводить сведения миграционных карт, которые заполняет каждый иностранец, приезжающий в Россию. Хотя в идеале ЦБДУИГ должна фиксировать не только информацию о въезде в страну, но и регистрацию по месту пребывания (проживания), статусы мигранта, разрешение на работу, выезд и пр. Только тогда можно будет получить представление о реальной численности международных мигрантов в стране. А пока исследователи и представители органов государственной власти испытывают колоссальные сложности с полноценным анализом международной миграции в России, что не позволяет принимать обоснованные управленческие решения в сфере миграции.

«Подводная», т.е. абсолютно невидимая с точки зрения статистического учета, часть международной миграции — ее нелегальная составляющая. Оценки объемов нелегальной миграции в Россию колеблются от 5 до 15 млн. человек. Однако совершенно очевидно, что точное число нелегальных мигрантов в России не знает никто. Достоверно известно, что в стране вокруг мигрантов сложился огромный криминальный сектор экономики, в котором обращаются огромные деньги. Наши исследования показывают, что 80—90% всех временных трудовых мигрантов обращаются к посредникам — фирмам и частным лицам, которые «оказывают по-

мощь» (естественно, за плату) в регистрации мигрантов по месту пребывания, в получении разрешения на работу и т.п. Некоторые из них выступают посредниками между мигрантами и сотрудниками паспортных столов, а многие изготавливают фальшивые документы. Подобными объявлениями оклеены вагоны в московском метро, они открыто даются в прессе. Некоторые представители правоохранительных органов проверяют всех, кто похож на мигрантов, вымогая деньги даже у имеющих официальную регистрацию (проверить, настоящая она или поддельная, практически невозможно, поскольку единой базы данных не существует).

ФМС ведет статистику по численности депортированных из России иностранных граждан, но по понятным причинам в эту статистику попадают не все нелегальные мигранты. Как заявляет руководство ФМС, служба просто не располагает достаточными ресурсами для проверки всех работодателей. Поэтому все оценки нелегальной миграции имеют приблизительный характер. Нам представляется, что в настоящее время России, прежде всего, требуется привести в порядок учет международной миграции, а для этого необходимо развивать и совершенствовать единую базу данных (например, ЦБДУИГ).

Международная миграция на постоянное место жительства в Россию

По данным Росстата, миграция на постоянное место жительства в Россию на протяжении 1990-х гг. имела тенденцию к сокращению, что во многом объясняется недоучетом временных форм миграции. Но последние можно весьма условно назвать временными. Как показывают наши исследования, в России живут и работают очень много людей без российского гражданства или вида на жительство только потому, что они не имеют собственного жилья. А если нет собственного жилья или если нет владельца жилья, готового зарегистрировать иностранца по месту пребывания, то получить вид на жительство и гражданство сложно. В результате многие «временные» мигранты живут и работают в России по 7—10 лет, оставаясь иностранцами.

В России в первой половине 1990-х гг. миграционный прирост имел устойчивую тенденцию к росту, если не считать «провала» в 1991 г., вызванного сокращением сальдо миграции за счет снижения количества иммигрантов в результате распада СССР. Своего пика миграционный прирост в России достиг в 1994 г., свою лепту в него внесли рост иммиграции и сокращение эмиграции. Так, в 1994 г. по сравнению с 1989 г. численность иммигрантов в России увеличилась более чем на 300 тыс. человек (примерно на 50%), а численность эмигрантов, напротив, сократилась примерно на 400 тыс. человек (почти в 2 раза).

Затем миграционный прирост стал стремительно сокращаться, с некоторыми небольшими всплесками, которые отмечались в 1997, 2000, 2002 гг. По сравнению с годом максимального миграционного прироста (1994 г.), к концу 2004 г. сокращение показателя составило 20 раз! Однако в условиях существенных изъянов российской статистики подобная динамика свидетельствует не только и, возможно, не столько о том, что роль миграционного прироста в демографическом развитии страны сходит на нет, сколько о неадекватности отражения реальной ситуации современными инструментами учета миграции.

В 2004 г. показатель миграционного прироста в России составил всего 39 тыс. человек, что только на 5% компенсировало масштабы депопуляции в стране. Подчеркнем еще раз, что эта цифра не учитывала иностранных граждан. Строго говоря, миграционный прирост был выше, но мы не имеем достоверных данных о численности иностранных граждан, прибывших в Россию. По итогам 2005 г. миграционный прирост снова неожиданно вырос почти в 3 раза, составив более 107 тыс. человек.

Статистическое уменьшение миграционного прироста на протяжении 1990-х гг. было обусловлено одновременным сокращением как прибывших, так и выбывших мигрантов. Дело здесь преимущественно в искажении данных в результате неполного сбора информации о въезде и выезде, а также и в некоторых объективных тенденциях.

Если опираться исключительно на данные Росстата, мы видим резкий, буквально обвальный, спад количества иммигрантов, прибывших в страну. С 1994 по 2004 г. иммиграция сократилась почти в 9 раз! Так ли это на самом деле? Есть основания утверждать, что значительная часть мигрантов просто не попадает в эти цифры, и чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на ведомственную статистику.

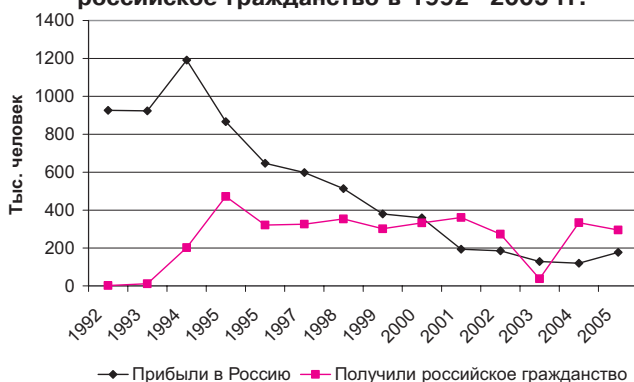
По данным паспортных столов, по итогам 2005 г. число иммигрантов в России выросло до 177 тыс. человек. Столь резкий скачок объясняется накопленным эффектом. Скорее всего, российское гражданство получили люди, подавшие заявления и приехавшие в Россию раньше, однако именно в 2005 г. на них были заполнены листки прибытия, и они попали в миграционную статистику.

Данную гипотезу подтверждает сопоставление данных по иммиграции и принятию в российское гражданство иностранцев (рис. 1). Начиная с 2001 г. количество вновь испеченных российских граждан стало стабильно превышать численность иммигрантов. Исключение составил только 2003 г., последовавший за принятием нового закона о гражданстве, который существенно ужесточил условия предоставления российского гражданства. Затем тенденция восстановилась.

Все приведенные выше аргументы достаточно убедительно доказывают, что на самом деле миграционный прирост в России был выше, чем свидетельствуют данные Росстата и международных организаций. Следовательно, компенсация потерь населения в результате депопуляции могла быть более значительной, но в любом случае не могла не только пере-

Рис. 1

Динамика иммиграции и численности иностранных граждан, получивших российское гражданство в 1992–2005 гг.

Миграционный прирост России в обмене со странами ближнего (нового) и дальнего (старого) зарубежья в 1989—2005 гг., тыс. человек

крыть естественной убыли населения в стране, но и компенсировать ее большей части.

Показатели международной миграции в России четко дифференцированы в региональном отношении (рис. 2). Положительный миграционный баланс Россия имеет со странами СНГ и Балтии (ближнее или новое зарубежье) — они отдают гораздо большее количество мигрантов, чем забирают из России. В обмене со странами дальнего или старого зарубежья ситуация прямо противоположна: здесь Россия несет потери в миграционном обмене на протяжении всей своей новейшей истории. Именно в данном разрезе и рассматривается ниже миграционный обмен России с точки зрения количественных и качественных параметров.

Основная роль в формировании миграционного прироста России принадлежит странам СНГ и Балтии. На протяжении всей новейшей истории нашей страны именно эти государства практически полностью (на 94—99%) формируют миграционный прирост. В абсолютном выражении показатель миграционного прироста России за счет стран СНГ и Балтии достиг своего максимума в 1994 г., составив более 900 тыс. человек. В это же время зафиксирован максимальный показатель иммиграции в Россию из нового зарубежья — 1,1 млн. человек. Рост этих показателей после распада Советского Союза вызван мощной волной репатриации русских и некоторых других народов из вновь образовавшихся стран. Некоторые государства СНГ и Балтии приняли законы о гражданстве, исключающие двойное гражданство, начались межнациональные конфликты, притеснение русскоязычного населения. Именно этнополитические причины во многом преопределили мощный поток иммигрантов в Россию в начале 1990-х гг.

Постепенно поток иммигрантов и показатель миграционного прироста в России в обмене со странами СНГ и Балтии снизился в своем абсолютном значении довольно значительно — в 9 и 12 раз соответственно за период 1994—2004 гг. Незначительное увеличение показателей иммиграции и миграционного прироста произошло в 2005 г., что было обусловлено накопленным эффектом, описанным нами выше.

Постоянное снижение иммиграции в страну было обусловлено не столько исчерпанием миграционного потенциала в странах СНГ и Балтии

(желающих переехать в Россию по-прежнему достаточно много), сколько политическими и социально-экономическими причинами. Сдерживающее влияние на приток населения в Россию оказывало, с одной стороны, постепенное улучшение ситуации в некоторых республиках бывшего СССР — успешное социально-экономическое развитие и стабилизация этнополитической ситуации. При этом в нашей стране произошел ряд неблагоприятных событий (например, дефолт 1998 г.), а главное — был ужесточен порядок принятия российского гражданства. Согласно новым законам о гражданстве и пребывании иностранцев, мигранты из СНГ (кроме родившихся на территории России) были лишены каких-либо преимуществ в отношении оформления вида на жительство и российского гражданства. Более того, люди, получившие гражданство через российские посольства в странах СНГ, по приезду в Россию были вынуждены подтверждать факт его получения соответствующими документами. Порой это требовало немало времени, и многих потенциальных мигрантов Россия фактически сама оттолкнула от себя.

Возрастная структура миграционного прироста из стран СНГ и Балтии оказывает благоприятное влияние на структуру населения России: в Россию происходит приток трудоспособного населения. По нашим расчетам, за период с 1997 по 2004 г. Россия получила за счет стран СНГ и Балтии около 1,2 млн. мигрантов трудоспособного возраста. Заметим, что миграционный прирост мигрантов трудоспособного возраста постепенно сокращается параллельно с сокращением масштабов общей миграции из стран ближнего (нового) зарубежья.

Трудоспособное население на протяжении последних лет преобладает в сальдо миграции России, колеблясь в диапазоне от 61 до 67%. Это несколько превышает долю населения трудоспособного возраста в общей структуре населения России по данным переписи 2002 г. На фоне предстоящего сокращения численности трудовых ресурсов в стране данная возрастная структура миграционного прироста населения в обмене со странами СНГ и Балтии достаточно благоприятна для России. Кроме этого, в миграционном сальдо также понижена доля пенсионеров в сравнении с населением страны (немногим более 18% в миграционном приросте и примерно 21% в населении в 2003 г.).

Это свидетельствует об «омолаживающем» влиянии миграции из стран ближнего (нового) зарубежья на возрастную структуру населения России. Таким образом, возрастная структура сальдо миграции с ближайшими соседями показывает, что этот поток важен и благоприятен для России с точки зрения возрастных параметров населения, а также с позиции перспектив формирования трудовых ресурсов на среднесрочную перспективу.

Данные по образовательной структуре миграционного прироста России со странами СНГ свидетельствуют об аналогичном, положительном влиянии. Согласно нашим расчетам, Россия только за 2002—2003 гг. получила из нового зарубежья более 31,3 тыс. мигрантов с высшим образованием, в том числе 47 докторов и 273 кандидата наук. Примерно на треть сальдо миграции специалистов высшей квалификации для России сформировали страны Средней Азии, в том числе наполовину — Узбекистан. Также примерно пятая часть сальдо миграции специалистов высшей квалификации — «вклад» двух ближайших соседей: Украины и Казахстана. Это свидетельствует о том, что страны СНГ и Балтии стали регионом, обеспечивающим Россию высококвалифицированными кадрами за счет

миграции на постоянное место жительства, и миграционный обмен с ними благоприятен для России в разрезе образовательной структуры.

Трудовая миграция в Россию

По данным ФМС, количество легальных трудовых мигрантов, работающих в России, стабильно растет: в 2003 г. — около 380 тыс., в 2004 г. — 460 тыс., в 2005 г. — более 702 тыс. человек. При этом доля гастарбайтеров среди занятого населения России остается относительно небольшой — около 1%. Соотношение между рабочей силой, привлеченной из стран СНГ и дальнего (старого) зарубежья, при этом оставалось примерно одинаковым (рис. 3).

Несколько слов о структуре иностранной рабочей силы, занятой в российской экономике. Большая часть гастарбайтеров (более 67%) работает по трудовым договорам с российскими юридическими или физическими лицами (т.е. имеет достаточно стабильные контракты), а остальные — в рамках реализации иностранными юридическими лицами договоров подряда (привлекались на краткосрочную работу на определенный объем работ). Постепенно в российской экономике также увеличиваются количество и удельный вес иностранной рабочей силы, нанимаемой российскими физическими лицами (около 5%). Хотя по-прежнему в частном секторе задействованы преимущественно нелегальные мигранты, которые работают на основе устной договоренности с работодателем.

Среди иностранных работников преобладают люди с низкой и средней квалификацией. Основными отраслями, привлекающими гастарбайтеров, являются строительство, промышленность и сельское хозяйство.

Сложилась достаточно четкая специализация гастарбайтеров из отдельных стран на определенных отраслях занятости. Как показывают исследования, в потоке трудовых мигрантов из Украины преобладают строители и ремонтные рабочие, рабочие на промышленных предприятиях и транспорте. Трудовые мигранты из Азербайджана, Китая и Вьетнама преимущественно привлекаются в сферу торговли. Выходцы из Китая также трудятся в сельском хозяйстве. Среди гастарбайтеров из Молдавии в настоящее время преобладают строители и водители. Рабочие из Турции

Рис. 3

Масштабы трудовой миграции в Россию по данным ФМС в 1994—2005 гг.

строят жилье, привлекаются на работу в сельском хозяйстве. Трудовые мигранты, занятые в кредитовании, финансировании, страховании, аудите, коммерции, а также высший топ-менеджмент происходят преимущественно из стран старого зарубежья (США, европейских государств). В России складываются сегменты рынка труда, на которых трудовые мигранты из-за рубежа трудоустраиваются по этнотерриториальному принципу.

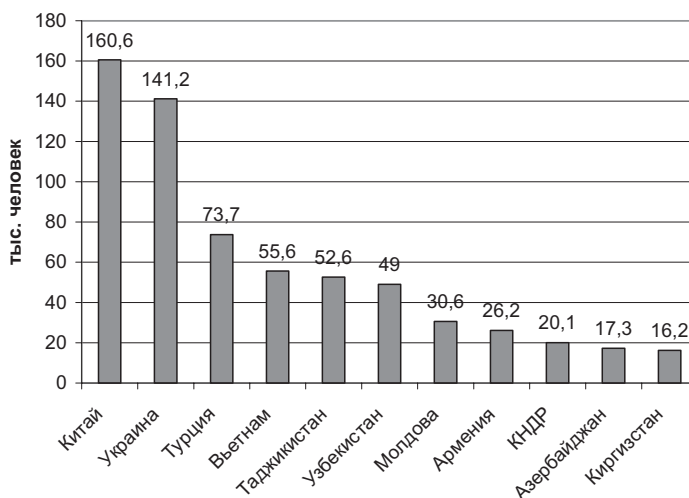
Иностранная рабочая сила привлекается в Россию почти из 120 стран. Согласно данным ФМС, крупнейшим поставщиком легальной рабочей силы в Россию уже долгое время является Украина, которая обеспечивала около трети, а в последние годы около четверти гастарбайтеров. В 2005 г. произошла смена лидера — на первое место вышел Китай, который обеспечил поставку в Россию каждого четвертого легального работника из-за рубежа. За последние годы в России значительно увеличилось количество трудовых мигрантов из Турции и Вьетнама (по данным за 2005 г. их численность составила 74 и 56 тыс. человек соответственно). В 2005 г. среди десяти крупнейших стран по поставке рабочей силы в Россию выделяются четыре страны дальнего зарубежья (Китай, Турция, Вьетнам и КНДР) и шесть государств СНГ (Украина, Таджикистан, Узбекистан, Молдова, Армения, Азербайджан).

Половозрастная структура иностранных работников достаточно стабильна: на протяжении многих лет около 90% из них составляют мужчины. Среди трудовых мигрантов немногим более 80% мужчин и 90% женщин находятся в возрасте от 18 до 39 лет. Наиболее многочисленна группа иностранных работников в возрасте 30—39 лет (около 40%).

Данные баланса трудовых ресурсов показывают, что оценочная численность иностранной рабочей силы в России несколько выше, чем свидетельствуют цифры ФМС. В 1998 г. в стране работали 549 тыс. иностранцев, в 1999 г. — 706 тыс., в 2000 г. — 699 тыс. и в 2001 г. — 675 тыс. человек. В пересчете со среднегодовой занятости на общую занятость гастарбайтеров в течение года эти цифры можно увеличить до 1,5—2 млн. человек [Попов 2003: 145—148]. К сожалению, при составлении баланса трудовых ресурсов Росстат ограничивается лишь общей оценкой работающих иностранцев без распределения их по отраслям экономики.

Рис. 4

Страны — лидеры по поставке рабочей силы в Россию в 2005 г.

Наблюдается огромный разрыв между официально регистрируемой численностью трудовых мигрантов, и реальными масштабами трудовой миграции. При этом в оценках нелегальной трудовой миграции расхождения достигают порою миллионов человек. Представители государственных структур достаточно высоко оценивают численность нелегальных трудовых мигрантов в России. Например, представители МВД РФ определяют нелегальную иммиграцию в России в размере 10 млн. человек [Нелегалов... 201: 4]. Некоторые политики говорят о 15 млн. нелегальных мигрантов в России. Однако государственные структуры не проводили исследований численности нелегальных трудовых мигрантов, поэтому эти данные весьма приблизительны. В 2005—2006 гг. ФМС попыталась провести исследование нелегальной миграции, но, к сожалению, ограничилась только опросом экспертов из числа академических исследователей.

Единственно приближенной к действительности оценкой численности нелегальных трудовых мигрантов можно считать сведения, полученные в ходе переписи населения 2002 г. Как отмечалось выше, она выявила в России около 2 млн. «лишних» людей, которые в большинстве своем могут быть незарегистрированными трудовыми мигрантами. Наши расчеты показывают, что нелегальных, или, точнее, незарегистрированных, мигрантов в России может пребывать не менее 5 млн. человек. Большинство из них — это граждане стран СНГ, которые имеют полное право приехать в Россию без визы, но затем не получают регистрацию по месту пребывания или разрешение на работу. Многие из них живут в России на протяжении нескольких лет, безвыездно либо периодически возвращаясь домой.

Оценки нелегальной трудовой миграции, сделанные А.В. Топилиным, свидетельствуют о пребывании в стране 7,5—8 млн. человек, из которых 5,5 млн. — граждане стран СНГ, остальные 2—2,5 млн. — выходцы из стран дальнего зарубежья [Топилин 2002: 132—133]. Более сдержанные оценки дает Е.С. Красинец: от 4 до 4,5 млн. нелегальных иммигрантов, из них от 1,8 до 2 млн. человек — из стран СНГ [Красинец 2000: 82]. Данные Ж.А. Зайончковской свидетельствуют, что в России находится 3—4 млн. трудовых мигрантов из СНГ, из которых половина зарегистрированы, а также одновременно проживает 100—150 тыс. афганцев, 80—100 тыс. вьетнамцев и около 400 тыс. китайцев [Население России... 2002: 137].

Распределение иностранных трудовых мигрантов по территории России происходит неравномерно. Хотя иностранная рабочая сила привлекается практически во все регионы страны, бесспорным лидером является Центральная Россия — здесь работает более 40% официально оформленных иностранных работников. Внутри региона абсолютными лидерами являются Москва, которая концентрирует около трети всех гастарбайтеров в стране, и Московская область (около 6% иностранных работников).

Москва обладает диверсифицированным и очень емким рынком труда. Все это привлекает временных трудовых мигрантов из регионов России, стран СНГ и других государств. В 2004 г. на рынок труда мегаполиса прибыло более 145 тыс. легальных иностранных трудовых мигрантов (почти в 3 раза больше, чем в 1995 г.). На самом деле объемы трудовой миграции на порядок выше. По данным баланса трудовых ресурсов, в Москве в 2003 г. трудились более 457 тыс. трудовых мигрантов. По разным оценкам, в Москве находятся от 0,5 тыс. до 3 млн. нелегальных (незарегистрированных) мигрантов. Данные государственных структур расходятся:

ФМС называет цифру в 0,5 млн. человек, Министерство здравоохранения и социального развития — 1,5 млн. человек. По нашим расчетам, основанным на результатах опроса экспертов из числа представителей всех префектур Москвы, незарегистрированная трудовая миграция (включая россиян, не имеющих регистрации по месту пребывания) добавляет к численности населения города 10—30% населения, т.е. порядка 1—3 млн. человек.

Второй центр притяжения иностранной рабочей силы в Российской Федерации — Уральский федеральный округ: здесь работает каждый шестой гастарбайтер. Столь высокая позиция региона в российском рейтинге объясняется особой привлекательностью нефтяных территорий Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов, которые занимают второе и третье места в стране среди всех регионов России. Здесь велика доля украинских гастарбайтеров, которые трудятся в нефтяной промышленности и строительстве.

Третий по привлекательности регион России — Дальний Восток: сюда отправляется каждый десятый иностранный работник. Здесь преобладает рабочая сила из Китая, КНДР и Вьетнама. Основная территория их трудоустройства — Приморский край, несколько меньше гастарбайтеров в Хабаровском крае и Амурской области.

Далее по стране в порядке убывания количества иностранных работников следуют Сибирский, Северо-Западный, Приволжский и Южный федеральные округа.

Легальная трудовая миграция имеет множество позитивных социально-экономических аспектов для России. Трудовые мигранты заполняют на рынке труда многие непрестижные ниши с тяжелыми условиями работы, на которые не всегда соглашаются местные жители. Этим поддерживается и стимулируется рост целых отраслей экономики. Наглядный пример — развитие строительной отрасли в крупных городах России, которая основана на использовании дешевой рабочей силы из-за рубежа.

В СНГ трудовая миграция породила мощный поток денежных переводов, поступающих из России в страны происхождения трудовых мигрантов их родственникам и семьям. Эти денежные суммы могут как проходить через официальные каналы (банковскую систему, систему денежных переводов), так и поступать в неучтенном виде через личные и семейные каналы. По некоторым данным, гастарбайтеры переводят и вывозят из России до 15 млрд. долл. ежегодно¹. При абсолютной прозрачности выплат это должно было бы давать нашей стране до 4,5 млрд. долл. налоговых отчислений (при ставке налога на доходы физических лиц — нерезидентов 30%), не говоря о социальных отчислениях. Однако многие мигранты работают нелегально и получают зарплату без уплаты налогов.

Нелегальная трудовая миграция имеет целый ряд негативных аспектов: она стимулирует рост теневой экономики и демпинг заработной платы, создает почву для коррупции и нарушения прав мигрантов, формирует замкнутые анклавные структуры и усиливает напряженность в принимающем обществе. Формирование этнических анклавов делает невозможной интеграцию мигрантов в общество.

¹ Сведения приведены В. Пимановым в телепередаче «Человек и закон» [Первый канал российского телевидения. 2003. 27 ноября].

В настоящее время в российском обществе сложилось несколько точек зрения на роль трудовой миграции и подходы к ее регулированию в России.

Первый подход — консервативный, представляющий трудовую миграцию исключительно как негативное по своим последствиям явление. Основная идея в отношении регулирования трудовой миграции связана с необходимостью закрытия страны от трудовых мигрантов и депортацией нелегальных мигрантов.

Вторая точка зрения — это либеральный проект, основанный на идее о том, что Россия обречена на использование и привлечение иностранной рабочей силы. Главная причина — недостаток трудовых ресурсов внутри страны в условиях роста экономики. Как полагают сторонники этого подхода, рабочие руки России может получить исключительно за счет трудовых мигрантов из стран ближайшего окружения, в том числе Китая и стран Азии. При этом потребности страны в мигрантах определить нельзя, а возможности рыночной экономики практически безграничны. Если люди едут в страну — значит, есть возможность для трудоустройства, главное — дать возможность рабочей силе свободно перемещаться.

Мы придерживаемся сдержанной позиции в отношении приема иностранных трудовых мигрантов. Как показывает анализ текущей ситуации и обобщение опыта регулирования трудовой миграции в разных странах мира, фундаментальной основой для формирования политики в отношении трудовой миграции из-за рубежа должно являться определение четких потребностей в рабочей силе. Они должны быть основаны в первую очередь на экономических и геополитических интересах России.

Поэтому прежде чем определять политику в отношении привлечения иностранных трудовых мигрантов, необходимо представлять размеры этих потребностей и непосредственно увязывать их с перспективами социально-экономического развития государства. Недавно в качестве такого приоритета на среднесрочную перспективу высказывалась идея удвоения ВВП. Очевидно, что достижение этой цели возможно двумя способами или их сочетанием. С одной стороны, можно увеличивать численность занятого населения (в том числе за счет гастарбайтеров). С другой стороны, можно и нужно повышать производительность труда, обновлять оборудование и развивать передовые технологии, стимулируя налоговыми инструментами предпринимателей, вкладывающих средства в модернизацию производства.

Аргументы работодателей в пользу найма иностранцев не всегда однозначны. В частности, мы полагаем, что найм иностранных работников московским работодателям выгоден в настоящее время потому, что большинство мигрантов — нелегалы. Они сильно зависимы от работодателя, на них можно экономить (платить меньше или вообще не платить), их легче держать в подчинении и запугивать отсутствием регистрации, разрешения на работу или невыплатой заработной платы. Хотя очевидно, что при повышении зарплаты в секторах, концентрирующих иностранных работников, часть мест может быть занята местным населением. Некоторые работодатели отмечают, что лучше нанимать работника, у которого в городе есть жилье, который обустроен и связывает свою жизнь с этим городом на долгосрочную перспективу, имеет здесь семью и детей. Но в этом случае надо повышать зарплату и соблюдать трудовое законодательство. А к такому повороту готовы не все работодатели — очень уж велик со-

блази существенно сэкономить в издержках на труд. Причем делают это все — начиная от обычного человека, который нанимает гастарбайтера для ремонта квартиры, и заканчивая крупными предприятиями.

Противоречия современной миграционной политики России

Россия испытывает растущую потребность в населении и трудовых ресурсах. При этом Концепция демографического развития страны и практика регулирования миграционных процессов совершенно противоречат друг другу. Президент и правительство неоднократно декларировали необходимость привлечения в Россию мигрантов, подчеркивая важность и неизбежность решения демографических проблем в стране за счет миграции. Данную идею четко обозначил в своем последнем послании Федеральному собранию 25 апреля 2005 г. Президент России В.В. Путин: «Рост численности населения должен сопровождаться осмысленной иммиграционной политикой. Мы заинтересованы в притоке квалифицированных легальных трудовых ресурсов».

В 2001 г. в России была принята Концепция демографического развития страны на период до 2015 г. В ней целями демографического развития России заявлены «стабилизация численности населения и формирование предпосылок к последующему росту», «регулирование миграционных потоков в целях... замещения естественной убыли населения». В качестве приоритетов демографического развития в области миграции и расселения провозглашаются: «необходимость привлечения иммигрантов в Россию, в первую очередь из государств — участников СНГ, а также Латвии, Литвы, Эстонии», «проведение комплекса правовых, организационных и финансовых мер, направленных на легализацию и адаптацию иммигрантов», «разработка мер, направленных на повышение территориальной мобильности рабочей силы», и т.п.

Концепция демографического развития России обозначает абсолютно адекватные времени цели: «России жизненно необходимы мигранты!» Данную точку зрения разделяют многие ведущие эксперты в вопросах миграции населения. Однако на уровне практики регулирования миграции в России наблюдаются явные противоречия с концептуальной идеей демографического развития. Эти противоречия проявляются на трех уровнях — государства (макро-), регионов (мезо-) и индивида (микроуровень).

На *макроуровне* (уровне государства) наблюдается несоответствие нормативно-законодательных актов федерального уровня и действий федеральных властей. В свою очередь это выражается в нескольких противоречиях.

1. Концепции демографического развития не соответствует принятая несколько позже (2003 г.) Концепция регулирования миграционных процессов в России.

2. Нормативно-законодательные акты, задающие «правила игры» в сфере регулирования миграции в России (например, Закон о гражданстве и др.), не соответствуют Концепции демографического развития России.

3. Реорганизация Миграционной службы России и передача ее функций МВД — неэффективное мероприятие, означающее регресс в сфере формирования миграционной политики в России: миграционная политика практически исключительно сводится к функциям контроля над пото-

ком мигрантов. Однако же миграционную политику следует понимать гораздо более широко — как систему общепринятых на уровне идей и концептуально объединенных средств, с помощью которых государство, а также его общественные институты, соблюдая определенные принципы, соответствующие конкретно-историческим условиям страны, предполагают достижение целей, адекватных как этому, так и последующему этапу развития общества.

Мезоуровень — противоречия, существующие на уровне регионов России в законодательном пространстве, общественно-политическом сознании. С одной стороны, отмечается рассогласование деятельности в области нормативно-законодательного регулирования миграции населения, властей некоторых регионов страны с действиями федеральных властей. Порой региональные власти принимают законы, противоречащие федеральному законодательству, а их затем отменяет Конституционный суд. Федеральные власти закрывают глаза на нелегитимные действия региональных властей. Наиболее яркий пример — Москва и Краснодарский край с их достаточно жесткой системой регистрации мигрантов, или Ставропольский край с его иммиграционным Кодексом, существенно ограничивавшим права не только внешних мигрантов, но и граждан России.

С другой стороны, отмечается активная эксплуатация региональными властями, политическими партиями и кандидатами в губернаторы миграционной тематики в политических целях, наблюдается прямая или скрытая поддержка радикально настроенных политических партий и общественных объединений в регионах, выступающих против мигрантов и защищающих интересы коренного населения. Наиболее яркие примеры — регионы Юга России, особенно Краснодарский край.

Микроуровень (уровень отдельного человека) — наиболее близкие простым людям противоречия Концепции демографической политики и практики регулирования миграции. Во-первых, в России получили широкое распространение неформальные практики взяточничества: поборы с мигрантов со стороны чиновников и сотрудников милиции. Госслужащими на местах возведены необоснованные барьеры к получению гражданства, регистрации по месту жительства и месту пребывания, получению работы, доступа к социальным услугам (образованию, здравоохранению, дошкольному воспитанию и пр.). На этом фоне процветают фирмы, которые за относительно небольшую плату готовы оказать помощь в регистрации по месту пребывания и жительства, получении разрешения на работу и пр. Во-вторых, на бытовом уровне в России растут национализм, мигрантофобия, ксенофобия и нетерпимость к отдельным национальным группам мигрантов со стороны не только радикальных политических партий и организаций.

Потенциал миграции и приоритетные направления миграционной политики России

Внешняя миграция в настоящее время может рассматриваться как один из реальных компонентов сокращения масштабов депопуляции и удовлетворения потребностей рынка труда в трудовых ресурсах. Если в течение ближайших 20 лет миграционный прирост будет полностью компенсировать естественную убыль (в эти годы его величина должна составить 9,8 млн. человек), то численность населения сохранится стабиль-

ной, что будет соответствовать стратегической цели демографического развития России. Вся естественная убыль вполне может быть компенсирована миграционной компонентой. Это вполне возможно при продуманной миграционной политике.

Отказ от непоследовательной и противоречащей геополитическим интересам страны миграционной политики, которая проводилась в прошлом и частично проводится до сих пор, позволит привлечь необходимые миллионы мигрантов — будущих граждан России. Это вполне реальная задача. В 1990-е гг. миграционная политика России, по сути, была направлена на сдерживание притока мигрантов. Тем не менее в 1993—1998 гг. миграционный прирост в среднем за год составлял 470 тыс. человек.

Сразу после распада Советского Союза этой ситуацией Россия воспользовалась не в полной мере. Благодаря миграции за межпереписной период с 1989 по 2002 г. численность русских в России увеличилась на 3,4 млн. человек. В наибольшей мере население страны пополнили выходцы из Казахстана, Средней Азии и Закавказья. Масштабы репатриации русских значительно сократились в последние годы, причем не столько потому, что в странах нового зарубежья сократился миграционный потенциал, сколько потому, что Россия проводила жесткую миграционную политику и сама отталкивала от себя мигрантов. Очевидно, что страна не воспользовалась благоприятной политической конъюнктурой того времени.

До сих пор в странах нового зарубежья сохранился достаточно большой миграционный потенциал из числа титульных народов России. В Украине примерно 1,8 млн. русских во время переписи населения 2002 г. назвали себя украинцами, в Казахстане — 450—500 тыс. человек, в Беларуси — порядка 200 тыс. человек. Из общего числа русских, проживавших в 1989 г. в странах, возникших на постсоветском пространстве, не менее 2,5 млн. изменили свою национальную принадлежность. Незначительное количество русских эмигрировало в страны старого зарубежья. Естественная убыль русских за время, прошедшее после переписи 1989 г., составила примерно 1,5 млн. человек. Таким образом, в новом зарубежье остается примерно 17—18 млн. русских. Вместе с другими титульными для России народами — около 20 млн. человек.

Ограничения в использовании этого миграционного потенциала связаны с тем, что часть населения уже перешла в состав пенсионеров (к тому же в ряде стран размер пенсии больше, чем в России), а родившиеся после 1991 г. социализировались уже в новой социально-экономической и политической ситуации. Чем дальше, тем меньше будет возможностей привлекать русскоговорящих мигрантов в Россию из нового зарубежья. К тому же некоторые страны СНГ активизировали политику возвращения соотечественников из-за рубежа: идея возвращения украинцев на историческую родину обсуждается в Украине; в Беларуси в 2002 г. был принят Закон о демографической безопасности, в котором сформулирована задача содействия добровольному возвращению белорусов на этническую родину.

Однако в настоящее время создались благоприятные условия для реализации идеи привлечения мигрантов и «собираания российской нации». По аналогии с началом 1990-х гг. в настоящее время во многих республиках бывшего СССР отмечается второй этап антироссийских и антирусских настроений. В странах Балтии не только не прекратились, но и акти-

визировались притеснения русскоязычного населения. Здесь наблюдается открытая дискриминация по языку, подавляющая часть русскоязычного населения не имеет гражданства и лишена основных прав, происходит закрытие русских школ, продолжаются процессы выселения бывших военнослужащих советской армии и суды над ветеранами Великой Отечественной войны, власти не пытаются пресечь деятельность националистических и неонацистских объединений. В Украине усиливается нажим властей на сокращение использования русского языка, выпускники русских школ не могут поступить в вузы, которые переходят на обучение на украинском языке, в Крыму усиливаются ваххабистские течения среди крымских татар. Произошли политические потрясения в странах СНГ («цветные революции» в Украине, Грузии, Киргизии и Узбекистане), которые могут способствовать росту антирусских настроений в этих государствах.

Второй раз в новейшей истории России создалась очень благоприятная ситуация для возвращения соотечественников на историческую родину. Повторение подобных событий на новом витке истории дает стране очередной шанс, которым власти должны воспользоваться, чтобы решить демографические, геополитические и социально-экономические проблемы. Основным приоритетом миграционной политики должно стать привлечение населения из стран нового зарубежья, в первую очередь оставшихся там соотечественников. Мигранты из стран нового зарубежья поедут в Россию не только при более стабильной социально-экономической ситуации, но и при условии более либеральной миграционной политики.

Адекватная миграционная политика может вернуть в Россию несколько миллионов соотечественников. За счет привлечения мигрантов из нового зарубежья мы сможем решить проблему сокращения численности населения на среднесрочную перспективу, а также получить достаточно квалифицированные и адаптированные к нашей экономике трудовые ресурсы.

Для сохранения стабильной численности населения необходимо, чтобы среднегодовой миграционный прирост в течение 2005—2024 гг. составлял примерно 0,5 млн. человек. В расчете на ближайшее десятилетие это примерно 5 млн. человек. Расширение географии стран выхода мигрантов при соответствующем квотировании и диффузном расселении дополнительно к этому 10—15 млн. человек — выходцев из стран Юго-Восточной и Центральной Азии не окажут сколько-нибудь заметного влияния на этнокультурный состав населения России.

Именно сейчас России необходимо воспользоваться этим шансом и максимально облегчить доступ и процедуры получения российского гражданства, расширить круг потенциальных получателей гражданства, дать четкие государственные гарантии для организации переезда в страну и обустройства на месте соотечественникам из стран СНГ. Миграционная политика должна учесть возможность легализации тех соотечественников, которые уже давно живут и работают в России нелегально и полулегально.

Важным приоритетом в реализации миграционной политики также должны стать доступные и прозрачные порядок и процедура привлечения мигрантов в страну, т.е. сокращение времени и затрат российских работодателей для получения необходимого количества временных трудовых мигрантов в качестве легальной рабочей силы.

Для эффективного решения вопросов регулирования миграции необходима обоснованная концепция миграционной политики России, учитывающая геополитические, экономические и демографические интересы страны. Она должна быть составной частью стратегии демографического развития российского государства и включать следующие направления:

- привлечение иммигрантов, в первую очередь соотечественников (представителей титульных народов России) на постоянное место жительства из государств нового зарубежья для замещения естественной убыли населения страны (сальдо миграции должно быть как минимум не меньше масштабов естественной убыли населения);
- привлечение трудовых мигрантов из государств нового и старого зарубежья в отрасли и регионы в соответствии с экономическими и геополитическими интересами России (объемы трудовой миграции должны покрывать дефицит в трудовых ресурсах на рынке труда);
- сокращение всеми возможными способами масштабной эмиграции из страны на постоянное место жительства за рубеж россиян, в том числе высококвалифицированных кадров;
- расселение внутрироссийских мигрантов и иммигрантов из числа соотечественников, а также закрепление постоянного населения в важных с геополитической точки зрения регионах страны (прежде всего в приграничных районах Сибири и Дальнего Востока).

Система мер миграционной политики должна находиться в правовом поле международных актов, регламентирующих перемещение населения между государствами, защищающих права мигрантов, обеспечивающих гарантии в различных сферах жизнедеятельности, и при этом отвечать национальным интересам России.

Наряду с мерами либерализации миграционной политики Россия должна сохранять постоянный контроль в вопросах законности пересечения границы и использования рабочей силы работодателями, соблюдения условий труда мигрантов, их прав и сроков пребывания, налоговых и социальных отчислений с зарплат мигрантов. Параллельно с либерализацией процедур по привлечению легальных мигрантов должны быть серьезно ужесточены наказания за содействие и организацию нелегальной миграции, незаконный въезд, пребывание и занятость, нарушение прав мигрантов и нелегальное использование их труда работодателями. Подобная комбинация мер позволит вывести из сферы криминала и теневой экономики использование труда мигрантов и, в конечном счете, будет способствовать социально-экономическому и демографическому развитию России.

Литература

Аммосов Ю. Калифорния ставит на нас // Эксперт. 2003. № 32. 1 сентября.

Бирлсбрроу Е.Р., Хьюго Г., Обераи А.С., Злотник Х. Статистика международной миграции. Женева: МОТ, 1999.

Гельбрас В.Г. Китайская миграция и китайские землячества в России // Международная миграция: Каир+10: Сб. статей. М.: МАКС Пресс, 2004.

Дацышен В.Г. Гастарбайтеры на востоке России: масштабы явления, перспективы и проблемы // «Мост через амур». Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке: Сборник материалов междуна-

родного исследовательского семинара / Под ред. В.И. Дятлова. М., Иркутск: Наталис, 2004.

Дежина И. Уехавших плохо считают // Общая газета. 2001. № 9. 28 февраля — 6 марта.

Демоскоп Weekly. 2003. № 135—136. http://demoscope.ru/weekly/2003/0135/s_map.php

Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации «Русский язык в мире». М., 2003.

Золотых А. Азиатский тигр на дальневосточной тропе // Миграция в России. 1999. Октябрь — ноябрь.

Красинец Е.С., Барина Н.М. Гастарбайтеры в России // Социологические исследования. 1996. № 3. <http://ecsocman.edu.ru/socis>

Красинец Е., Кубишин Е., Тюрюканова Е. Нелегальная миграция в Россию. М.: Academia, 2000.

Кузнецов В.Н. Общенациональная цель: безопасность и благополучие человека как фундаментальная проблема российских общественных наук / Доклад на заседании Президиума Российской Академии социальных наук. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2004.

Ларин В. Посланцы Поднебесной на Дальнем Востоке России // Диаспоры. № 2—3, 2001.

Марченко Г., Мачульская О. Рейтинг инвестиционной привлекательности российских регионов: 2002—2003 годы // Эксперт. 2003. № 43. 17—23 ноября.

Маховская О. Как стать счастливой заочно // Иностранец. 2004. № 1.

Международная миграция и развитие. Доклад Генерального секретаря ООН на 16-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 2006.

Население России 2002. Десятый ежегодный демографический доклад. М.: Книжный дом «Университет», 2004.

Некипелова Е. Сибиряки — впереди // Иностранец. 2004. № 1. 12 января.

Нелегалов в России оказалось на 9 миллионов больше // Иностранец. 2001. № 41. 6 ноября.

Олимова С., Боск И. Трудовая миграция из Таджикистана. Душанбе: МОМ, 2003.

Основные итоги всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2002.

Понкратова Л. Международная миграция населения на Дальнем Востоке: трансформация потоков и основные тенденции // Международная миграция: Каир+10: Сб. статей. М.: МАКС Пресс, 2004.

Перминова Е. Рыночная гримаса на лице российской науки // Валовой внутренний продукт. 2004. № 3.

Попов А.Д. Иностранная рабочая сила в экономике России // Миграция населения и перспективы демографического развития России / Международная научно-практическая конференция. 22 ноября 2002 г. М., 2003.

Прибыткова И.М. Трудовая миграция населения Украины в условиях трансформации экономических и общественных отношений // Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты / Отв. ред. Ж.А. Зайончковская. М., 2003.

Рыбаковский Л.Л., Захарова О.Д., Миндогудов В.В. Нелегальная миграция в приграничных районах Дальнего Востока: история, современность, последствия. М.: Гуманитарий, 1994.

Рыбаковский Л.Л., Карпова Ю.Ю. Россия и Украина: миграционный обмен населением. М.: Центр социального прогнозирования, 2004.

Рыбаковский Л.Л., Тарасова Н.В., Гришанова А.Г. и др. Миграционная ситуация на Дальнем Востоке: история и современность. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 1999.

Рыклина В. Брак на экспорт // Newsweek. 2004. № 19. 11—17 октября.

Рязанцев С.В. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции. Ставрополь: Кн. изд-во, 2001.

Сироту усыновили // Коммерсантъ-Власть. 2004. № 34. 30 августа.

С МОМом ближе к дому // Иностранец. 2003. 30 ноября.

Топилин А.В. СНГ: Демографический потенциал, миграция, рынок труда. М.: Экон-информ, 2002.

Тренин Д. Китайская проблема России / Московский фонд Карнеги. М., 1998.

Труд и занятость в России: Статистический сборник / Госкомстат РФ. М., 2003. С. 301; Труд и занятость в России: Статистический сборник / Госкомстат РФ. М., 1999. С. 237.

Чудиновских О.С. Учет миграции в России: причины и последствия кризиса // Демоскоп Weekly. 2005. № 185—186. 10—23 января. <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0185/print.php>

Focus on Labour Migration in Central and Eastern Europe. Vol. 1. No. 1. Geneva: ILO, 1998.

Pannossian R. Courting a Diaspora: Armenia-Diaspora Relations since 1998 // International Migration and Sending Countries: Perceptions, Policies and Transnational Relations / Ed. by E. Ostergaard-Nielsen. N.Y.: Palgrave, 2003.

Т.Л. Клячко

Социально-экономическое развитие российской системы образования в 2000—2005 гг.

1. Изменения в уровне образования населения и в системе образования

Процессы, которые протекали в российской системе образования в 2000—2005 гг., были разнообразны по своей природе и определялись целым набором факторов. Важнейшими среди них являлись:

- 1) государственная политика в сфере образования;
- 2) внешние по отношению к образованию трансформации социальной и экономической среды, которые были характерны для этого периода;
- 3) изменение нормативно-правовых условий, в которых функционировала система образования;
- 4) тенденции, которые сложились в образовании с середины 1990-х гг. и усилились после финансового кризиса 1998 г.;
- 5) социальные установки населения;
- 6) демографическая ситуация.

Российская Федерация является страной с высоким уровнем образования населения. По данным переписи 2002 г. лица, имеющие высшее (полное и неполное), а также среднее профессиональное образование, составили 462 человек на 1000 человек в возрасте 15 лет и более (табл. 1).

Таблица 1. Уровень образования населения в возрасте 15 лет и более (по данным переписей населения)

Годы	На 1000 человек соответствующего возраста имеют образование					
	высшее профессиональное	неполное высшее профессиональное	среднее профессиональное	среднее (полное) общее	основное общее	начальное общее
1959	27	12	58	63	234	306
1970	50	15	83	123	284	241
1979	77	17	127	204	272	185
1989	113	17	192	274	210	129
2002	160	31	271	258*	182*	77

* Включая лиц, окончивших профессионально-технические училища. Согласно закону «Об образовании» учтены как имеющие среднее (полное) образование.

По последней советской переписи 1989 г. этот показатель равнялся 322 человекам. Учитывая сокращение населения России за указанный период с 147,0 до 145,0 млн. человек, получаем, что число тех, кто имеет высшее и среднее профессиональное образование среди населения старше 15 лет, выросло за 14 лет (с 1989 по 2002 г.) в 1,4 раза.

Среди занятого населения в 2003 г. удельный вес лиц с высшим образованием (полным и неполным) составил 25,2%. По этому показателю Россия входит в первую тройку стран, уступая только США и Норвегии.

Вместе с тем следует отметить, что пик данного показателя был пройден в 2001 г. — 26,3%. Изменялась в этот период и доля работающих со средним профессиональным образованием: в 2001 г. она составляла 31,1%, в 2002 г. выросла до 32,2%, а в 2003 г. упала до 26,9%. В результате удельный вес занятых в экономике с высшим и средним профессиональным образованием начиная с 2002 г. стал снижаться: в 2002 г. он достиг 58,3%, а в 2003 г. упал до 52,2%. Данное изменение структуры связано с тем, что среди работающих увеличивается, причем стремительно, доля имеющих начальное профессиональное образование (оно востребовано рынком труда) и менее быстро — основное общее.

Демографический фактор играет все большую роль в развитии системы образования в России. Если в дошкольном образовании длительный спад контингентов закончился и даже наметилась некоторая тенденция роста числа детей, посещающих детские образовательные учреждения (табл. 2), то в общеобразовательных учреждениях число учащихся продолжает сокращаться (табл. 3), а в учебных заведениях начального профессионального образования этот процесс только начался: выраженное падение контингентов наблюдается здесь с 2004 г. (табл. 4). В среднем профессиональном образовании контингент до сих пор достаточно стабилен, но уже ожидается его сокращение (табл. 5)¹. В высшем образовании контингенты продолжают расти (табл. 6), но с 2005/06 учебного года стало падать число принимаемых в вузы².

Таблица 2. Дошкольные образовательные учреждения (на конец года)

Годы	Число дошкольных образовательных учреждений — всего, тыс.	в том числе		Численность детей в дошкольных образовательных учреждениях — всего, тыс. человек	в том числе		Число детей, приходящихся на 100 мест в дошкольных образовательных учреждениях		
		в городах и поселках городского типа	в сельской местности		в городах и поселках городского типа	в сельской местности	всего	в городах и поселках городского типа	в сельской местности
2000	51,3	28,6	22,7	4263,0	3408,5	854,5	81	88	62
2001	50,0	27,9	22,1	4246,3	3383,9	862,4	83	90	65
2002	48,9	27,4	21,5	4267,3	3398,2	869,1	86	92	67
2003	47,8	27,0	20,8	4321,3	3444,4	876,9	88	95	69
2004	47,2	26,7	20,5	4422,6	3528,1	894,5	92	99	72

На начало 2005 г. 805 тыс. детей нуждались в устройстве в дошкольные образовательные учреждения.

¹ По последним данным Росстата, сокращение началось с 2005/2006 учебного года: численность студентов ссузов сократилась до 2461,9 тыс. человек, или на 1,7%.

² В 2004/05 учебном году начало сокращаться число принятых в государственные и муниципальные вузы, но тогда сократился исключительно платный прием.

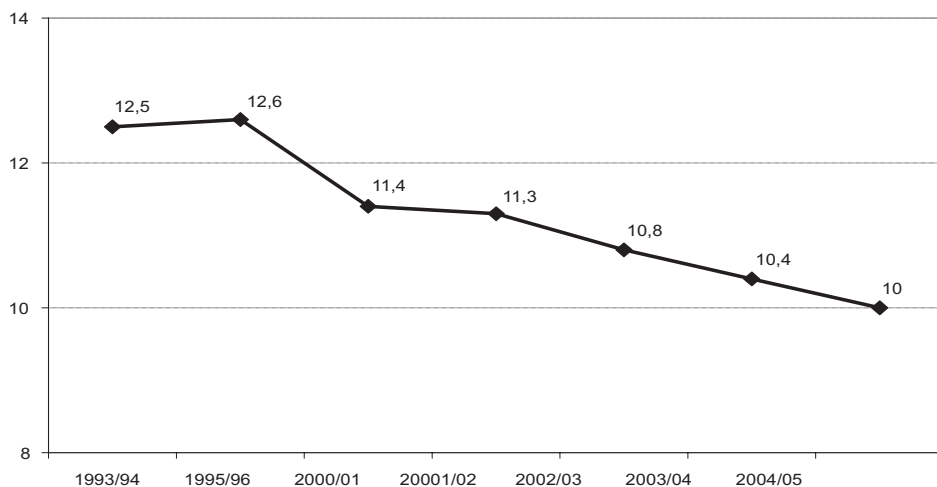
Таблица 3. Численность учащихся и учителей в общеобразовательных учреждениях на начало учебного года, тыс. человек

	2000/01	2001/02	2002/03	2003/04	2004/05
Число общеобразовательных школ (тыс. ед.)	68,8	68,7	67,4	66,2	64,9
В том числе дневных государственных и муниципальных	66,4	66,2	65,0	63,9	62,4
негосударственных	0,368	0,525	0,635	0,683	0,707
Численность учащихся в общеобразовательных учреждениях — всего (тыс. человек)	20554	19909	18918	17798	16631
В том числе:					
в дневных	20074	19429	18440	17323	16168
Из них:					
в государственных и муниципальных	20013	19363	18372	17254	16098
в негосударственных	61	66	68	69	70
в государственных и муниципальных вечерних (сменных), включая обучавшихся заочно	480	480	478	475	463
Численность учителей в общеобразовательных учреждениях — всего (тыс. человек)	1767	1736	1719	1684	1633
В % к предыдущему году	100	98,2	99,0	98,0	97,0
В % к 2000 г. (2000 = 100%)	100	98,2	97,3	95,3	92,2
В том числе:					
в государственных и муниципальных	1751	1719	1701	1666	1614
в % к предыдущему году	100	98,1	99,0	97,9	96,9
в % к 2000 г. (2000 = 100%)	100	98,1	97,1	95,1	92,2
в негосударственных	16	17	18	18	19
в % к предыдущему году	100	106,0	105,9	100	105,6
в % к 2000 г. (2000 = 100%)	100	106,0	112,5	112,5	118,8

В последние годы, несмотря на различные меры по реструктуризации сети и сокращению числа школ (с 2000 по 2005 г. оно уменьшилось почти на 5 тыс.), продолжается падение числа учащихся, приходящихся на одного учителя: в 2004/2005 учебном году оно уже опустилось до 10 : 1 (рис. 1).

Этот показатель по европейским и американским меркам считается крайне низким даже с учетом российских расстояний и структуры (в качестве нормального рассматриваются показатели 15 : 1 для начальной школы, 25 : 1 для основной, 20 : 1 для старшей)³.

³ См., например: [Образование в странах... 2002].

Соотношение «учитель-ученик» в общеобразовательных школах (число учащихся, приходящихся на одного учителя)

Рассчитано по: [Россия в цифрах 2006].

Таблица 4. Учреждения начального профессионального образования (на конец года)

Все учреждения начального профессионального образования	Число учреждений	Численность учащихся в них, тыс. человек	Принято учащихся, тыс. человек	Подготовлено (выпущено) квалифицированных рабочих, тыс. человек
2000	3893	1679	845	763
2001	3872	1649	837	759
2002	3843	1651	842	745
2003	3798	1649	823	722
2004	3686	1604	783	708
В том числе				
дневные учреждения	3333	1523	667	594
В них:				
профессиональные лицеи, центры	798	450	197	162
непрерывного профессионального образования				
отделения на базе основного общего образования	3067	1177	427	350
отделения на базе среднего (полного) общего образования	2394	205	155	154
общего образования				
группы, в которых молодежь не получает среднего (полного) общего образования	1774	140	84	89
вечерние (сменные) и другие учреждения	353	81	116	114

Соответственно можно сделать вывод, что действующая сеть школ нуждается в дальнейшей оптимизации. Однако этот процесс сталкивается с серьезными социальными ограничениями, особенно в дотационных регионах с высоким уровнем безработицы, когда высвобожденные учителя не могут найти другую работу. В то же время возрастная структура учительских кадров, которая сложилась к настоящему моменту, не может не вызывать тревоги, поскольку 47% работающих учителей (т.е. почти половина) — это лица пенсионного (17%) и предпенсионного возраста (30%).

Начальное профессиональное образование (НПО) в последние годы рассматривается как один из наиболее проблемных секторов системы образования. При том, что в структуре занятых увеличивается доля лиц, имеющих данный уровень образования, в растущей экономике все более остро ощущается нехватка квалифицированных рабочих кадров. Привлечение мигрантов (в том числе нелегальных), которое идет все более интенсивно, данной проблемы не решает, поскольку они в основном используются на местах тяжелого, неквалифицированного труда. Крупный бизнес постепенно стал фактически включать учебные заведения НПО в свои структуры, вкладывать значительные средства в подготовку рабочих. Однако такая политика не может быть реализована предприятиями среднего, и особенно малого бизнеса: они не имеют на это необходимых ресурсов. Кроме того, подростки, которые оканчивают учебные заведения НПО в возрасте 17—18 лет, практически сразу уходят служить в армию, поэтому у обучающихся нет мотивации к полноценной учебе, к получению востребованной рынком профессии. После демобилизации молодые люди могут сменить профессию, место жительства, или то и другое (и, как правило, меняют). Соответственно работодателю невыгодно развивать учебные заведения НПО, готовящие по «мужским» профессиям. Точнее, они готовы их поддерживать, но только при подготовке или переподготовке уже взрослого контингента (прошедшего армию), определившегося в профессиональном плане, в собственных жизненных устремлениях.

Таблица 5. Государственные и муниципальные учебные заведения среднего профессионального образования (на начало учебного года)*

	2000/01	2001/02	2002/03	2003/04	2004/05
Число средних специальных учебных заведений	2589	2595	2626	2627	2637
В том числе колледжи	989	1010	1056	1111	1143
В них студентов, тыс. человек	2309	2410	2489	2502	2504
В том числе в колледжах	1070	1113	1168	1222	1240
На 10 тыс. человек населения приходилось студентов средних специальных учебных заведений	160	167	173	174	175
Из общей численности студентов обучалось на отделениях, тыс. человек:					
очных	1698	1757	1808	1843	1878
очно-заочных (вечерних)	87	88	85	81	76
заочных	519	559	589	571	542
экстернат	5	5	7	7	8
Численность преподавателей (штатный персонал), тыс. человек	129,5	130,7	134,2	135,6	137,1

* На начало 2004/05 учебного года в Российской Федерации работало 188 негосударственных учебных заведений СПО с числом студентов 96,0 тыс. человек (в 2003/04 учебном году — соответственно 182 учебных заведения и 110,5 тыс. студентов).

По данным Росстата, в 2004 г. впервые за 10 лет сократился прием в государственные и муниципальные учебные заведения среднего профессионального образования (СПО) — на 12 тыс. человек, или на 1,4% по сравнению с 2003 г. В 2005 г. сокращение достигло уже 41,6 тыс. человек. Стала падать и доля тех, кто обучается в учебных заведениях СПО на платной основе — с 38,8% в 2004 г. до 38,3% в 2005 г. Поскольку аналогичный процесс начинает распространяться и на вузы, то можно предположить, что часть выпускников школ, которые в силу нехватки средств раньше шли на платной основе учиться в ссузы (цены платного обучения в учебных заведениях СПО в среднем в 1,5 раза ниже средних цен обучения в вузах), начнут постепенно поступать в «дешевые» негосударственные и государственные высшие учебные заведения, поскольку конкуренция на этом рынке будет расти, и цены могут начать снижаться. Попытка вузов удержать стабильность континентов может выразиться также в интенсификации процесса создания университетских комплексов и присоединения ссузов к вузам в рамках этих мероприятий. Еще одним толчком в указанном направлении может стать переход на двухуровневую систему высшего образования (бакалавриат-магистратура) с преобразованием значительной части учебных заведений СПО в технический (технологический) бакалавриат.

Таблица 6. Высшие учебные заведения (на начало учебного года)

	2000/01	2001/02	2002/03	2003/04	2004/ 05
Число высших учебных заведений — всего	965	1008	1039	1046	1071
В том числе					
государственные и муниципальные	607	621	655	654	662
негосударственные	358	387	384	392	409
Численность студентов — всего, тыс. человек	4742	5427	5948	6456	6884
В том числе в учебных заведениях					
государственных и муниципальных	4271	4797	5229	5596	5860
Из них обучалось на отделениях					
очных	2442	2657	2862	3010	3144
очно-заочных (вечерних)	259	285	299	302	300
заочных	1519	1784	1973	2165	2279
экстернат	51	71	95	119	137
негосударственных	471	630	719	860	1024
Из них обучалось на отделениях					
очных	183	224	242	267	290
очно-заочных (вечерних)	44	50	47	50	61
заочных	243	355	427	539	663
экстернат	1	1	3	4	10
На 10 тыс. человек населения приходилось студентов высших учебных заведений	327	376	415	448	480
в том числе государственных и муниципальных	294	332	365	393	408
Численность профессорско-преподавательского персонала в высших учебных заведениях, тыс. человек					
государственных и муниципальных*	265,2	272,7	291,8	304,0	313,6
негосударственных**	42,2	46,9	47,8	50,1	50,7

* Штатный персонал.

** Общая численность преподавателей, включая работавших на условиях штатного со-вместительства.

Рассчитано по: [Россия в цифрах 2006].

Прием в вузы, начиная с 2000 г., стал стабильно превышать число выпускников средних школ (рис. 2).

С 2004 г. выпуски из школ стали сокращаться, но прием в вузы еще рос, в 2005 г. начал сокращаться и прием (на 3,3% по сравнению с 2004 г.), но превышение числа поступивших в вузы над числом окончивших среднюю школу продолжало сохраняться, а в последний год указанный разрыв даже вырос после небольшого уменьшения в 2004 г.

Тот факт, что в 2005 г. разрыв между числом поступивших в вузы и окончивших среднюю школу вновь стал увеличиваться по сравнению с 2004 г., свидетельствует, на наш взгляд, о том, что начинается перераспределение абитуриентов между учебными заведениями СПО и вузами.

В 2005 г. впервые с 2000 г. сократился бюджетный прием в высшие учебные заведения, в 2004 г. он еще вырос на 6 тыс. человек, хотя одновременно уменьшился платный прием в государственные и муниципальные вузы, причем достаточно резко — на 27 тыс. человек. Это сокращение было «компенсировано» инерционным ростом приема в негосударственные вузы, который в рассматриваемом году увеличился на 42,7 тыс. человек. Динамика приема в государственные и негосударственные высшие учебные заведения в 2000/2001 — 2005/2006 учебных годах представлена в табл. 7.

Таблица 7. Динамика приема в государственные и негосударственные вузы в 2000—2005 гг.

Годы	Государственные и муниципальные вузы			Негосударственные вузы
	Всего	Бюджетный прием	Платный прием	
2000/01	1140,3	586,8	553,5	152,2
2001/02	1263,5	587,9	675,6	198,2
2002/03	1299,9	608,0	691,9	204,0
2003/04	1411,7	622,6	789,1	231,7
2004/05	1384,5	628,6	755,9	274,5
2005/06	1362,7	609,7	753,0	268,0

Источник: [Россия в цифрах 2006].

В системе высшего образования в 2000—2005 гг. произошли изменения, принципиальные для дальнейшего развития этого сегмента системы образования.

Во-первых, в 2000 г. фактически сравнялись величины бюджетного и платного приема в государственные (и муниципальные) вузы. В последующие годы платный прием в государственные и муниципальные вузы стал превышать бюджетный. Темпы роста платного приема в государственных вузах с середины 1990-х гг. постоянно обгоняют темпы роста бюджетного, а темпы роста приема в негосударственные вузы обгоняют показатели государственных высших учебных заведений. В результате платный прием начинает существенно превосходить бюджетный, так что платный контингент студентов вузов начинает превалировать над бесплатным. В 2005 г. доля студентов, обучающихся на платной основе, в общей численности студентов государственных и негосударственных вузов превысила 60%. В 2002 г. государство начинает увеличивать бюджетный прием, чтобы несколько сгладить дисбаланс между платным и бесплатным приемами, но быстро проигрывает эту битву и, учитывая демографические процессы, идет на снижение бюджетного приема. Можно ожидать, что этот выбор знаменует переход от стратегии экстенсивного роста к новой — интенсивного развития. Вопросы расширения доступности высшего образования начинают уступать место повышению его качества. Все отчетливее встает вопрос о доступности именно качественного высшего образования для различных слоев и групп населения.

Во-вторых, высшее образование становится фактически всеобщим. Общая численность студентов российских вузов превысила в 2005/06 учебном году 7 млн. человек (напомним, что численность учащихся школ составила в этом же году 16,5 млн. человек при сроке обучения, более чем в 2 раза превышающем средний срок обучения в вузе). За 15 лет контингент высшей школы увеличился более чем в 2,5 раза.

В-третьих, получение высшего образования в 2000—2005 гг. становится социальной нормой для населения России. Проведенное в 2002 г. всероссийское репрезентативное исследование Фонда «Общественное мнение» выявило, что более 80% респондентов во всех доходных и образовательных группах желают дать детям высшее образование. Последние исследования ГУ ВШЭ в рамках Мониторинга экономики образования показали, что 75% родителей готовы платить за образование их детей в высшей школе. Эта готовность родителей платить и идти на серьезные изменения в структуре потребления семей для обеспечения получения детьми высшего образования еще раз свидетельствует, что высшее образование в 2000—2005 гг. стало важнейшим социальным маркером для населения.

В силу того, что получение высшего образования становится нормой для населения, его наличие начинает рассматриваться как норма работодателем. Социологические исследования показывают, что высшее образование все чаще выступает как императивное требование работодателя к работнику.

В-четвертых, существенно расширился круг социальных функций высшей школы. Во многих дотационных регионах она превращается в «социальный сейф», предотвращающий высокую молодежную безработицу. Она

служит также неким механизмом уклонения юношей от армии⁴, компенсацией низкого уровня школьного образования⁵, все больше превращается в институт социализации, а не профессионализации молодежи до 22 лет. Кроме того, она функционирует как машина по присвоению определенного социального статуса для многих работающих, когда формальными требованиями к занятию должности является наличие высшего образования⁶.

Изменение социальных функций высшего образования должно повлечь за собой уже в ближайшие годы трансформацию всей системы профессионального образования, а вслед за этим и общего образования. В этом контексте все направления реформирования системы образования можно рассматривать как поиск новой конфигурации системы образования, отвечающий изменившимся социально-экономическим условиям развития общества. Вместе с тем можно констатировать, и это становится все более очевидным, что до тех пор, пока не закончится оформление новой системы взаимоотношений системы профессионального образования и рынка труда, переоформление системы общего образования будет иметь во многом имитационный характер, поскольку социальный заказ на ее услуги (деятельность) не будет внятно артикулирован⁷. В этих условиях основной акцент должен быть сделан на изменении организационно-экономического механизма функционирования системы образования, что в наиболее наглядном виде и произошло в высшей школе (массовизация с целью обеспечить экономию на масштабе, всемерное расширение платности, развитие дешевого образования⁸ и т.п.). В общем образовании такая «инструментальная» подстройка по факту также происходит, но в силу его обязательности и общедоступности она не может сводиться к экономическому механизму, а требует пересмотра содержательных оснований деятельности, к которым общество еще не готово.

Следует отметить, что в профессиональном образовании до последнего времени явно или неявно превалировала задача обеспечения доступности, под которую оформились все организационно-экономические механизмы.

⁴ Ряд экспертов считают, что если отсрочки от армии будут отменены и все юноши станут служить 1 год, то ориентация на получение высшего образования снизится. Представляется, однако, что эта развилка уже пройдена и облегчение поступления в вуз становится уже одной из «приманок» для службы в армии по контракту.

⁵ При сложившейся ситуации представляется крайне неэффективной идея перехода к профильной школе. Эту роль все больше начинает играть вуз, а при переходе на систему двухуровневого высшего образования бакалавриат — магистратура данная тенденция окончательно оформится. Более целесообразным было бы создание структур послешкольного образования, которые за рубежом и служат как механизмы компенсации недостаточно высокого качества школьного образования.

⁶ Этим во многом объясняется быстрый рост заочного образования.

⁷ В 1980-е гг. появление многих школ или классов с углубленным изучением предметов (физико-математических, химических или биологических) было реакцией на социальный заказ воспроизводства научных кадров соответствующего профиля. Частное образование в 1990-е гг. формировалось как более комфортное или инновационное по педагогическим технологиям, но оно не могло стать массовым. В настоящее время единственной внятной целью для школы является поступление ее учащихся в вуз, но при массовости поступлений этот момент перестал уже быть сигналом качества школьного образования.

⁸ Его нередко рассматривают как «псевдообразование» или покупку дипломов, но в целом это продолжение переоформления организационно-экономического механизма деятельности высшей школы, сегментации рынка высшего образования и решения социальных статусных проблем.

После того как эта задача была решена, в полной мере встал вопрос о качестве подготовки специалистов⁹. Можно ожидать, что теперь именно задача повышения качества начнет формировать требования к изменению экономики высшей школы.

2. Политика финансирования образования

2.1. Динамика общих расходов на образование

В 2000—2005 гг. расходы на образование росли как из государственных, так и частных источников. Бюджетное финансирование образования (расходы консолидированного бюджета Российской Федерации на образование) в фактических ценах выросло за указанный период с 214,8 млрд. руб. в 2000 г. до 728,4 млрд. руб. в 2005 г. (оценка Минобрнауки), или почти в 3,4 раза. Более детальная картина по объему и структуре бюджетных расходов на образование дана в табл. 8.

Таблица 8. Бюджетные расходы на образование

	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Консолидированный бюджет на образование, млрд. руб.	214,8	277,8	408	475,6	593,2	789,9
Федеральный бюджет	38,1	54,5	81,7	99,8	121,6	160,5
Территориальные бюджеты	176,7	223,3	326,3	375,8	471,6	629,4
Доля расходов консолидированного бюджета на образование в ВВП, %	2,9	3,1	3,8	3,6	3,5	3,7
Федеральный бюджет	0,5	0,6	0,8	0,8	0,7	0,7
Территориальные бюджеты	2,4	2,5	3,0	2,8	2,8	2,9
Доля расходов на образование в консолидированном бюджете РФ, %	9,7	9,7	10,2	12,0	12,7	13,3
Доля расходов на образование в федеральном бюджете, %	1,7	1,9	2,0	2,5	2,6	2,7
Доля расходов на образование в территориальных бюджетах	8,0	7,8	8,1	9,5	10,1	10,6

Источник: [Россия в цифрах 2006].

С 2000 по 2003 г. доля бюджетных расходов на образование в ВВП существенно возросла, а затем начинается ее стабилизация при росте абсолютных объемов.

Частные расходы на образование в России в статистике фиксируются как «Объем платных услуг системы образования» с учетом оценки скрытой и неформальной деятельности. Таким образом, считается, что этим показателем представлены как легальные, так и теневые расходы населения и предприятий на образование. Динамика объема платных услуг системы образования показывает их стабильный рост, причем его темпы обгоняют темпы роста бюджетных расходов на образование (табл. 9).

⁹ В последние годы требование повышения качества высшего образования все активнее звучит как требование работодателей.

Таблица 9. Объем платных услуг системы образования в 2000—2005 гг.

	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Объем платных услуг системы образования, млрд. руб.	41,5	56,0	72,9	95,4	118,7	147,0
В % к предыдущему году		134,9	130,2	130,9	124,4	123,8

Источник: [Россия в цифрах 2006].

По расчетам Минобрнауки, указанный объем платных услуг системы образования в 2002—2005 гг. следующим образом раскладывался по уровням системы образования (табл. 10).

Таблица 10. Объем платных услуг системы образования по уровням образования, млрд. руб.

	2002	2003	2004	2005
Дошкольное	7,3	10,0	12,0	15,0
Общее	7,3	10,0	12,0	15,0
Начальное профессиональное	3,7	4,8	5,9	7,2
Среднее профессиональное	18,2	23,9	29,7	36,9
Высшее профессиональное	36,5	47,7	59,4	73,9
Всего	72,9	96,3	119,0	147,9

Источник: [Россия в цифрах 2006].

Вместе с тем представляется, что показатель объема платных услуг системы образования сильно занижен, хотя он и строится, как утверждается, с дооценкой скрытой и неформальной деятельности. Следовательно, занижена и доля государственных и частных расходов на образование в ВВП, которая, если основываться на официальных данных, колебалась в 2000—2005 гг. в диапазоне 3,5—4,4% ВВП (в 2005 г. она составила 4,1%).

Утверждая, что объем платных услуг системы образования недооценен, мы исходим из того, что средняя стоимость обучения составила в 2004/05 учебном году в государственных вузах 27,8 тыс. руб., в негосударственных вузах — 25,6 тыс. руб. Поскольку в 2004/05 учебном году платный контингент государственных вузов равнялся 2,69 млн. человек, а негосударственных вузов — 1,02 млн. человек, то объем платных услуг должен был составить только по легальной деятельности учебных заведений ВПО не менее 100,9 млрд. руб., а не 73,8 млрд. руб. Кроме того, большой объем платных услуг вузов связан реализацией программ второго высшего образования (оно полностью платное), а также программ довузовского и дополнительного профессионального образования. Объем этих услуг постоянно растет. Услуги дополнительного образования, в том числе профессионального, оказывают не только вузы, ссузы и учебные заведения НПО, но и другие образовательные структуры, которые не фигурируют в расчетах Минобрнауки.

Численность обучающихся в системе дополнительного профессионального образования постоянно растет и в 2004/05 учебном году превысила 1,5 млн. человек. Соответственно объем платных услуг в данной сфере не может быть по минимальным оценкам меньше 5 млрд. руб. При этом следует учитывать, что объем платных услуг в образовании не исчерпывается их оказанием населению.

В то же время, возможно, переоценен объем платных услуг в сфере среднего профессионального образования, где в указанном году средняя цена обучения составила 14,6 тыс. руб., а платный контингент — 0,95 млн. человек, т.е. доходы вузов от платных студентов не превышали 13,9 млрд. руб.

Если же согласиться с тем, что вузы сверх доходов от платных студентов получили еще 23 млрд. руб. из иных источников, то и вузы должны были получать никак не меньше. Тогда можно сделать вывод, что объем платных услуг системы образования должен был достигнуть в 2005 г. как минимум 190—200 млрд. руб.

Следовательно, доля только легальных расходов на образование — бюджетных и частных — в ВВП повысилась бы в указанном году до 4,25—4,35%. Объем неформальных (теневых) средств в системе образования, по нашим расчетам, достигает в последние годы примерно 0,25% ВВП. Это означает, что общий объем легальных и теневых расходов на образование в России в последние годы приблизился к 4,5% ВВП.

В странах ОЭСР доля расходов на образование в ВВП — государственных и частных — в последние годы стабилизировалась на уровне в среднем 5,3%. При этом данный показатель колеблется по странам от 3,5% (Турция) до 7,3% ВВП (Южная Корея).

Таким образом, Россия несколько отстает от стран ОЭСР по средним значениям доли расходов на образование в ВВП, но находится в «интервале допустимых значений». Однако следует отметить, что в странах ОЭСР учитываются только легальные расходы на образование. Кроме того, Россия сильно отстает от стран ОЭСР по доле расходов в ВВП на общее образование, где речь идет преимущественно о государственных (бюджетных) расходах. Средний по ОЭСР показатель в данном случае приближается к 3,8% ВВП, в то время как в России он, поднявшись с 2,4% в 2000 г. до 3,0% в 2002 г., в 2005 г. вновь снизился до 2,9%.

2.2. Государственная политика финансирования образования

Доля бюджетных расходов на образование в общих бюджетных расходах приведена выше в табл. 8. В фактических ценах вплоть до 2004 г. наиболее быстро росли территориальные бюджеты. В 2005 г. темпы роста федерального бюджета существенно превысили темпы роста территориальных бюджетов (132 и 120% соответственно).

Объем бюджетного финансирования образования в реальном выражении (с учетом инфляции) в 2000—2004 гг. приведен в табл. 11.

Таблица 11. Бюджетные расходы на образование (с учетом инфляции)

	2000	2001	2002	2003	2004
Бюджетные расходы на образование, млрд. руб. (в фактических ценах)	214,7	277,8	408,0	475,6	593,2
Индекс потребительских цен (к уровню 1991 г., 1991 = 1)	7,4	8,8	10,1	11,3	12,7
Бюджетные расходы на образование с учетом индекса потребительских цен, млрд. руб. (к уровню 1991 г.)	29,0	31,6	40,4	42,1	46,7
Индекс потребительских цен (к уровню 2000 г., 2000 = 1)	1	1,19	1,37	1,52	1,71
Бюджетные расходы на образование с учетом индекса потребительских цен, млрд. руб. (к уровню 2000 г.)	214,7	233,4	297,8	312,9	346,9
В % к предыдущему году (2000=100%)	100	109,0	127,8	104,2	110,9
Доля бюджетных расходов на образование в ВВП	2,9	3,1	3,8	3,6	3,5

По уровням бюджетной системы расходы на образование распределялись следующим образом (табл. 12).

Таблица 12. Бюджетные расходы на образование по уровням образования и бюджетной системы

Уровень образования	Млрд. руб.					Доля расходов в %				
	2000	2001	2002	2003	2004	2000	2001	2002	2003	2004
<i>Дошкольное</i>	32	42,7	60,6	72,0	89,0	100	100	100	100	100
Федеральный бюджет	0,5	0,5	0,6	0,8	0,4	1,6	1,2	1,0	1,1	0,5
Бюджеты субъектов РФ	4,7	7,5	10,6	11,5	14,7	14,7	17,6	17,5	16,0	16,5
Местные бюджеты	26,8	34,7	49,4	59,7	74,0	83,8	81,3	81,5	82,9	83,0
<i>Общее</i>	107,9	144	211,4	236,6	293,2	100	100	100	100	100
Федеральный бюджет	0,7	0,9	1,4	1,5	1,4	0,6	0,6	0,7	0,6	0,5
Бюджеты субъектов РФ	17	28,4	44,1	47,1	60,4	15,8	19,7	20,9	19,9	20,6
Местные бюджеты	90,2	114,7	165,9	188,0	231,4	83,6	79,7	78,5	79,5	78,9
<i>Начальное профессиональное</i>	13,4	17,7	27,4	30,3	35,6	100	100	100	100	100
Федеральный бюджет	8,1	11,2	19,1	21,5	24,4	60,4	63,3	69,7	71,0	68,5
Бюджеты субъектов РФ	4,6	5,6	7,0	7,7	9,7	34,3	31,6	25,5	25,4	27,3
Местные бюджеты	0,7	0,9	1,3	1,1	1,5	5,3	5,1	4,7	3,6	4,2
<i>Среднее профессиональное</i>	10,2	14,2	20,0	24,0	30,5	100	100	100	100	100
Федеральный бюджет	5,4	7,5	10,4	13,0	15,9	52,9	52,8	52,0	54,2	52,1
Бюджеты субъектов РФ	4,1	5,8	8,5	9,8	13,1	40,2	40,8	42,5	40,8	43,0
Местные бюджеты	0,7	0,9	1,1	1,2	1,5	6,9	6,3	5,5	5,0	4,9
<i>Высшее профессиональное</i>	24,4	34,0	47,9	61,2	77,2	100	100	100	100	100
Федеральный бюджет	22,5	31,3	44,4	56,8	72,1	92,2	92,1	92,7	92,8	93,4
Бюджеты субъектов РФ	1,6	2,3	3,0	3,9	4,9	6,6	6,8	6,3	6,4	6,3
Местные бюджеты	0,3	0,4	0,5	0,5	0,2	1,2	1,2	1,0	0,8	0,2

Источник: По данным Министерства финансов Российской Федерации: по Российской Федерации — «Отчет об исполнении консолидированного бюджета РФ»; по субъектам РФ — «Отчет об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ».

Динамика бюджетных расходов по уровням бюджетной системы позволяет сделать некоторые выводы.

1. Федеральный бюджет еще до начала разграничения полномочий между уровнями власти практически полностью «ушел» из систем дошкольного и общего образования; одновременно здесь стало нарастать присутствие бюджетов субъектов федерации.

2. Относительно систем начального и среднего профессионального образования, которые должны быть практически полностью переданы в ведение субъектов федерации, также можно отметить, что в 2004 г. произошло некоторое снижение доли федерального бюджета в их финансировании по сравнению с 2003 г. Однако в 2004 г. этот процесс нельзя назвать ярко выраженным. В 2005 г., когда практически все НПО было передано в регионы, доля федерального бюджета в его финансировании резко сократилась. В то же время по предварительным расчетам Минобрнауки в 2005 г. доля федерального бюджета в финансировании СПО вновь выросла.

3. В высшем образовании, хотя и весьма слабо, в рассматриваемом периоде наблюдался медленный рост доли федерального бюджета и снижение долей региональных и местных бюджетов. По предварительным расчетам Минобрнауки в 2005 г. ситуация здесь мало изменилась по сравнению с 2004 г.: регионы не хотят терять созданные ими региональные вузы и, пока не принято окончательного решения о их судьбе, продолжают увеличивать финансирование «своих» высших учебных заведений.

В целом в 2004 г. доля расходов на образование из федерального бюджета в общих расходах на образование консолидированного бюджета Российской Федерации составила 20,5%, а расходов на образование из территориальных бюджетов — 79,5%. По предварительным данным в 2005 г. доля расходов на образование из федерального бюджета в расходах консолидированного бюджета на образование выросла до 22%, а территориальных бюджетов, напротив, упала до 78%.

2.3. Реформа межбюджетных отношений и ее влияние на региональную дифференциацию финансирования образования

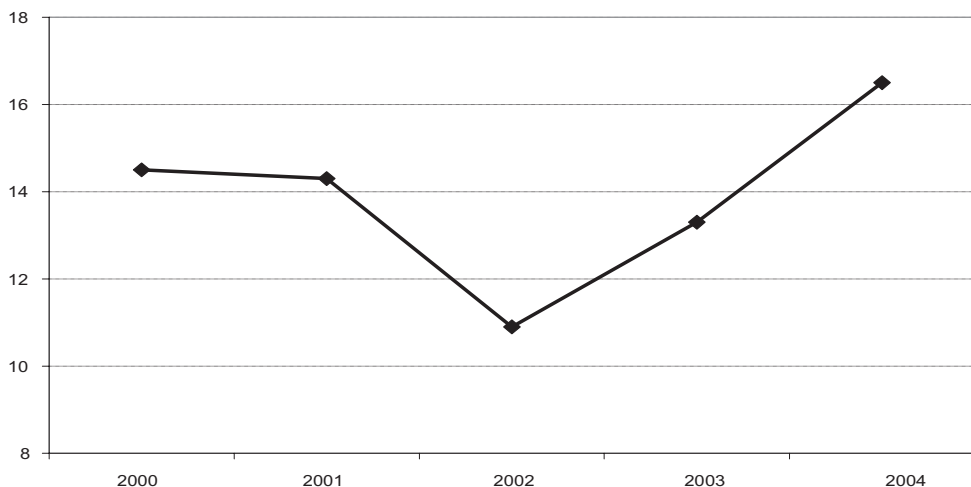
В 2000—2004 гг. продолжала сохраняться значительная дифференциация в удельных расходах на образование по субъектам Российской Федерации. В общем образовании в рассматриваемый период наименьший уровень дифференциации указанных расходов по регионам России наблюдался в 2002 г. — 10,9 раза. Затем он вновь стал расти, увеличившись до 13,3 раза в 2003 г. и до 16,5 раза в 2004 г. (рис. 3).

Вместе с тем с учетом региональных коэффициентов удорожания стоимости бюджетных услуг¹⁰ дифференциация расходов в расчете на одного учащегося сократилась почти в 2 раза. По мнению ряда экспертов Минфина России, это означает, что политика выравнивания социальных расходов, проводимая Минфином с конца 1990-х гг., дала свои результаты. Однако в 2004 г., когда этот показатель вновь стал увеличиваться, было указано, что снижение дифференциации социальных расходов не является самоцелью: задача бюджетной политики состоит в том, чтобы обеспечить рациональное использование бюджетных средств в регионах и внедрить принципы бюджетирования, ориентированного на результат.

Представляется, однако, что в сфере общего образования, которое, по сути, является обязательным для граждан России, приведенные на основе региональных коэффициентов стоимости бюджетных услуг расходы на образование в расчете на одного учащегося должны, если и не совпадать, то различаться незначительно. Только такой подход обеспечил бы единство

¹⁰ Коэффициент удорожания бюджетных услуг учитывает климатические условия, транспортную сеть, тип расселения и т.п.

Дифференциация удельных расходов на общее образование по регионам Российской Федерации в 2000–2004 гг., раз

Рассчитано по данным Министерства финансов Российской Федерации: по субъектам РФ — «Отчет об исполнении консолидированного бюджета субъекта РФ»; Россия в цифрах 2006.

образовательного пространства на всей территории Российской Федерации, выполнение образовательного стандарта общего образования¹¹, а также переход к финансированию школ на основе подушевого норматива¹².

По решению Государственного совета Российской Федерации от 29 августа 2001 г. обязанности несения расходов на общее образование были распределены между субъектами федерации и муниципалитетами: первые должны были обеспечивать финансирование образовательного процесса (прежде всего заработной платы учителей), вторые — содержание зданий и сооружений общеобразовательных учреждений. Непосредственным поводом к принятию такого решения были постоянные и растущие задолженности по заработной плате учителей и обусловленные ими учительские забастовки. Это решение было оформлено законом ФЗ № 123 от 7 июля 2003 г. «О внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части, касающейся финансирования общеобразовательных учреждений», и с 2004 г. некоторые региональные бюджеты стали выделять субвенции местным бюджетам на оплату расходов на осуществление образовательного процесса в экспериментальном порядке¹³, в 2005 г. начался переход на указанную систему большинства субъектов федерации. Вследствие этого финансовая ситуация в отрасли в целом улучшилась, хотя до сих пор феномен задолженности по заработной плате в рассматриваемой сфере не преодолен.

¹¹ Он несколько раз разрабатывался, но до сих пор не принят.

¹² В настоящее время осуществляется переход на нормативный подушевой принцип финансирования в общем образовании, но вводимые нормативы являются региональными, при этом нет федерального норматива, который был бы базой для региональных.

¹³ В дополнение к тем субъектам Российской Федерации, которые ранее вошли в эксперимент по нормативно-подушевому финансированию.

В то же время выделение субвенций из региональных бюджетов местным бюджетам на образование поставило вопрос о принципах распределения выделяемых средств и фактически стимулировало переход на нормативно-подушевой принцип финансирования общего образования. Субвенции местным бюджетам на осуществление образовательного процесса стали рассчитываться исходя из численности учащихся в том или ином муниципалитете, т.е. по подушевому принципу. Однако одновременно выявилась и проблема: регионы выделяют субвенции муниципалитетам по подушевому принципу, а местные власти при распределении средств между школами, как правило, решают другие задачи. Это по большей части сохранение сети и кадрового состава школ. При том, что сокращение численности учащихся в силу демографических причин ежегодно приводит к сокращению числа школ и учителей примерно на 1—2%, этот процесс был бы значительно более интенсивным, если бы финансирование школ осуществлялось строго по нормативам. Таким образом, можно сделать вывод, что региональный уровень управления системой образования уже начал исходить в своих действиях из принципов оптимизации сети, а муниципальный уровень решает скорее задачи социальной стабильности, а не повышения экономической эффективности использования ресурсов в системе общего образования.

В 2005 г. в ведение субъектов Российской Федерации были переданы практически все учебные заведения начального профессионального образования (более 3,4 тыс.). Началась передача на региональный уровень и учебных заведений СПО, которую планируется завершить в 2007 г. Данное решение, которое было принято из вполне рациональных соображений, что учреждения НПО и СПО готовят преимущественно кадры для локальных (региональных и местных) рынков труда, поэтому они должны управляться и финансироваться на региональном уровне, может иметь далеко идущие и непредсказуемые последствия. Прежде всего, учебные заведения НПО и СПО, которые находятся в одном субъекте РФ, не смогут принимать учащихся и студентов из других субъектов федерации на бюджетной (бесплатной) основе. Особенно серьезна данная проблема для «пограничных» территорий, в учебных заведениях которых традиционно учились подростки и молодежь из двух, а то и трех регионов. 2005 г. показал, что от «чужих» учащихся уже стали избавляться. В условиях российских расстояний, отсутствия общежитий, демографического спада, низких доходов тех групп населения, чьи дети учатся в учебных заведениях НПО и СПО, данная ситуация может привести к серьезным социальным проблемам, когда определенная категория детей просто не сможет получить профессиональное образование.

Проблематичным, на наш взгляд, является и вывод о том, что после передачи в ведение регионов системы начального и среднего профессионального образования начнут в большей мере ориентироваться на региональные рынки труда. Во-первых, финансирование из федерального бюджета уже давно мало корреспондирует с управлением контингентом учащихся и студентов как по объему (что более управляемо), так и (особенно) по структуре. Учебные заведения ориентируются на то, кого они могут готовить (есть оборудование и кадры), или на спрос населения, и в меньшей мере — на работодателей. Именно эти факторы обусловили переориентацию многих учебных заведений НПО на подготовку парикмахеров, поваров, официантов, автослесарей, автомехаников и т.п. Те же

процессы происходили и в учебных заведениях СПО, где стали готовить бухгалтеров и экономистов, менеджеров и специалистов по информационным технологиям.

Во-вторых, опыт регионов, которые в середине 1990-х гг. взяли в свое ведение учебные заведения НПО, свидетельствует, что в них ситуация со структурой подготавливаемых кадров практически не отличалась от структуры в федеральных УНПО. Кроме того, в этих регионах существовала и продолжает существовать проблема трудоустройства выпускников системы НПО.

В-третьих, для многих субъектов федерации содержать систему НПО будет весьма нелегко, что приведет к еще большему усилению дифференциации расходов на образование на региональном уровне. Центр может попытаться смягчить данную ситуацию, но в случае увеличения объема обычных трансфертов регионы могут не направить средства по назначению, а в случае выделения субсидий ситуация фактически вернется к той, которая была до передачи НПО в ведение субъектов федерации: федеральный бюджет финансирует подготовку, а регион определяет ее структуру. Однако в новых условиях федеральный центр, платя, практически полностью утрачивает контроль за подготовкой квалифицированных кадров. Между тем именно эта проблема в настоящее время становится крайне острой для российской экономики, о чем все активнее говорят работодатели и о чем уже был вынужден заговорить Президент Российской Федерации.

В-четвертых, сразу после окончания учебных заведений НПО и СПО юноши призываются в армию. После демобилизации (через 2 года службы) молодые люди либо приобретают новую профессию, либо меняют место жительства, либо происходит и то и другое. В результате никакой ориентации на локальные рынки труда при подготовке по «мужским профессиям и специальностям» добиться не удастся, и средства региональных бюджетов в этой части будут тратиться с крайне низкой эффективностью. При этом важнейшая государственная задача подготовки квалифицированных рабочих решаться не будет.

Вместе с тем передача учреждений НПО и СПО на региональный уровень может привести к более интенсивной реструктуризации сети учреждений НПО и СПО (в силу дефицита средств) и создания интегрированных учебных заведений профессионального образования. Однако одновременно это может закрыть путь к созданию университетских комплексов, куда вошли бы учреждения НПО, СПО и вузы. Правда, в случае создания университетских комплексов на базе вузов и ссузов этот процесс может оказаться простимулированным для тех учреждений СПО, которые еще не ушли на региональный уровень с тем, чтобы сохранить их финансирование из федерального бюджета. О последствиях такого скоропалительного объединения судить можно будет только через несколько лет.

2.4. Расходы населения на образование

Выше уже были рассмотрены расходы населения и предприятий на образование, которые регистрируются официальной статистикой как объем платных услуг, оказываемых данной сферой. В 2000—2005 гг. наблюдался быстрый рост указанных расходов: на 20—30% в год. Однако с учетом инфляции этот рост был не столь значительным (табл. 13).

Таблица 13. Объем платных услуг системы образования в 2000–2005 гг. с учетом инфляции

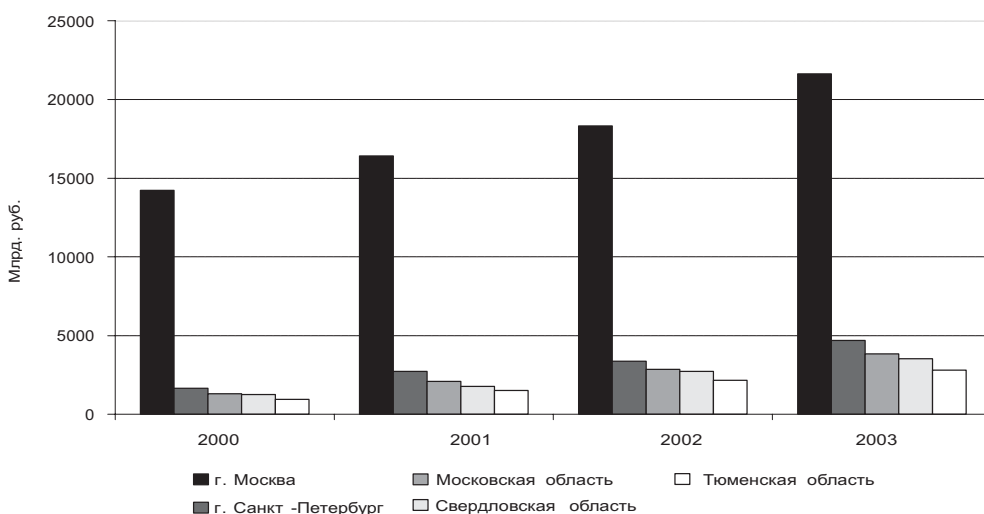
	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Объем платных услуг системы образования, млрд. руб.	41,5	56,0	72,9	95,4	118,7	147
В % к предыдущему году	100,0	134,9	130,2	130,9	124,4	123,8
В % к ВВП	0,6	0,6	0,7	0,7	0,7	0,7
Индекс потребительских цен (к уровню 2000 г., 2000 = 1)	1,0	1,2	1,4	1,5	1,7	1,9
Объем платных услуг системы образования с учетом индекса потребительских цен, млрд. руб. (к уровню 2000 г.)	41,5	47,1	53,2	62,8	69,4	77,0
В % к предыдущему году	100,0	113,4	113,1	117,9	110,6	110,9

Источник: [Образование в Российской Федерации... 2005; Россия в цифрах 2006].

Если говорить о региональных особенностях, то следует отметить, что наибольший объем платных услуг системы образования предоставлялся в столицах — Москве и Санкт-Петербурге, но по абсолютному значению показателя Москва в несколько раз обгоняла северную столицу. Если рассматривать 5 регионов с наивысшими значениями данного показателя, то их разрыв с Москвой на протяжении рассматриваемого периода несколько сократился, хотя и остается значительным (рис. 4). Так, с 2000 по 2003 г.¹⁴ объем платных услуг системы образования в Москве вырос в 1,5 раза, в Санкт-Петербурге — в 2,85, в Московской области — в 2,9, в Свердловской области — в 2,8, а в Тюменской области — в 3 раза. Од-

Рис. 4

Объем платных услуг системы образования в регионах России, млрд. руб.

Источник: [Образование в Российской Федерации... 2005].

¹⁴ Пока нет более поздних официальных данных в региональном разрезе.

нако в силу того, что в среднем по России в 2000—2003 гг. объем платных услуг системы образования вырос всего в 2,3 раза, в целом на региональном уровне дифференциация этого показателя продолжает расти.

Несмотря на то что официально показатель объема платных услуг системы образования должен учитывать скрытую и неформальную деятельность, он, как было показано выше, не учитывает в полной мере даже объем легальных платежей населения и предприятий за образовательные услуги.

Согласно расчетам ГУ ВШЭ, сделанным в рамках проекта «Мониторинг экономики образования» объем расходов населения на образование в 2004 г. составил 326 млрд. руб., предприятий — 16 млрд. руб.¹⁵. Если исходить из данных ГУ ВШЭ, то официальная статистика не уловила (не доценила) в указанном году более 223 млрд. руб. Примерно 40 млрд. руб. — это прямая недооценка вполне легальной деятельности. Остается еще 183 млрд. руб. Это должно означать, что больше 50% платных услуг в образовательной сфере находится в тени, причем довольно глубокой. Представляется, что это не совсем так, и социологические данные несколько преувеличивают реальный объем расходов населения на образовательные цели. По нашим оценкам, в 2004 г. теневые расходы населения составляли не более 100 млрд. руб. Другими словами, расходы населения и предприятий на образование равнялись примерно 270—280 млрд. руб.

Основные направления расходования средств населения — это оплата образования в высшей школе и учебных заведениях СПО (легальная и теневая), плата репетиторам за занятия по предметам (на всех уровнях образования, без оплаты подготовки в вуз), плата репетиторам за подготовку в вуз (здесь почасовые ставки, как правило, несколько или сильно превышают почасовые ставки за занятия по предметам) и взятки за поступление или за сдачу экзаменов в учебном заведении. По данным ГУ ВШЭ, у платных учащихся (студентов) легальные расходы на образование в 10 и более раз выше, чем у тех, кто обучается на бюджетной основе. Если же расходы неформальны, т.е. являются теневыми, то у бюджетных студентов они выше, хотя и незначительно. Плата репетиторам из вуза, готовящим школьника в поступлению в «свое» учебное заведение, как правило, в 1,5 раза выше, чем другим репетиторам: это плата за протекцию и доступ к неформальной (закрытой) информации [Рощина 2006].

По данным ГУ ВШЭ, в системе общего образования платят за дополнительные образовательные услуги в школе примерно 2% детей.

По исследованиям Института экономики переходного периода, в трех регионах России (Вологодская, Челябинская области, Чувашская Республика), ситуация с оказанием дополнительных образовательных услуг в школах, как правило, следующая:

- школы не оказывают дополнительных платных услуг, или их доля крайне невелика (2—5% от общей численности учащихся получают эти услуги, столь же мала доля учителей, вовлеченных в данный процесс);
- все учащиеся в школе получают дополнительные услуги, и почти все учителя их оказывают.

Как правило, второй тип школ — это хорошие школы, куда родители стремятся отдать ребенка и куда трудно попасть.

¹⁵ [Экономика образования... 2004].

Объем неформальных платежей в системе общего образования (за исключением репетиторства по предметам) составляет около 10—20% ее легальных внебюджетных доходов, т.е. примерно 1—2 млрд. руб. В целом на одного учителя легальных и теневых доходов приходится около 7,5 тыс. руб. в год, или 625 руб. в месяц. Это составляет чуть больше 20% средней учительской заработной платы (около 3,1 тыс. руб.).

В начальном и среднем профессиональном образовании основные статьи неформальных расходов семей — это покупка подарков преподавателям (эти расходы по данным социологических исследований в среднем не превышают 350 руб. за 8 месяцев обучения), оплата ремонта (примерно 300 руб., в случае осуществления данной траты) и спонсорские взносы (1,9—2,0 тыс. руб.) [Рощина 2006].

3. Структурные изменения в системе образования

3.1. Дифференциация системы образования по линии «массовое — элитное»

Как уже было отмечено, в России в последние годы наблюдается бум высшего образования. Он выражается в стремительном росте числа высших учебных заведений (государственных и негосударственных): с 1991 по 2004 г. более чем в 5,3 раза, а также в быстром росте численности студентов: с 1992 по 2005 г. в 2,5 раза. Только за 2000—2005 гг. численность студентов выросла почти в 1,5 раза с 4,7 до 7,0 млн. человек.

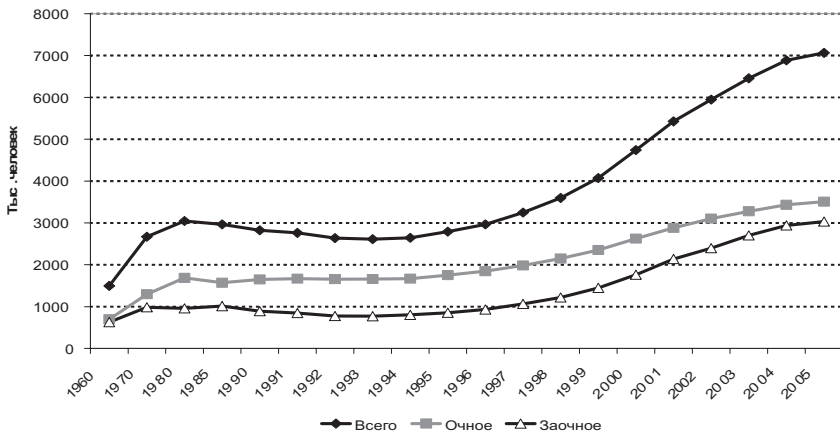
В РСФСР удвоение числа студентов вузов с начала 1960-х гг. потребовало почти 20 лет, в Российской Федерации этот процесс занял менее 6 лет (рис. 5).

Быстрый рост сферы высшего образования объясняется несколькими причинами.

Во-первых, закон Российской Федерации «Об образовании» 1992 г. обеспечил разгосударствление данной сферы, в результате чего в России сформировался значительный сектор негосударственного высшего образования. В 2004/2005 учебном году число негосударственных вузов достигло

Рис. 5

Численность студентов вузов по формам обучения (всего, очное, заочное), тыс. человек

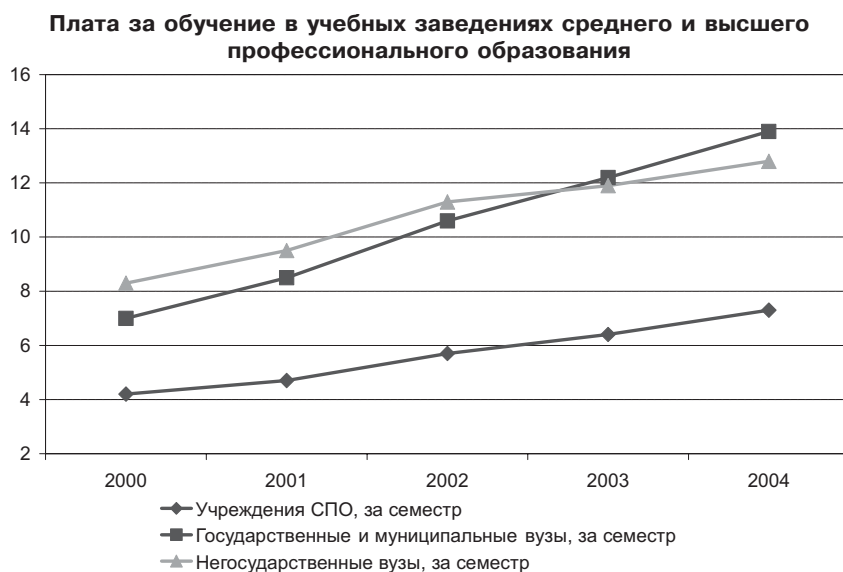
Источник: [Образование в Российской Федерации... 2005; Россия в цифрах 2006].

413 (они имели также 321 филиал), а доля студентов, обучающихся в этих высших учебных заведениях, в общей численности российских студентов составила почти 15%.

Во-вторых, тот же закон создал условия для развития в России платного образования, что существенно повысило доступность высшего образования для молодежи. К концу 2005 г. доля студентов, которые в государственных и негосударственных вузах обучались на платной основе, превысила, как уже было отмечено, 60%.

В-третьих, с 1995 г. начиналось сокращение бюджетного финансирования высшего образования (в сопоставимом выражении в расчете на одного студента). Дефолт 1998 г. усилил эту тенденцию. Наряду с падением бюджетного финансирования в 1998 г. резко снизилась и цена платного обучения. Если в 1997/98 учебном году она в среднем по стране достигала 1200 долл. США, то в 1998/99 учебном году она сокращается до 600 долл. США. Действие этих факторов привело к формированию у большинства вузов стратегии глобализации их деятельности, которая выражалась в росте приемов, прежде всего платного, а также увеличения числа специальностей, по которым стала вестись подготовка. Одним из элементов указанной стратегии стал и рост числа открываемых вузами филиалов, причем число филиалов государственных вузов росло значительно быстрее, чем негосударственных, и к 2003 г. более чем в 4,3 раза превысило число филиалов негосударственных вузов. Рост числа вузов и снижение средней платы за обучение вели к увеличению студенческих контингентов, рост контингентов обуславливал создание новых вузов и открытие филиалов. Вплоть до настоящего времени средняя цена платного обучения остается ниже, чем в 1997/98 учебном году, составляя менее 1000 долл. США¹⁶. При этом плата за обучение в государственных вузах превысила аналогичный показатель в негосударственных высших учебных заведениях (рис. 6).

Рис. 6

Источник: [Образование в Российской Федерации... 2005].

¹⁶ На 2004 г. последние официальные данные Росстата.

Рост числа вузов и снижение средней платы за обучение вели к увеличению студенческих контингентов, рост контингентов обуславливал создание новых вузов и открытие филиалов.

Филиальная сеть решала и решила в России одну из серьезнейших социальных задач повышения доступности высшего образования в условиях снижения территориальной мобильности молодежи.

В целом бум высшего образования стал реакцией на происшедшее обесценение человеческого капитала в период экономического кризиса 1990-х гг.: повышение уровня образования позволяло преодолевать неопределенность экономического развития и повышало адаптивные возможности молодежи в новой социальной и экономической среде.

На фоне общего роста студенческого контингента в России произошло, как уже отмечалось, серьезное переформатирование всей системы высшего образования (более широко — всей системы профессионального образования).

Прежде всего, обращает на себя внимание то, что темп роста контингента студентов-заочников в последние годы превышает темп роста числа студентов очной формы обучения (см. рис. 5). В результате, если в 1992 г. на очную форму обучения принималось 69% от общего приема, а на заочную — 24,8%, то в 2005 г. прием на заочную форму обучения достиг 42,0%, на очную форму обучения — снизился до 50,6% от общей численности принятых на 1-й курс.

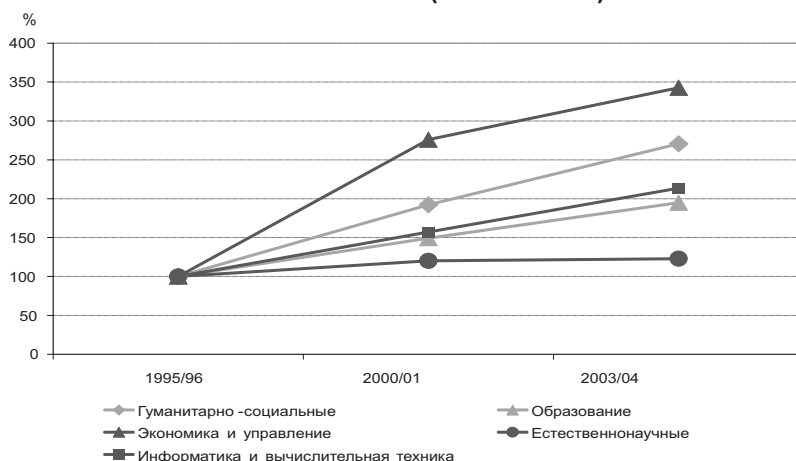
Таким образом, на фоне общего роста приема в вузы значительно быстрее рос прием на наименее затратную форму обучения — заочную. Если к этому прибавить прием в филиалы государственных и негосударственных вузов, где качество образования, как правило, существенно ниже, чем в головном вузе, то можно предположить, что столь быстрое расширение системы высшего образования привело к относительному сокращению сектора элитного образования, понимаемого в данном случае как высококачественное образование, с одной стороны, и образование, которое позволяет выпускнику вуза претендовать на престижные и хорошо оплачиваемые рабочие места, — с другой.

В целом можно констатировать, что в России ускоренно развивается массовое и «дешевое» высшее образование.

В 2000—2005 гг. быстро росла подготовка кадров по отраслевой специализации «Экономика и право». Она увеличилась с 484,6 тыс. человек в 2000/01 учебном году до 941,6 тыс. человек в 2004/05 учебном году (почти в 2 раза). Специалистов с экономическим, управленческим и юридическим образованием при переходе к рыночной системе хозяйства стало остро не хватать. Востребованность рынком указанных кадров привела к тому, что сами эти специальности стали престижны. Вузы открывают соответствующие специальности, подготовка одновременно становится и массовой, и престижной, даже в непрофильных вузах, в том числе технических. Уровень платы при подготовке по экономическим и юридическим специальностям в непрофильных вузах в среднем остается на 25—40% выше, чем, например, по профильным техническим специальностям.

Интенсивно растет подготовка кадров по отраслевой специализации «Образование»: за 5 лет она увеличилась почти в 1,3 раза, т.е. росла практически с темпом роста числа студентов. Действительно, удельный вес подготовки специалистов по указанной отраслевой специализации остается

Динамика численности студентов вузов по группам специальностей в 1995—2004 гг. (1995 = 100%)

Источник: [Образование в Российской Федерации... 2005].

ся стабильным. В то же время значительно более «сборный» характер этой отраслевой специализации по сравнению с «Экономикой и правом» показывает только, что расширился спрос прежде всего на гуманитарные специальности (филологи, психологи, социологи, культурологи, политологи). Вместе с тем, если смотреть более детальные данные, а именно динамику численности студентов государственных и муниципальных вузов по группам специальностей, то получаем следующую картину (рис. 7)¹⁷.

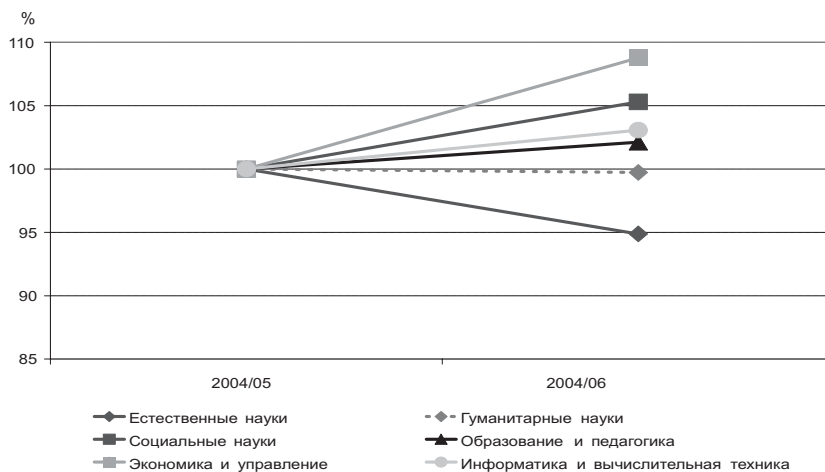
Наиболее быстро в государственных и муниципальных вузах в 1995—2004 гг. росла подготовка по группе специальностей «Экономика и управление», однако в последние годы темпы роста здесь стали замедляться. В то же время рост по группе «Гуманитарно-социальных» специальностей являлся и высоким, и стабильным. Высокими темпами росла численность студентов по группе специальностей «Информатика и вычислительная техника», однако эти темпы ниже, чем по группе «Гуманитарно-социальных» специальностей и лишь чуть выше, чем по группе специальностей «Образование», где рост также был достаточно стабильным.

Если рассматривать новые группы специальностей, то большая часть выявленных тенденций сохранилась и в 2004/05 — 2005/06 учебных годах (рис. 8).

Сохраняются высокие темпы роста по группам специальностей «Экономика и управление», «Социальные науки» и «Информатика и вычислительная техника», удерживает свои позиции группа специальностей «Образование и педагогика» (ранее был стабильным рост по группе специальностей «Образование»), замедляется рост по «Гуманитарным наукам» и резко падает по «Естественным наукам». В частности, можно высказать предположение, что в предыдущий период быстрый рост численности студентов по группе специальностей «Гуманитарно-социальные науки» был прежде всего связан с ростом популярности среди молодежи изучения социальных наук (социологии, политологии, психологии и т.п.).

¹⁷ К сожалению, этот график нельзя полностью продлить на 2004/05 и 2005/06 учебные годы, поскольку произошло изменение состава групп специальностей.

**Динамика численности студентов по группам специальностей
в государственных и муниципальных вузах в 2004/05—2005/06 учебных годах**

Источник: [Индикаторы образования... 2006].

Итак, судя по динамике численности студентов, предпочтения среди групп рассмотренных специальностей¹⁸ выглядят следующим образом. В последние годы наиболее быстро рос спрос на подготовку по группе специальностей «Информатика и вычислительная техника», второе место прочно удерживает «Экономика и управление», третье — «Гуманитарно-социальные» специальности, четвертое — естественно-научные и, наконец, «Образование». Изменение структуры подготовки по ряду групп специальностей показаны в табл. 14.

Таблица 14. Изменение структуры подготовки по ряду групп специальностей в государственных и негосударственных вузах, %¹⁹

Специальности	Государственные вузы			Негосударственные вузы		
	1995/96	2002/01	2003/04	1997/98	2002/01	2003/04
Гуманитарно-социальные	17,1	23,3	21,0	51,9	48,1	39,0
Образование	7,3	7,8	6,5	3,3	1,4	1,4
Экономика и управление	18,6	36,4	28,9	37,5	44,4	53,4
Естественнонаучные	8,1	6,9	4,5	0,2	0,3	0,2
Информатика и вычислительная техника	2,0	2,2	1,9	0,2	0,4	0,4

В современных условиях можно наверняка говорить лишь о том, что по динамике роста численности крайне престижной специальностью становится «Информатика и вычислительная техника». Подготовка по этой специальности становится и массовой, и элитной независимо от вуза, где

¹⁸ Значительный рост наблюдался также по группе специальностей «Сервис» — он лишь немного отставал от среднего роста численности студентов по специальностям (5,2 раза против 5,8 раза), очень значим рост по группе «Культура и искусство» (с 1997 по 2004 г. в 6,3 раза).

¹⁹ Как уже отмечалось, обеспечить сопоставимость данных в 2004/05—2005/06 учебных годах с предыдущим периодом не представляется возможным в силу изменения принципов группировки специальностей.

студент ее получает. Престижной (элитной) продолжает оставаться подготовка по «Экономике и управлению», но здесь уже намечается некоторый перелом тенденции. Группа гуманитарно-социальных специальностей также входит в лидирующую группу, но постепенно и она начинает утрачивать позиции (темп роста уступает среднему по системе). В лидирующую группу в настоящее время входят специальности группы «Сервис», а также «Культуры и искусства», при этом по специальностям «Сервиса» лидируют государственные вузы (рост численности студентов по этой группе составил с 1995 по 2004 г. 6,8 раз), а по группе «Культура и искусство» — негосударственные (рост в 6,3 раза).

Таким образом, проведенный анализ показывает, что процесс быстрой массовизации, который затронул практически все отрасли подготовки, а также группы специальностей и направления, шел неравномерно, что привело к существенному изменению структуры подготовки. Прежде элитные (престижные) специальности уступили в новых условиях место другим, которые в советское время не пользовались особой популярностью. Центр тяжести явно сместился в сторону экономических, управленческих и юридических специальностей, специальностей сервиса и гуманитарно-социальных специальностей. В последние годы к этому списку добавляются и специальности «Информатика и вычислительная техника». Вместе с тем нельзя не отметить, что при всей выраженности тенденций, ситуация достаточно сильно различается в государственном и негосударственном секторах высшего образования. В государственном секторе наличие бюджетного сегмента приводит к тому, что сохраняется рост по тем специальностям, которые в целом рыночным спросом не пользуются.

Можно предположить, что элитные (престижные) вузы усиливают элитность (престижность) специальности. Поэтому дифференциация в доступности высшего образования идет не только по линии «массовое — элитное», но по линиям «элитный вуз — элитная специальность», «элитный вуз — неэлитная специальность», «неэлитный вуз — элитная специальность», «неэлитный вуз — неэлитная специальность». При этом как в элитном секторе образования, так и в неэлитном оно становится все более массовым. Однако скорость расширения секторов различна, поэтому какие-то сферы быстрее становятся относительно менее доступны по сравнению с другими. В целом можно утверждать, что в среднем ценность получения одного высшего образования снижается. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что достаточно быстро растет ориентация на получение двух высших образований: одного высшего образования в ряде секторов деятельности становится уже недостаточно для успешной карьеры. Вместе с тем это может быть получение после первого престижного образования второго, еще более элитного (престижное достраивается престижным и сверхпрестижным, например, экономическое образование дополняется программами MBA). Возможно и достраивание неэлитного (массового) образования вторым более престижным (например, инженерное образование дополняется экономическим или психологическим).

Следует, однако, подчеркнуть, что слабая до сих пор территориальная мобильность молодежи позволяет говорить о престижности (элитности) высшего образования в основном в привязке к конкретной территории (так, в рамках мониторинга экономики образования только 1% пермских старшеклассников рассматривал в качестве престижного вуза МГУ, подавляющее большинство — 60% — считало таковым Пермский государствен-

ный университет). Это означает, что оценка элитности вуза имеет во многом субъективный и относительный характер, и в нее, как правило, включается и оценка возможности собственного поступления в данный вуз, а внутри вуза — на данную специальность.

3.2. Дифференциация системы образования по линии «общее — специальное»

Быстрое и резкое увеличение контингента высшей школы поставило в повестку обсуждения вопрос и о новом разделении высшего образования на общее высшее и высшее профессиональное образование.

Представляется, что превращение высшего образования в социальную норму (см. исследование под руководством А. Левинсона [Дубин и др. 2004]), привело к тому, что высшее образование все более получается молодежью вынужденно под давлением семьи или даже более широко — социального окружения. В исследовании Е. Авраамовой третьим по рейтингу на вопрос «Почему Вы пошли учиться в вуз?» был ответ «Потому что не иметь высшего образования теперь неприлично» [Авраамова 2004: 161]. В других исследованиях ответ на похожие вопросы звучит несколько иначе, но смысл его тот же: «Потому что так хотели родители», «Потому что теперь все имеют высшее образование», «Потому что в нашем классе все поступают в вуз»²⁰. Исследование Я. Рошиной и М. Другова показало, что даже если старшеклассник считает для себя не нужным поступать в высшее учебное заведение, то, тем не менее, он там все же оказывается [Рошина, Другов 2003]. Социальность (престижность, модность) поступления в вуз делает, вообще говоря, не очень важным то, на какую специальность будет поступать выпускник школы.

В силу этого становится все более целесообразным разделить высшее образование на общее, являющееся элементом социализации молодежи в современном мире, и профессиональное, дающее специальность. Вместе с тем после завершения общего высшего образования большая часть студентов, его получивших, должна выйти на рынок труда, устроиться на работу и получить представление о той сфере деятельности, в которой они планируют специализироваться и после нескольких лет работы продолжить образование. Соответственно уже после получения общего высшего образования — этот уровень высшего образования обычно фиксируют как бакалавриат, — выпускник должен иметь определенные знания, которые позволят ему начать трудовую деятельность и станут затем основой для его профессионализации.

Социологические исследования, направленные на выявление требований работодателей к работнику, выявили следующие основные моменты.

Наличие у работника высшего образования рассматривается работодателем как императивное требование для большинства рабочих мест, кроме мест простого ручного труда. Если используется сложное (дорогостоящее) оборудование, то даже на рабочие места, где традиционно работали рабочие, в настоящее время работодатель предпочитает брать работника с высшим образованием. Этот уровень рассматривается как культурная норма, определяющая поведение работника в процессе труда. По мнению боль-

²⁰ См., например, социологические исследования ФОМ в рамках Мониторинга экономики образования, проводимого ГУ ВШЭ, в частности, «Выбор образовательной стратегии детей: ценности и ресурсы» [<http://www.fom.ru>, раздел «Образование»].

шинства работодателей, высшее образование определяет следующие качества работника: дисциплинированность, исполнительность, коммуникабельность, ответственность, мотивированность (нацеленность на получение результата), умение и стремление к освоению новых знаний. На рабочие места, связанные с работой с клиентами, работодатель предпочитает ставить только людей с высшим образованием. Здесь важными характеристиками, за которые «отвечает» высшее образование, становятся: культура речи, умение держаться, вежливость, находчивость, знание иностранных языков и даже внешняя привлекательность. Таким образом, речь в основном идет об общей культуре, включая поведенческую культуру, коммуникативных навыков и культуре труда²¹.

Проведенное Левада-Центром исследование руководителей предприятий в различных секторах экономики (промышленность, строительство, связь, транспорт, оптовая и розничная торговля, деловые услуги) по проблемам профессионального образования показало, что требования работодателей к различным типам работников по отраслям деятельности в значительной степени совпадают, причем это относится к крупному, среднему и малому бизнесу [Мониторинг... 2005]. Так, для руководителей и специалистов основными требованиями являются следующие:

- высокий уровень профессиональных знаний;
- дисциплинированность;
- чувство ответственности;
- умение работать в команде;
- готовность учиться, осваивать новое, инициативность.

Можно сделать вывод, что в современных российских условиях наиболее востребованными являются руководители и специалисты, которые обладают высоким уровнем компетентности, умеют быстро адаптироваться, брать на себя ответственность за команду и способны принимать решения в быстро меняющихся условиях²².

И руководитель, и специалист должны быть в меру амбициозны и стремиться к карьерному росту (к руководителю эти требования относятся в большей степени).

Требования к служащим и квалифицированным рабочим иные. Для них более важными по сравнению с уровнем квалификации оказываются исполнительские качества:

- дисциплинированность;
- чувство ответственности;
- умение работать в команде;
- неконфликтность.

Когда речь идет о служащих и рабочих, новационные качества работника (инициативность, способность переучиваться, осваивать новое, умение представить результаты труда) для работодателя менее важны по сравнению с исполнительскими качествами. Вместе с тем, чем успешнее предприятие, тем более востребованы новационные способности работника [Мониторинг... 2005].

²¹ Превращение высшего образования в социальную норму впервые было отмечено А. Левинсоном [Дубин и др. 2004] и затем получило подтверждение в других исследованиях. См., например: [Мониторинг... 2005; Требования... 2006].

²² По этому поводу см. также: [Требования... 2006].

Эти различия в требованиях показывают, что спрос на различные типы работников с высшим и профессиональным образованием все сильнее заявляет о себе. Поэтому можно предположить, что на низовых уровнях служебной иерархии общего высшего образования будет достаточно для исполнения служебных функций. По мере продвижения по карьерной лестнице образование должно «добираться»: помимо общекультурных факторов, все большее значение начинает придаваться профессиональным знаниям и навыкам, а также практическому опыту работы.

- Чем выше должность работника, тем более обязательным становится наличие формального профессионального образования.
- Предоставление диплома о высшем образовании при найме на любую руководящую должность является «абсолютным» требованием.
- Относительно более мягкие требования к наличию формального образования существуют в определенных секторах экономики (торговле, малом бизнесе) и связаны со спецификой деятельности, когда основные профессиональные навыки приобретаются на рабочем месте, с опытом работы [Мониторинг... 2005].

Проведенные исследования также показывают, что в современной экономике работодатель отдает предпочтение «широкому профилю» подготовки по сравнению с подготовкой узкого специалиста. Узкий специалист востребован только на рабочих местах, где в деятельности преобладают конкретные (узкие) навыки: подготовка летного состава, судоводителей морских судов и т.п., а также при подготовке квалифицированных рабочих [Мониторинг... 2005].

Общее высшее образование, выполняющее прежде всего функцию социализации, а не профессионализации, связано и с процессом быстрого расширения сферы высшего образования. Рост массовости высшей школы неминуемо должен был привести к снижению качества высшего образования как собственно профессионального образования. Косвенно доказательством снижения качества может служить значительно меньший рост числа преподавателей вузов по сравнению с ростом числа студентов. С 1991 по 2003 г. численный состав ППС вузов вырос всего на 47% при росте контингентов, как уже отмечалось, в 2,3 раза. При этом серьезные изменения претерпела структура профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений. Штатный преподавательский персонал вырос менее, чем на 1/3, в то время как число совместителей выросло более, чем в 3 раза. Одновременно произошла переструктуризация и внутри штатного состава: число преподавателей, работающих на полную ставку, увеличилось за почти 15 лет всего на 17%, а вот число штатных «полуставочников» и «четвертьставочников» возросло за тот же период почти в 4,5 раза.

Таким образом, штатные преподаватели начали работать на 1,5—2 ставки, чтобы компенсировать низкую заработную плату (штатная бюджетная зарплата профессора вуза до последнего времени составляла 5,5 тыс. руб.; с ноября 2006 г. резко повышена доплата за степень кандидата и доктора наук, что приведет к соответствующему росту бюджетной зарплаты профессора). Вместе с тем резко возросшая численность штатных «полуставочников» и совместителей показывает, что вуз перестает быть основным местом работы для значительной части преподавателей (для более чем 31%), превращаясь в место подработки, выход на тех, кто стремится получить услуги репетитора при поступлении в вуз (а число та-

ких преподавателей, как показывают социологические данные, увеличивается). В то же время повышение престижности высшего образования приводит к тому, что часть преподавателей — это родители, которые идут работать в соответствующий вуз, чтобы обеспечить своим детям поступление в высшую школу и страховать их в период обучения. Кроме того, в небольших городах, где есть вузы, работа в высшей школе есть доступ в определенную касту, что позволяет обеспечивать поступление своего ребенка и других родственников и знакомых не только в «свой» вуз, но и в другие высшие учебные заведения города на основе системы неформальных связей (отношений, обмена услугами).

Указанные процессы в целом негативно отражаются на качестве высшего образования независимо от того, «бегают ли преподаватели по вузам для увеличения заработка», использует ли он вуз как место получения клиентов для оказания репетиторских или иных услуг, либо вуз является для него источником дополнительного дохода. В целом можно констатировать, что протекающие процессы привели к тому, что число студентов, приходящихся на одного преподавателя, резко возросло (по нашим расчетам с 11 : 1 до 20 : 1, т.е. почти в 2 раза), при том, что педагогические технологии, используемые для подготовки специалистов, в большинстве вузов не изменились.

Таким образом, можно сделать вывод, что быстрый рост доступности высшего образования (переход к массовому высшему образованию) привел к снижению качества профессионального образования. В силу этого, а не только в силу изменения требований работодателей, необходима дифференциация системы высшего образования как по линии «массовое — элитное», так и по линии «общее — специальное (профессиональное)». Пока указанной явной дифференциации не произошло, и вся система высшего образования оценивается исключительно в терминах «плохое» образование и «хорошее» образование. Этот момент серьезно затрудняет реформирование высшей школы, поскольку, с одной стороны, повышенный спрос на определенные виды образования затрудняет его конечную оценку, а с другой — собственно профессиональное образования рассматривается как «хорошее» (и даже лучшее в мире), несмотря на то что оно оказывается не востребованным рынком труда. И вузы считают, что выпускают специалистов, даже если последние не находят работы по специальности. Здесь есть некоторый резон, так как в последние годы на управленческие должности многие работодатели предпочитают брать людей с хорошим (профессиональным) техническим образованием, поскольку они нередко лучше тех, кто получил управленческое образование, справляются с решением сложных организационных задач, требующих системного (стратегического) мышления [Требования... 2006]. Впоследствии они получают второе высшее образование или через программы МВА — необходимые управленческие, экономические или правовые знания.

Ряд технических вузов вступают в настоящее время в альянс с экономическими вузами, когда после 4—5 лет обучения их студенты поступают в экономические или управленческие магистратуры последних. Фактически это означает, что техническое образование начинает выступать не только и не столько как профессиональное, а в большей степени как общее, на которое накладывается управленческое или экономическое образование как специальное. В результате получается управленец или эконо-

мист, который хорошо разбирается (может разобраться) в технических характеристиках современного производства.

В то же время существуют значительные сложности в переходе к двухуровневому высшему образованию — бакалавриат-магистратура. Прежде всего, это потеря статуса большим числом вузов, в которых будет сосредоточен только бакалавриат, или общее высшее образование. При сокращении контингентов вузов по демографическим причинам это может существенно отразиться на финансовом положении многих вузов, даже если финансирование бюджетного контингента возрастет (в силу одновременного сокращения платного контингента). Не преодоленная до сих пор неопределенность с военной реформой также, скорее всего, негативно повлияет на реакцию общества на возможные перемены в системе высшего образования.

Переход на двухуровневую систему с жестким выделением вузов, которые получают право на открытие магистратур, а также сохранение небольшого числа вузов с программами специалитета приведут к еще одному за недолгое время реформированию всего высшего образования. Если в настоящее время неофициально известно, какой вуз лучше, а какой хуже, но их дипломы практически равноценны, поскольку считается, что подготовка соответствует государственному стандарту высшего образования, то формальное выделение и закрепление статусов высших учебных заведений как национальных или исследовательских университетов, системообразующих и т. п. вузов может непредсказуемым образом сказаться на поведении потребителей услуг высшей школы. Многие семьи, для которых сейчас высшее образование является вожаделенной целью или призом, вдруг обнаружат, что к «истинному» высшему образованию они доступа не имеют. Это не сильно изменит уже сложившуюся ситуацию (табл. 15), когда дети из малообеспеченных семей не получают в результате окончания вуза ожидаемых выгод в виде либо дохода, либо социального статуса, но открытая фиксация этого факта в общественном сознании может привести к резкому росту социальной напряженности.

Таблица 15. Связь ресурсной обеспеченности домохозяйств с перспективностью профессии, получаемой респондентами, %

Ресурсный потенциал	Варианты ответов на вопрос: «Что дает специальность, которую Вы получаете?»			
	Доход и социальный статус	Только социальный статус	Только доход	Ни доход, ни социальный статус
Низкий	22,2	32,9	34,9	43,7
Средний	48,5	48,5	48,4	40,4
Высокий	29,3	18,6	16,7	15,9

Источник: [Авраамова 2004: 171].

Без демпфирующих механизмов введение двухуровневой системы и жесткое разделение высшего образования на общее и профессиональное (специальное), хотя и является необходимой мерой повышения эффективности данной сферы, в социальном плане себя, скорее всего, пока не оправдывает. Вместе с тем, пока этого разделения не произойдет, предъявлять повышенные требования к качеству профессионального образования нецелесообразно. Более того, эта мера может крайне отрицательно ска-

заться на развитии негосударственного сектора высшей школы, на который будут переведены все стрелки. И хотя качество образования в большинстве негосударственных вузов оставляет желать лучшего, еще более сильное размежевание системы на «наших», т.е. государственных, и «не наших», т.е. негосударственных, принесет больше вреда, чем пользы. Тем более, что и во многих государственных вузах, которые заведомо находятся в более благоприятных условиях по сравнению с негосударственными, ситуация с качеством профессионального образования является далеко не благополучной.

Особую тревогу вызывает и процедура, по которой может осуществляться категорирование вузов. До сих пор не решена поставленная еще в 2000 г. задача отбора ведущих вузов. Предлагаемые для этого критерии подвергаются серьезной критике. То же относится и к попыткам отобрать претендентов на национальные (исследовательские) университеты. В частности, одним из критериев предлагали сделать численность студентов очной формы обучения в вузе, претендующем на это звание. Предполагалось, что это будут университеты, чей контингент превышает 40 тыс. человек. Однако в России не оказалось таких вузов: всего 12 высших учебных заведений имеют численность студентов очной формы обучения, превышающую 12 тыс. человек. Процесс же слияния вузов с целью концентрации ресурсов может оказаться крайне конфликтным. Кроме того, учитывая огромные российские расстояния, было бы неэффективным при низкой мобильности молодежи концентрировать вузы в определенных точках. Рост филиальной сети при всех своих издержках, в том числе и связанных с качеством образования, решал проблему территориальной доступности при резком сокращении транспортных издержек и затрат на проживание в другом городе. Создать же недорогие студенческие кампусы по образцу западных университетов при нынешнем состоянии имеющегося фонда общежитий вряд ли удастся. Следует отметить, что большинство российских вузов в настоящее время малы по своим размерам не только в сравнении с американскими университетами, но и европейскими: в среднем на российский вуз в 2004/2005 учебном году приходилось немногим более 2,6 тыс. студентов; если же рассматривать только очный контингент, то менее 1,2 тыс. человек. При этом следует учитывать, что для многих западных университетов доходы от проживания студентов в кампусах являются одной из значимых статей их бюджетов²³.

В целом анализ показывает, что российская система высшего образования переживает, наряду с дифференциацией по признаку «массовое — элитное», дифференциацию и по признаку «общее — профессиональное (специальное)», но открытая фиксация (признание) этих процессов в настоящее время крайне проблематична по социальным и экономическим причинам. Поэтому пока происходят (допускаются) только весьма грубые различия: столичное образование (вузы Москвы и Санкт-Петербурга) — нестоличное (провинциальное) образование, престижное — непрестижное в рамках конкретного региона, хорошее и плохое образование. Более глубокая открытая сегментация рынка высшего образования с выделением собственно элитного профессионального образования и массового общего еще впереди.

²³ См. [Leslie, Anderson 2001].

Литература

Аврамова Е.М. Доступность высшего образования и перспективы позитивной социальной динамики // Доступность высшего образования в России / Независимый институт социальной политики; отв. ред. С.В. Шишкин. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004.

Дубин Б.В. и др. Доступность высшего образования: социальные и институциональные аспекты // Доступность высшего образования в России / Независимый институт социальной политики; отв. ред. С.В. Шишкин. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004.

Индикаторы образования. Стат. сборник. М.: ГУ ВШЭ, 2006.

Мониторинг экономики образования. Анализ взаимосвязей системы образования и рынка труда в России / Информационный бюллетень. 2005. № 1 [9].

Образование в Российской Федерации. Стат. ежегодник. М.: ГУ ВШЭ, 2005.

Образование в странах с переходной экономикой: задачи развития // Доклад Всемирного банка. М., 2002.

Россия в цифрах / Росстат. М., 2006.

Рощина Я.М. Сколько стоит образование в России? // Экономика образования. 2006. № 1. 2006

Рощина Я., Другов М. Социальные детерминанты неравенства доступа к высшему образованию в современной России // Проблемы доступности высшего образования. Препринт WP3/2003/01. Независимый институт социальной политики; отв. ред. С.В. Шишкин. М.: СИГНАЛЬ, 2003.

Требования работодателей к системе профессионального образования. М.: МАКС Пресс, 2006.

Экономика образования, итоги мониторинга. М.: ГУ ВШЭ, 2004.

Leslie L.L., Anderson R.E. (eds.). ASHE Reader on Finance in Higher Education. 2nd ed. Needham Heights, MA: Ginn Press, 2001.

А.И. Пишняк

Исследование стилей жизни: психографический метод в социологических исследованиях

Стиль жизни стал предметом внимания исследователей еще в классический период развития социологии: достаточно вспомнить такие имена, как М. Вебер, Т. Веблен, Г. Зиммель, чтобы убедить скептически настроенного читателя в том, что, обсуждая стиль жизни людей, мы касаемся одного из фундаментальных вопросов социологии.

Сегодня классификация стилей жизни выступает не только в роли самостоятельной исследовательской цели — все чаще принадлежность к той или иной «стилевой» группе играет роль объясняющего фактора. Такой подход оказывается популярен среди специалистов, занятых исследованием в самых разных направлениях социологии, а также работающих в сфере психологии, маркетинга, политологии. У исследователей рынка совокупность методик выявления различных групп потребителей по поведению, предпочтениям, мотивам и т.д. получила название — «психографика» [Гантер, Фернхам 2001]. И хотя вопрос о том, насколько изучение стилей жизни и психографика совпадают, а насколько расходятся, до сих пор дискутируется, термин этот начинает закрепляться на страницах социологических текстов.

Надо заметить, что в отечественной литературе долгое время превалировало понятие «образ жизни», которое одни исследователи отождествляли со «стилем», другие характеризовали как нечто более широкое, вбирающее в себя «всю жизнедеятельность людей в целом» и одновременно позволяющее «сосредоточить внимание на субъективной стороне человеческой деятельности, мотивах» [Энциклопедический... 1995: 772]. Однако на практике в основу схем идентификации групп респондентов по образу или стилю жизни мотивы зачастую не попадали. Психографика, напротив, как научный подход, невозможна без обращения к причинам действий. И поскольку в настоящей статье мы предлагаем классификацию респондентов, базирующуюся на анализе как поведения, так и внутренних побуждений опрошенных, оперировать будем термином «психографика».

Краткое описание эмпирической базы

Информационным ресурсом, на котором построена предложенная нами психографическая типология, является мониторинг стиля жизни и потребления — «Российский индекс целевых групп» (R-TGI).

Обследование TGI разработано Британским бюро маркетинговых исследований и проводится в Великобритании уже более 30 лет. В 1995 г. Исследовательская компания «КОМКОН-Медиа» получила от создателей

TGI лицензию на право реализации мониторинга в России. С этого момента ежегодно опрашивается 16 тыс. домохозяйств (36 тыс. респондентов) в 60 городах России, при этом фиксируются следующие характеристики жизнедеятельности населения: потребление товаров и услуг (более 400 категорий и 3900 марок), медиапредпочтения (пресса, радио, телевидение, Интернет) и, что наиболее важно в рамках данного анализа, стиль жизни¹.

Настоящее исследование основано на данных R-TGI 2000 г. Объектом исследования является население г. Москвы экономически активного возраста (от 15 до 72 лет), которое составляет в выборке мониторинга 4467 респондентов.

Для построения психографической типологии населения мы использовали блок оценочных суждений мониторинга, касающийся привычек и установок респондентов (232 вопроса) и представляющий собой критерий Лайкерта. Иными словами, работа велась со списком суждений, оцененных респондентами по шкале: определенно согласен — скорее согласен — в чем-то согласен, в чем-то не согласен — скорее не согласен — определенно не согласен.

В качестве примера приведем некоторые вопросы этого блока.

- Я предпочитаю вегетарианскую пищу.
- Сейчас трудно выжить, не нарушая закон.
- Главное для меня при выборе товара — его качество.
- Большинство журналов — это зря потраченные деньги.
- Мне нравится выделяться из толпы.
- Мне не нравится, когда дети вмешиваются в решения взрослых.
- У меня мало свободного времени.
- Я часто сравниваю процентные ставки, предлагаемые банками.
- Я охотно знаколюсь с новыми людьми.
- Я верю в чудеса.
- Я скорее проведу спокойный вечер дома, чем пойду на вечеринку.

На базе суждений были выявлены психографические факторы, характеризующие основные «скрытые» психографические переменные, которые, в свою очередь, легли в основу классификации респондентов по стилю жизни.

Моделирование психографических факторов

Для выявления латентных психографических факторов была применена процедура факторного анализа. Однако включение переменных, измеряемых на основании порядковой шкалы, в факторный анализ является не совсем корректным с точки зрения математического метода². Тем не менее использовать подобные переменные при реализации этого статистического метода, обеспечивая при этом «законность» действий с точки зрения математики, возможно. Прежде всего необходимо выявить группы суждений, характеризующих отдельные психографические признаки, а за-

¹ Российский индекс целевых групп: <http://www.comcon-2.com>

² «Факторный анализ в его классическом варианте разработан для данных, полученных при измерениях по интервальному шкалам» [Викторов, Шашнов 1995: 42]. «[Данные для факторного анализа] должны быть количественными, измеренными в интервальной шкале или шкале отношений» [SPSS 2002: 356].

тем получить на основе суммирования значений переменных, входящих в одну группу, новые переменные с большим числом градаций.

Поясним. В основе перечисленных действий лежит допущение, на котором базируется концепция Лайкерта, а именно предположение о том, что, определив степень согласия/несогласия респондента с набором неких утверждений, можно установить отношение респондента к скрытому фактору.

Поскольку шкале Лайкерта могут приписываться цифровые коды (так, в базе данных, с которой мы работаем: «определенно согласен» = 1, «скорее согласен» = 2, «в чем-то согласен, в чем-то не согласен» = 3, «скорее не согласен» = 4, «определенно не согласен» = 5), можно произвести операцию суммирования переменных, входящих в одну группу, вследствие чего будет получена новая шкала, характеризующая отношение к латентной переменной, которую, по сути, и описывают, заданные вопросы. Допустим, в группу вошли 5 переменных, тогда протяженность суммарной шкалы — [5;25]. Смысл операции заключается в том, что созданную таким образом шкалу с некоторым допущением можно считать не порядковой, а интервальной, и это позволяет включить переменную, измеренную по этой шкале, в факторный анализ, не нарушая при этом канонов математики³.

Итак, следуя этому методу, мы протестировали множество различных комбинаций переменных (при помощи анализа надежности по модели Кронбаха «Альфа»), выделили 22 психографические характеристики и создали соответственно 22 новых шкалы на базе исходных переменных R-TGI (табл. 1).

Таблица 1. Список психографических характеристик, идентифицируемых на базе блока оценочных суждений R-TGI, и значения показателя надежности «Альфа» для шкал, их измеряющих

Психографические характеристики	Значение показателя «Альфа»
Склонность к пессимизму	0,8
Признание особой важности внешнего вида, стремление быть модным	0,8
Склонность к демонстративному потреблению товаров дорогих марок в сочетании со стремлением внешне выделяться из толпы	0,8
Фокусировка на качестве товаров и пользе продуктов	0,7
Наличие предпринимательских способностей	0,7
Бережливость, рациональность в покупках	0,7
Нравственность	0,7
Склонность к участию в «рекламных играх»	0,7
Сожаление о произошедших и происходящих вокруг изменениях в сочетании с отсутствием ожиданий от будущего	0,7
Зависимость от СМИ и склонность доверять транслируемой информации	0,7
Восприятие свободы как особой ценности и ориентированность на собственное мнение	0,7
Признание особой важности денег	0,6

³ «И даже если расстояния между соседними баллами [итоговой шкалы] не равны, этим можно пренебречь, поскольку соответствующие различия будут очень малы с точки зрения их четкой содержательной интерпретации. Будем поэтому считать их одинаковыми. Тем самым будем воспринимать шкалу как интервальную» [Толстова 1998: 115].

Окончание табл. 1

Психографические характеристики	Значение показателя «Альфа»
Неприятие финансовых рисков	0,6
Склонность к расточительству	0,6
Авантюризм	0,6
Склонность к новаторству	0,6
Признание собственной финансовой обеспеченности	0,6
Стремление к организованности и порядку	0,6
Приятие традиционных ролей членов семьи, а также стандартов ведения быта, характерных для советской эпохи и связанных, возможно, с недостаточной материальной обеспеченностью	0,6
Готовность нарушить закон	0,5
Интерес к политике	0,5
Экстравертированность	0,5

Таким образом были сформированы переменные, которые использовались далее при реализации *факторного анализа методом главных компонент*.

Изучая наращение процента объясненной дисперсии при увеличении числа компонент анализа, мы пришли к решению выделить 8 основных факторов, которые обеспечивают 70%-е объяснение. Данные табл. 2 свидетельствуют о том, что все идентифицированные факторы являются ярко выраженными и обособленными. Опишем их последовательно.

Фактор 1-й: «Предприимчивость».

Четко выраженная ориентация на собственные ценности и интересы (0,8), вкпе с готовностью обходить закон (0,7) предрасположенностью к авантюризму (0,6) и экстравертивным поведением (0,6) — черты, характеризующие, на наш взгляд, не столько склонность к предпринимательству (хотя и она в данном факторе довольно сильна — 0,6), сколько именно предприимчивость, которая может реализовываться разными способами, и бизнес здесь — лишь один из возможных вариантов. Однако факторные нагрузки психографических характеристик «Склонность к расточительству» и «Бережливость, рациональность в покупках» — 0,3 и (–0,1) соответственно — все же указывают на то, что перечисленные выше качества способствуют материальному обогащению.

Фактор 2-й: «Советскость».

Характеристики, описывающие этот фактор, безусловно, декларировались как «общественно одобряемые» в рамках советской идеологии: «Стремление к организованности и порядку», довольно выраженный «Интерес к политике», «Нравственность» (среди составляющих которой — уверенность в том, что выполнять свой долг важнее, чем жить в свое удовольствие, что соблюдение законов является обязательным, что любые проступки не окажутся безнаказанными и следует строго соблюдать принципы нравственности и морали). Немаловажно, что при этом ярко выражена и психографическая характеристика «Приятие традиционных ролей членов семьи, а также стандартов ведения быта, характерных для советской эпохи и связанных, возможно, с недостаточной материальной обеспеченностью» (0,6), и отмечается «Сожаление о произошедших и происходящих вокруг изменениях» (0,3). На наш взгляд, перечисленные доводы вполне обосновывают выбранное для этого фактора название.

Таблица 2. Психографические факторы (коэффициенты, полученные после вращения методом варимакс)

Психографические характеристики	Психографические факторы							
	Предприимчивость	Советскость	Погоня за модой и «престижным именем»	Жизнь вчерашним днем	Накопление и приумножение	В сетях у СМИ и рекламы	В поиске наилучшего	Вынужденная бережливость
Склонность к пессимизму	0,143	0,259	-0,019	0,847	0,085	0,047	0,046	0,097
Признание особой важности внешнего вида, стремление быть модным	0,190	0,043	0,869	-0,038	0,147	0,152	0,148	-0,030
Фокусировка на качестве товаров и пользе продуктов	0,074	0,337	0,199	-0,119	0,118	0,208	0,698	0,143
Наличие предпринимательских способностей	0,604	0,298	0,120	-0,040	0,114	0,183	0,060	-0,327
Бережливость, рациональность в покупках	-0,102	0,327	-0,157	0,219	-0,082	0,128	0,008	0,676
Признание особой важности денег	0,259	0,098	0,147	0,149	0,743	0,230	0,017	-0,076
Нравственность	0,076	0,774	-0,008	0,167	0,001	0,051	0,148	0,064
Готовность нарушить закон	0,735	0,110	0,033	0,319	0,178	0,033	0,214	0,116
Склонность к демонстративному потреблению товаров дорогих марок в сочетании со стремлением внешне выделяться из толпы	0,160	0,036	0,830	-0,008	0,121	0,181	0,222	-0,198
Неприятие финансовых рисков	0,115	0,249	0,028	0,018	0,738	0,070	0,241	0,171
Склонность к расточительству	0,306	-0,037	0,175	0,181	0,158	0,153	0,684	-0,106
Авантюризм	0,643	0,145	0,239	-0,059	0,095	0,263	0,151	-0,216
Склонность к участию в «рекламных играх»	0,133	0,021	0,144	0,014	0,066	0,802	0,188	-0,056
Интерес к политике	0,219	0,677	-0,031	0,236	0,025	0,186	-0,074	-0,189
Сожаление о произошедших и происходящих вокруг изменениях в сочетании с отсутствием ожиданий от будущего	0,063	0,320	-0,054	0,835	0,034	0,031	-0,010	0,086
Склонность к новаторству	0,238	0,084	0,247	-0,017	0,139	0,493	0,412	-0,127
Экстравертированность	0,613	0,003	0,438	-0,127	0,149	0,169	-0,060	0,191
Признание собственной финансовой обеспеченности	0,132	-0,011	0,255	-0,009	0,660	0,126	0,074	-0,417
Зависимость от СМИ и склонность доверять транслируемой информации	0,130	0,150	0,116	0,096	0,227	0,708	0,033	0,215
Стремление к организованности и порядку	0,190	0,701	0,159	0,114	0,215	0,001	0,094	0,163
Восприятие свободы как особой ценности и ориентированность на собственное мнение	0,788	0,215	0,066	0,123	0,141	0,055	0,166	-0,036
Приятие традиционных ролей членов семьи, а также стандартов ведения быта, характерных для советской эпохи и связанных, возможно, с недостаточной материальной обеспеченностью	0,114	0,630	0,004	0,262	0,182	0,022	0,078	0,285

Фактор 3-й: «Погоня за модой и «престижным именем».

Данный фактор характеризуется стремлением выделиться сверхмодно, выделяться из толпы, демонстрируя при этом возможность приобретать одежду и аксессуары престижных марок. Об этом свидетельствует выраженность компонент «Признание особой важности внешнего вида, стремление быть модным» (0,9) и «Склонность к демонстративному потреблению товаров дорогих марок в сочетании со стремлением внешне выделяться из толпы» (0,8). Заметим, что слово «мода» здесь далеко от статистического понятия моды, поскольку подразумевает самые новые стили в одежде — респондентов, для которых обсуждаемый фактор ярко выражен, можно назвать инноваторами. На последнее указывает и факторная нагрузка характеристики «Склонность к новаторству» — 0,2. Не удивительно, что при этом «Бережливость и рациональность в покупках» имеет отрицательное значение, а «Признание финансовой обеспеченности» приближается к 0,3.

Фактор 4-й: «Жизнь вчерашним днем».

Определяющей чертой здесь является «Сожаление о произошедших и происходящих вокруг изменениях в сочетании с отсутствием ожиданий от будущего» (0,8), которая, при ярко выраженной нагруженности фактора характеристикой «Склонность к пессимизму» (0,8), и обуславливает, по всей видимости, замыкание в себе (компонента «Экстравертичность» имеет отрицательный знак — (-0,1)). Объяснением же отрицательной факторной нагрузки «Фокусировки на качестве товаров и пользе продуктов» (-0,1), помимо недостатка денежных средств («Признание собственной финансовой обеспеченности» — (-0,1)), на наш взгляд, может быть приверженность к стандартным для советского времени представлениям о пользе тех или иных продуктов, которые, безусловно, во многом расходятся с представлениями современными, послужившими основанием для формирования самой психографической характеристики, отражающей стремление выбирать качественные и полезные продукты. Во всяком случае значение нагрузки «Приятия традиционных ролей членов семьи, а также стандартов ведения быта, характерных для советской эпохи и связанных, возможно, с недостаточной материальной обеспеченностью» (0,3) позволяет сделать такое предположение. Отдельно следует остановиться на характеристике «Готовность нарушить закон» (0,3). На наш взгляд, в данном случае мы имеем дело с проявлением характерной для «жизни вчерашним днем» убежденности в том, что успешными людьми сегодня могут стать только преступающие закон (отметим, что одной из компонент психографической характеристики «Готовность нарушить закон» была оценка утверждения «Сегодня сложно прожить, не нарушая закон»).

Фактор 5-й: «Накопление и приумножение».

Характеризует повышенный интерес к деньгам как самостоятельной ценности, а не средству. При явном «Неприятии финансовых рисков» (0,7) и «Признании собственной финансовой обеспеченности» (0,7) невыраженными остаются все прочие характеристики, кроме «Признания особой важности денег» (0,7). Однако назвать этот психографический фактор «скупостью» было бы некорректно, поскольку «Бережливость и рациональность в покупках» выражена отрицательно — (-0,1). Возможно, причина кроется в недостатке психографических характеристик, поддающихся идентификации. Однако в данных условиях приведенная интерпретация значения этого фактора представляется нам обоснованной.

Фактор 6-й: «В сетях у СМИ и рекламы».

Данный фактор обусловлен двумя основными характеристиками, каждая из которых нашла отражение в самом его названии: «Зависимость от СМИ и склонность доверять транслируемой информации» (0,7) и «Склонность к участию в “рекламных играх”» (0,8). Неудивительно, что и «Склонность к новаторству» здесь довольно высока (0,5), — вполне логично обнаружить ее там, где присутствует подверженность рекламному воздействию, зачастую побуждающему пробовать новые виды и марки товаров.

Фактор 7-й: «В поиске наилучшего».

В рамках данного фактора на первый план выходят три следующие психографические характеристики: «Фокусировка на качестве товаров и пользе продуктов» (0,7), «Склонность к расточительству» (0,7) и «Склонность к новаторству» (0,4). На наш взгляд, в данном случае речь идет о новаторстве, связанном с постоянным поиском товаров наилучшего качества, что заставляет пробовать новые и новые марки продуктов, реализуя заявленную стратегию.

Фактор 8-й: «Вынужденная бережливость».

Выделяющееся значение характеристики «Бережливость, рациональность в покупках» (0,7), при указании на недостаток материальных средств («Признание собственной финансовой обеспеченности» — (-0,4)) и отсутствии указаний на характеристики, которые позволили бы усомниться в справедливости оценки обеспеченности как недостаточной (например, «Наличие предпринимательских способностей» (-0,3)), характеризует экономность, продиктованную обстоятельствами. В этих условиях отрицательная нагруженность «Признания особой важности денег» (-0,1) может интерпретироваться по-разному и выступать как в роли объяснения сложившейся ситуации, так и оправдания неспособности ее изменить.

Итак, мы получили довольно яркие факторы, являющие собой, по сути, различные линии поведения. Другими словами, факторы эти могут быть представлены как «идеальные» стили жизни, из сочетаний которых складывается множество действительных образов поведения людей. Однако, как известно, факторный анализ позволяет сгруппировать переменные, но не решает задачу классификации респондентов. Соответственно для того, чтобы составить на базе полученных стилей жизни типологию респондентов, воспользуемся другим статистическим методом.

Конструирование психографических типов респондентов

Для идентификации различных психографических типов респондентов была применена процедура *кластерного анализа методом К-средних*. Описание результатов группировки опрошенных по психографическим факторам приведено в табл. 3. Представленная кластеризация является оптимальной — к этому выводу мы пришли после проведения ряда других группировок: при увеличении числа кластеров получаем «группы-близнецы», мало отличимые друг от друга, при уменьшении — теряем группы, которые четко определялись при выборе восьми кластеров.

Что же представляют собой идентифицированные кластеры? И каковы их социально-демографические характеристики?

Прежде чем ответить на эти вопросы, сделаем одно немаловажное замечание. Составляя психографическую типологию, исследователь стремится определить отношение респондентов к феномену, который являет-

ся предметом его научного интереса. Следовательно, выбор основания классификации будет зависеть от того, какое явление или процесс изучается. В силу специфики данных R-TGI в настоящей работе мы представляем типологию, базой для которой являются *стратегии потребительского поведения*, и именно этим определяются названия кластеров и акценты, которые мы делаем в описании категорий населения, входящих в идентифицированные группы.

Итак, полученные результаты позволяют утверждать, что существуют 6 групп респондентов с различными стратегиями потребительского выбора, а также группа респондентов, находящихся в поиске стратегии, и группа респондентов, не имеющих своей стратегии, но и не ищущих ее:

- ориентированные на качество;
- ориентированные на традиции;
- ориентированные на моду;
- ориентированные на престиж и высокую цену как его эквивалент;
- ориентированные на «мнение с экрана»;
- ориентированные на низкую цену;
- ищущие стратегию;
- респонденты без стратегии.

Таблица 3. Описание кластеров, идентифицированных на основе психографических факторов (средние значения факторов)

Кластеры \ Психографические факторы	Ориентированные на качество — «Ищущие наилучшее»	Ориентированные на традиции — «Традиционалисты»	Ориентированные на моду — «Модники-расточители»	Ориентированные на престиж и высокую цену — «Преуспевающие»	Ориентированные на «мнение с экрана» — «Жертвы рекламы»	Ориентированные на низкую цену — «Вынужденные экономить»	Ищущие стратегию — «Адаптирующиеся»	Респонденты без стратегии — «Не сумевшие адаптироваться»
Предприимчивость	-0,423	0,264	-0,668	1,198	0,389	-0,309	0,441	-0,636
Советскость	0,388	0,830	-0,784	-0,288	0,443	0,545	-0,650	-0,745
Погоня за модой и «престижным именем»	-0,390	0,090	0,738	0,251	0,089	0,108	-0,255	-0,579
Жизнь вчерашним днем	-0,102	0,485	-0,496	-0,421	-0,065	-0,512	1,088	0,135
Накопление и приумножение	0,472	-1,189	-0,576	0,633	0,322	0,287	0,137	-0,180
В сетях у СМИ и рекламы	-0,343	-0,355	0,403	-0,545	1,456	-0,194	-0,006	-0,378
В поиске наилучшего	0,864	-0,278	0,540	-0,440	-0,218	-0,165	0,671	-1,129
Вынужденная бережливость	-0,780	0,001	-0,116	-0,321	-0,266	1,006	0,648	-0,355
Размер кластера, % от выборки респондентов экономически активного возраста	14,0	12,0	12,0	10,8	12,1	15,3	12,0	11,8

1-я группа: Ориентированные на качество — *«Ищущие наилучшее»*.

В числе респондентов, стремящихся приобретать товары высокого качества и продукты, максимально полезные для здоровья, доля высокообеспеченных гораздо выше, чем в среднем по выборке — 13,3% против 8,8%, что неудивительно, поскольку, как уже отмечалось ранее, фактор «В поиске наилучшего» не предполагает стремления минимизировать затраты. Здесь преобладают респонденты старше 35 лет, но не достигшие пенсионного возраста (54,3%), при этом более половины (52,1%) имеют высшее образование и лишь 6% — образование ниже среднего. Подавляющее большинство «ищущих наилучшее» являются занятыми — 75,6% (в то время как в среднем по выборке — 64,9%), и более 20% из них — руководители различных уровней. Немаловажно, что в этой группе фактически равно представлены респонденты обоих полов. И если в целом по выборке 65,4% опрошенных состоят в браке (зарегистрированном или гражданском) и 37,4% имеют детей до 15 лет, то среди вошедших в данный кластер таких — 78,4 и 43,9% соответственно. Таким образом, это респонденты среднего возраста, достигшие успехов в делах и являющиеся достаточно обеспеченными людьми, заботящимися о своем здоровье и здоровье членов семьи.

Обращаясь к списку оценочных суждений, отметим, что для опрошенных этой группы характерны следующие высказывания: «я готов платить больше за хорошее качество», «если мне что-то понравилось, я сразу делаю покупку», «я покупаю новые товары раньше, чем большинство моих знакомых».

2-я группа: Ориентированные на традиции — *«Традиционалисты»*.

Речь здесь идет о традиционализме, базирующемся на стандартах жизни советского общества. Как мы и предположили, интерпретируя фактор «Советскость», ярко выраженный у респондентов данной группы, практики ведения быта, характерные для него, во многом связаны с недостаточной материальной обеспеченностью, что подтверждает следующий факт: 74,7% «традиционалистов» относятся к членам домохозяйств с низкими доходами. Подавляющее большинство представляют женщины (71,6%), при этом доля пенсионеров среди респондентов, попавших в этот кластер, почти вдвое превышает среднюю по выборке (34,2 против 18,0%). Однако в состав группы входят респонденты не только пенсионных, но и средних возрастов. И если по причине значительного представительства первых фиксируется повышенная доля вдовцов (10,8 против 6,5% в целом по всем опрошенным), то благодаря вторым наблюдается также повышенная по сравнению со средней по выборке доля разведенных (13,2 против 9,8%). По тем же причинам сегмент респондентов-«традиционалистов», имеющих детей до 15 лет, невелик (29,7%). Соответственно это кластер респондентов, занимающих невысокие должностные позиции, выполняющих работу, не требующую квалификации, или уже вышедших на пенсию, имеющих низкий уровень благосостояния и вынужденных экономить, в том числе и на качестве приобретаемых товаров, а также использовать личное подсобное хозяйство в качестве дополнительного источника ресурсов.

Судя по высказываниям «традиционалистов», они действительно готовы решать многие задачи своими силами: так, респонденты этого типа ут-

верждают, что «всегда сами делают ремонт в квартире» и «получают большое удовольствие, работая на своей даче». Заметим, что им «нравится быть хорошо организованными», при этом они не только «строго соблюдают принципы нравственности и морали», но и уверены: «любые прощупки не окажутся безнаказанными».

3-я группа: Ориентированные на моду — *«Модники-расточители»*.

Этот кластер формируется главным образом из трех основных групп респондентов: занятые на высокооплачиваемых рабочих местах, домохозяйки и студенты. Разумеется, в число «модников-расточителей» попадают далеко не все из двух последних категорий респондентов, а только обладающие достаточными материальными средствами для приобретения дорогостоящих товаров престижных марок — доля высокообеспеченных в составе этого кластера почти вдвое превышает среднюю по всем респондентам (15,2 против 8,8%). Более 56% опрошенных, отнесенных к данной группе, моложе 36 лет. Вполне предсказуемо, среди них меньше состоящих в браке и больше холостых, чем в среднем по выборке (61,2 против 65,4% и 25,1 против 15,7% соответственно).

«Для меня важно быть хорошо одетым», «важно быть привлекательным для противоположного пола», «мне нравится выделяться из толпы», «я внимательно слежу за модой», «предпочитаю переплатить, но купить товар известной фирмы», «часто хожу в престижные магазины», — вот суждения из списка высказываний «модника-расточителя».

4-я группа: Ориентированные на престиж и высокую цену как признак престижа — *«Преуспевающие»*.

В отличие от фактора «Предприимчивость», речь здесь идет именно о тех, кто добился успехов в работе, обеспечив при этом себе высокий уровень благосостояния. Хотя не все вошедшие в этот кластер являются руководителями или владельцами собственного дела, мы посчитали возможным назвать эту группу именно так, поскольку даже те респонденты, которые не занимают позиции топ-менеджеров, являются высокооплачиваемыми специалистами. В конечном счете представительство респондентов, являющихся членами домохозяйств с самым высоким уровнем доходов, в этой группе в 2 раза превышает среднее по выборке (17,2 против 8,8%) и в 3—5 раз превосходит аналогичный показатель по ряду других кластеров (например, по «традиционалистам» или «не сумевшим адаптироваться»). При этом в данный кластер входят в основном молодые люди: 60,2% — не старше 35 лет. Что касается образования «преуспевающих», то это специалисты с высшим образованием, средним специальным, а также обучавшиеся в вузах в момент опроса. Надо заметить, что в кластер попали также и студенты, не работавшие в момент опроса, однако, поскольку они демонстрировали нацеленность на «накопление и приумножение», а также достаточно высокую материальную обеспеченность, мы сочли допустимым их присутствие в данной группе.

Для «преуспевающего» характерны такие высказывания, как: «я чувствую себя финансово обеспеченным», а «деньги — лучший показатель успеха». Надо заметить, что респондентам этой группы «нравится руководить другими людьми», при этом они убеждены, что «окружающие счита-

ют [их] энергичными и деловыми людьми». Из списка суждений «преуспевающие» выбирают также следующие: «мне нравится делать страшные или рискованные вещи», «я не обращаю внимания на правила, ограничивающие мою свободу», «временами представляется правильным не повиноваться закону».

5-я группа: Ориентированные на «мнение с экрана» — «Жертвы рекламы».

В сети рекламы, как ни странно, попадают и мужчины, и женщины в равной степени. В «группе особого риска» оказываются респонденты не старше 35 лет: если в среднем по выборке опрошенные 16—20 лет составляют 9,9%, а 21—35 лет — 28,5%, то в данном кластере таковых 15 и 34,6% соответственно. Пожилые люди, напротив, не предрасположены к «играм с рекламой» (доля респондентов пенсионных возрастов в данном кластере не превышает 11,3%, в то время как в среднем по выборке их 18,0%), что является вполне предсказуемым: основные причины этого кроются, на наш взгляд, в недостатке денежных средств и особой настороженности пожилых людей в отношении всего нового. Большинство «жертв рекламы» уже имеют высшее образование или являются студентами (54,9%). Хотя 65,2% кластера составляют занятые, велика и доля домохозяек — 12,4% (для сравнения, в среднем по выборке домохозяек 10,3%). Пожалуй, самым неожиданным оказалось то, что работники, занимающие руководящие должности, составляют почти 20% занятых этого кластера, в то время как в целом по выборке их представительство не превышает 15,7% занятых. Немаловажно, что значительная доля респондентов, входящих в данную группу, имеет детей до 15 лет. «Жертвы рекламы» не всегда относятся к высокообеспеченной категории респондентов, однако, если доля опрошенных из домохозяйств с высокими доходами составляет в среднем по выборке 8,8%, то в данном кластере таковых 9,6%.

«Жертвы рекламы» утверждают, что «доверяют информации, которую дает телевидение», и «есть такие ТВ-передачи, которые влияют на распорядок [их] дня». Интересно, что в то же время для них «часто реклама на ТВ бывает интереснее, чем сами передачи». О том же, что респонденты этой группы подвержены влиянию рекламы, свидетельствуют суждения: «мне хочется покупать продукты, которые рекламируют», «я стараюсь использовать рекламные купоны», «иногда покупаю новые товары только из любопытства».

6-я группа: Ориентированные на низкую цену — «Вынужденные экономить».

В кластере фиксируется повышенное представительство женщин предпенсионных и пенсионных возрастов, а также домохозяек из семей с невысоким уровнем материальной обеспеченности. Надо заметить, что в данной группе отмечается самая высокая доля респондентов с низкими доходами: если в целом по выборке таковых 65,7%, а в некоторых кластерах около 50% (как среди «преуспевающих» или «модников-расточителей»), то в числе «вынужденных экономить» их 76,0%. Неудивительно, что именно эта характеристика и является определяющей чертой обсуждаемой группы «вынужденных экономить».

К списку суждений респондентов, ведущих такой образ жизни, относятся утверждения: «я покупаю только самое необходимое», «отправляясь за покупками, я рассчитываю каждый рубль», «главное для меня при выборе товара — его цена», «я стараюсь покупать продукты про запас, так как растут цены». А на недостаток средств указывает тот факт, что «вынужденные экономить» фактически всегда отмечают вариант «определенно не согласен» рядом с высказываниями: «я чувствую себя финансово обеспеченным», «я доволен своим уровнем жизни» и т.п.; и, что еще более существенно, подчеркивают, что «практически все деньги тратятся на продукты питания».

7-я группа: Ищущие стратегию — *«Адаптирующиеся»*.

Принадлежащие к данному кластеру демонстрируют попытку адаптироваться к условиям, которые считают для себя неблагоприятными — несмотря на то что респонденты этой группы утверждают, что в прошлом жили лучше и отмечают неприспособленность к современным условиям, в отличие от «не сумевших адаптироваться» они предпринимают усилия для извлечения максимальной выгоды при минимальных затратах. Объясняется это прежде всего тем, что респонденты данного кластера моложе «не сумевших адаптироваться»: если среди последних опрошенные пенсионного возраста составляют почти 30%, а средних возрастов — 43,2%, то среди «адаптирующихся» — 14 и 50% соответственно. Кроме того, фиксируются различия в уровне образования: доля респондентов данной группы, не имеющих среднего образования, не только в 2 раза ниже соответствующей доли «не сумевших адаптироваться» (8,6 против 17,8%), но и не превосходит показателя среднего по всей выборке (8,6 против 9,2%). Надо заметить, что большинство «адаптирующихся» являются занятыми (67,6%), но значительна и доля домохозяек (11,2 против 10,3% в среднем по выборке). В конечном счете, хотя уровень благосостояния данного кластера оказывается невысоким (73,0% респондентов попадают в группу низких доходов и лишь 4,8% — в группу высоких, тогда как в среднем по выборке — 65,7 и 8,8% соответственно), он все же превосходит уровень «не сумевших адаптироваться».

Отличительным для респондентов данного психографического типа является сочетание пессимистических высказываний, характерных для «не сумевших адаптироваться», с такими суждениями, как «сейчас время больших возможностей», «временами представляется правильным не повиноваться закону», «я уверен, что смог бы основать свою собственную компанию».

8-я группа: Респонденты без стратегии — *«Не сумевшие адаптироваться»*.

Для респондентов этой категории характерна отрицательная нагруженность всех психографических факторов, на основании которых осуществляется кластеризация, кроме одного — «жизнь вчерашним днем». В основном это либо пенсионеры (26,9%), либо занятые на низкооплачиваемых местах, выполняющие работу, не требующую квалификации (около 45% занятых группы). Надо заметить, что в данном кластере фиксируется самая большая доля не имеющих даже среднего образования — 17,8 против 9,2% по всей выборке. «Не сумевшими адаптироваться» эти респонденты названы, поскольку при явном недостатке материальных средств

(76,3% группы являются членами домохозяйств с низким уровнем дохода, тогда как в среднем по выборке доля таковых не превышает 66%), они не демонстрируют никакой компенсационной стратегии: ни бережливости, ни предприимчивости, ни использования личного подсобного хозяйства.

Представители этого психографического типа отмечают, что им «нечего ожидать много от будущего», что они «мало могут сделать для изменения жизни». При этом «не сумевшие адаптироваться» полагают, что «в прошлом было лучше, чем сейчас», поскольку сегодня они «чувствуют, что остаются в стороне от событий».

Итак, на базе блока суждений были выявлены восемь основных линий поведения, которые, в свою очередь, легли в основу типологии респондентов по стилю жизни. Полученные группы характеризуются определенными социально-демографическими признаками, и вошедшим в эти группы опрошенным присущ определенный стиль поведения и мышления. Рассматривая предложенную классификацию, необходимо учитывать, однако, что восемью идентифицированными психографическими типами все разнообразие стилей жизни не исчерпывается: приведенные черты характерны для большинства респондентов, вошедших в тот или иной кластер, но не для всех опрошенных психографического типа. Таким образом, в завершение принципиально заметить, что результаты психографики зависят от двух основных факторов: ресурса, на базе которого производится классификация респондентов, и метода, которым исследователь пользуется при ее построении.

Литература

Викторов В.И., Шашнов С.А. Анализ факторный // Энциклопедический социологический словарь / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М.: ИСПИ РАН, 1995.

Гантер Б., Фернхам А. Типы потребителей: введение в психографику / Пер. с англ. под ред. И.В. Андреевой. СПб.: Питер, 2001.

Толстова Ю.Н. Измерение в социологии: Курс лекций. М.: ИНФРА-М, 1998.

SPSS: руководство пользователя. М.: SPSS Russia, 2002.

Энциклопедический социологический словарь / Под общ. ред. Г.В. Осипова. М.: ИСПИ РАН, 1995.

Н.В. Зубаревич

Эконом-географы о социальных проблемах

Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: географические очерки. М.: Новое издательство, 2003. — 408 с. (Серия «Новая история»)

Нефедова Т., Пеллот Д. Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? М.: Новое издательство, 2006. — 320 с. (Серия «Новая история»)

Две книги Татьяны Нефедовой (вторая — в соавторстве с английским географом Джудит Пеллот), изданные с интервалом в три года и дополняющие друг друга, помогают *по-новому увидеть и понять, как живет современное российское село*. Каждое из этих слов использовано не случайно.

Именно *село*, потому что эти книги рассказывают не только о сельском хозяйстве, в них показаны экономические и социальные отношения в сельской местности, взаимодействие унаследованных и новых институтов в переходный период.

Именно *российское*, так как профессия географа позволила авторам показать широкую палитру региональных практик, различия в формах адаптации населения севера и юга страны, русских, татарских и кавказских сел, всю мозаичность сельской экономической жизни и ее изменений. По сравнению с традиционными для социологов кейсами, число которых невелико, это качественно иной уровень анализа развития села, а точнее — разных сельских миров.

Именно *современное*, все исследования сделаны авторами в последние годы, дополняют друг друга и показывают многообразие проблем и тенденций в разных сферах сельской жизни.

Увидеть и понять — это метод работы Татьяны Нефедовой, которая объездила всю страну и провела сотни интервью и бесед с самыми разными «действующими лицами» — сельскими жителями, ведущими личное подсобное хозяйство для себя и на продажу, фермерами и чабанами, руководителями сельскохозяйственных предприятий и органов власти. Понимание изменений, происходящих в жизни села, дается не только опытом путешествий, но и кропотливой исследовательской работой, анализом огромной базы данных сельскохозяйственной статистики по 1500 муниципалитетам Европейской России, собранной автором.

И наконец — *по-новому*, это наиболее важная особенность рецензируемых книг. В них сплавлен воедино анализ демографических и социальных ресурсов села, экономического поведения и форм самоорганизации сельского населе-

ния, трансформации экономических укладов и структуры сельскохозяйственного производства, изменений в землепользовании, влияния городов на трансформацию сельских рынков. Каждый сюжет тесно связан с другими, показаны взаимозависимости и барьеры, влияющие на развитие села — демографические, природно-климатические, инфраструктурные, расселения и качества населения. В современной социальной науке стало редкостью умение синтезировать множество частных компонентов в единую картину, но рецензируемые книги о сельском пространстве написаны именно так. Они выглядят «по-новому» еще и в том смысле, что авторы стремятся сделать их интересными читателю — пишут живым русским языком, соединяя аналитику и яркие впечатления, используя точные эпиграфы, множество фотографий и карт.

Первая книга — «Сельская Россия на перепутье» — близка по структуре к научной монографии, она имеет четкую цель, заявленную Т. Нефедовой в самом начале: «показать пространство сельской России, его устройство, сгустки и разрежения, очаги развития и упадка». Книга состоит из трех частей и охватывает очень широкий круг тем. В первой части автор убедительно доказывает незавершенность российской урбанизации, переходное состояние «между городом и деревней» для многих жителей, делая вывод о том, что сельского населения в России намного больше, чем насчитывает статистика: пятая часть горожан живет в полусельской среде небольших городов и поселков, а еще есть феномен российской дачи, подтверждающий, насколько силен в России сельский образ жизни даже среди городского населения. Дачная жизнь россиян сравнивается с за-

падной субурбанизацией, и различия очевидны.

Вторая часть книги — о сельском хозяйстве, но это не сухие цифры и графики урожайности, надоев и привесов. Т. Нефедова рассматривает реальную, многоукладную сельскохозяйственную деятельность. По мнению рецензента, сельское хозяйство — одна из интереснейших отраслей экономики в современной России, ведь это экономика с человеческим лицом, и лицом очень разным. Книга помогает понять, почему в одних регионах и муниципалитетах общественный агросектор более жизнеспособен, а в других выживает с трудом, как меняется его отраслевая структура и почему сеять сейчас выгоднее, чем доить. Экономистам книга помогает разобраться в сельской безработице — ведь животноводство намного более трудоемко, чем зерновое хозяйство.

Т. Нефедова без алармизма и пафоса показывает, как в России выживают фермерские хозяйства, концентрируясь в наиболее товарных секторах аграрной экономики и собирая лучшие человеческие ресурсы деградирующего села. Становится понятным, что вместо «борьбы за развитие фермерского движения» нужно поддерживать этот институт там, где он оптимально приспособлен к местным условиям, в том числе природно-климатическим. Вроде бы так просто, но раньше нам об этом не говорили.

Структурируя эту часть книги по укладам — общественному сектору, фермерским хозяйствам и хозяйствам населения — автор показывает, насколько тесно они связаны в единый клубок, а личное подсобное хозяйство и другие уклады вообще не делимы. Из этого следует важный вывод для экономистов, занимающихся доходами населения — при сложившихся

в деревне перетоках «общественного и личного» проблема достоверности оценок реальных доходов сельского населения не утратит актуальности еще долго. Книга помогает понять, что существующие методы оценки доходов населения малопригодны в регионах с маргинальными условиями для сельского хозяйства. Там стратегии выживания сельского населения опираются на возрожденные формы «собираательства»: даров леса на севере, полуполюгального рыболовства вместо сельского хозяйства в дельте Волги. И как учитывать доходы от этой экономической деятельности?

Для географов и демографов наиболее интересен третий раздел книги. Автор показывает связь сельской экономики с городами, которая обеспечивает устойчивость развития села. Большой интерес представляет районирование сельской местности Европейской России по социально-сельскохозяйственным индикаторам. Ставится и самый больной вопрос — хватает ли людей на селе? По этому поводу скрещиваются копыта экономистов и демографов. Ответ, данный в книге, ближе всего к диагнозу российского бизнеса, который пытается инвестировать в аграрную экономику. Ответ простой: слишком много и слишком мало, при избыточной занятости в агросекторе велик дефицит качественных трудовых ресурсов.

В книге поставлен географический диагноз сельской местности и сельскому хозяйству страны. В нашей науке есть понятие географического детерминизма, многократно обруганное, но все еще пригодное для объяснения современного развития села. Там, где существуют более благоприятные условия для развития — природно-климатические, близость городских рынков сбыта, лучшее качество трудовых ресурсов, —

сельская экономика развивается успешнее. Т. Нефедова называет такие территории опорным каркасом. На другом полюсе — «черные дыры» сельского хозяйства, к ним относятся треть муниципалитетов Европейской России. А ведь есть еще и Сибирь с Дальним Востоком... Объективная диагностика проблем — важнейшее достоинство этой книги, принципиально непредвзятой и внимательно вглядывающейся в жизнь.

Вторая книга с интригующим подзаголовком «Зачем нужна корова?» полностью посвящена хозяйствам населения, которые с советских времен обозначаются аббревиатурой ЛПХ. Она родилась от чувства недосказанности и обилия собранных материалов, не вошедших в первую книгу. Авторы раскрывают особенности действительно неизвестного сельского хозяйства, в котором производится более половины аграрной продукции страны.

Тематически книга отнесена авторами к социальной географии сельского хозяйства, в ней больше живых впечатлений и интервью, представлены детальные исследования личных хозяйств населения в разных географических зонах — от русского Севера и Предуралья до Ставрополя и Поволжья. Авторы ставили задачу рассказать о теневой стороне российского сельского хозяйства, о хозяйствах «за забором». На наш взгляд, получилось намного шире — книга показывает, как живут люди в сельской местности. Она крайне полезна социологам, исследующим реальные экономические практики и их связь с условиями жизни. Достаточно посмотреть на оглавление, в котором есть сюжеты о гастарбайтерах и фермерах, сельском хозяйстве горожан, земельных конфликтах, хозяйствах для себя и на продажу и т.д.

Кроме того, авторы показывают, насколько важно учитывать ресурсообеспеченность хозяйств населения. В книге выделены четыре группы ресурсов: человеческий капитал, земля, помощь сельхозпредприятий и природные ресурсы. Их комбинация формирует разные экономические стратегии хозяйств населения в депопулирующих и демографически благополучных территориях, в черноземных и таежных регионах, в поселениях с живыми и разрушенными сельхозпредприятиями.

Книга раскрывает феномен этнического (национального) сельского хозяйства. Татарские села намного более жизнеспособны благодаря традиционной системе взаимопомощи и сохранившейся трудовой этике сельских домохозяйств. Этническое сельское хозяйство на Северном Кавказе — это хозяйства жителей республик с десятками голов скота, постепенным захватом под пастбища земель сельхозпредприятий. Проникая на равнину, в Ставрополье, такие хозяйства вступают в конкуренцию за земельные ресурсы и постепенно вытесняют местных жителей. Оказывается, что межэтнические проблемы имеют явные экономические корни.

Можно вполне согласиться с авторами в том, что «отношения в де-

ревне, как наиболее консервативном секторе общества, показывают, далеко ли продвинулись реформы и имеют ли они шансы на успех». Шансы есть, такой вывод позволяет сделать анализ практик хозяйственной самоорганизации сельского сообщества и ростков крестьянского предпринимательства. Одно только описание личных хозяйств в Кинель-Черкасском районе Самарской области, выращивающих в промышленных масштабах помидоры, и эффективной сети посредников, поставляющих эту продукцию в города, помогает понять, насколько плохо мы знаем свою страну и адаптационные возможности ее населения.

Пестрая и разнообразная картина «неизвестного сельского хозяйства», представленная в книге, наглядно показывает бессмысленность общих рассуждений о богатстве и бедности, довольстве и недовольстве сельского населения, его экономической активности и стратегиях адаптации в целом по стране. Если этот простой, но для многих все еще неочевидный, вывод будет воспринят профессиональными читателями — экономистами и социологами, социальная география выполнит свою миссию.

М.И. Левина

Обзор социального законодательства: весна — осень 2006 г.

1. Изменения в Трудовом кодексе

30 июня 2006 г. был принят Федеральный закон РФ (№ 90-ФЗ) «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации, признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых нормативных правовых актов СССР и утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» (в дальнейшем — Федеральный закон № 90)¹. Новый закон вступил в силу с 6 октября 2006 г. (по истечении 90 дней с момента официального опубликования). Данный закон не внес концептуальных изменений в Трудовой кодекс (ТК)², хотя некоторые из них и являются весьма существенными. Статья 20 ТК предусматривает разделение работодателей — физических лиц на две большие группы. Первая группа — индивидуальные предприниматели; вторая группа — работодатели, которые таковыми не являются, т.е. лица, которые нанимают

работников для личного обслуживания и помощи по ведению домашнего хозяйства. Последней категории остались льготы, которыми до этого пользовались работодатели — физические лица. Новая редакция Кодекса устанавливает возраст, по достижении которого физическое лицо может выступать в качестве работодателя, — 18 лет; в качестве работника в трудовые отношения можно вступать с 16 лет (на общих основаниях)³. Для работников в возрасте от 16 до 18 лет сокращена продолжительность рабочего времени с 36 часов до 35 часов в неделю. Изменилось положение индивидуальных предпринимателей. Они обязаны вести на своих работников трудовые книжки; не имеют права заключать с любым из работников трудовой договор, в котором указан срок его увольнения (т.е. срочный договор).

Изменения также затрагивают и заключение срочного трудового договора (ст. 59). Индивидуальные

¹ Российская газета. 2006. 7 июля.

² Трудовой кодекс РФ был принят в декабре 2001 г. На протяжении пяти лет в него ежегодно вносились изменения Федеральными законами от 24.07.2002 № 97-ФЗ, от 25.07.2002 № 116-ФЗ, от 30.06.2003 № 86-ФЗ, от 27.04.2004 № 32-ФЗ, от 22.08.2004 № 122-ФЗ, от 29.12.2004 № 201-ФЗ, от 09.05.2005 № 45-ФЗ, а также изменения, внесенные Постановлением Конституционного Суда РФ от 15.03.2005 № 3-П.

³ В соответствии со ст. 63 трудовой договор могут заключать лица, достигшие 15 лет, если это связано с их обучением; с согласия одного из родителей (попечителя) и органа опеки и попечительства — с 14 лет.

предприниматели могут заключать с работниками такой вид трудового договора, если численность работников не превышает 35 человек, а в сфере розничной торговли и бытового обслуживания — 20 человек. Уточнен и список оснований для заключения срочного трудового договора. Изменения затрагивают и права работающих пенсионеров. Статья 59 в новой редакции содержит норму о заключении срочного трудового договора с поступающими на работу пенсионерами по возрасту. Это означает, что отныне работодатели не могут заключить срочный договор с работником-пенсионером, чем пользовались многие работодатели. Согласно ст. 59 такой договор можно заключить лишь с пенсионером, поступающим на работу.

Важная новация касается содержания трудового договора. Согласно ст. 57, условия, включенные в него, разделяются на обязательные и дополнительные. К обязательным относятся: место работы, режим трудового дня и время отдыха, трудовая функция, условия оплаты труда, компенсации за тяжелую работу и с вредными и (или) опасными условиями труда, условия, определяющие в необходимых случаях характер работы, условие об обязательном социальном страховании. Если обязательные условия не включены в трудовой договор при его заключении, это не страшно. В этом случае трудовой договор должен быть дополнен недостающими сведениями и (или) условиями. Недостающие сведения вносятся непосредственно в текст договора, а недостающие условия определяются приложением к трудовому договору либо отдельным соглашением сторон, заключаемым в письменной форме, которые являются неотъемлемой частью трудового договора.

Дополнительные условия вносятся в договор по соглашению сторон, например, уточнение места работы, об испытании, о неразглашении охраняемой законом тайны, о видах и об условиях дополнительного страхования работника, об обязанности работника отработать после обучения не менее установленного договором срока, если обучение производилось за счет средств работодателя, и т.д. При этом дополнительные условия не могут ухудшать положение работника по сравнению с теми, которые установлены трудовым законодательством, иными нормативно-правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами.

Новая редакция затронула и положение об испытательном сроке при приеме на работу (ст. 70). Максимальный срок испытания остался неизменным — 3 месяца; остается в силе исключение для руководителей, главных бухгалтеров, их заместителей, чей испытательный срок может длиться 6 месяцев. Если же работник принимается на работу на срок от 2 до 6 месяцев, то испытательный срок не может быть больше 2 недель. Уточнены также категории работников, к которым испытательный срок неприменим. К ним относятся: работники младше 18 лет, приглашенные на работу в порядке перевода из другой организации, заключившие договор на срок до 2 месяцев; беременные женщины и матери с маленькими детьми (до 1,5 лет). Положение об испытательном сроке изменилось для выпускников вузов. Оно не применяется только по отношению к выпускникам образовательных учреждений, имеющих государственную аккредитацию; кроме того, запрет на испытание

действует только в течение года с момента окончания учебы.

Некоторые новые положения усиливают защиту женщин, имеющих детей до 3 лет, и инвалидов. Работодатели обязаны знакомить их с правом отказаться от сверхурочной работы «под роспись» (ст. 99). «Под роспись» — новое положение, которое предотвращает злоупотребления со стороны работодателей.

Предусматривается также обязанность работодателя выдавать по требованию работника копии документов, содержащих сведения о начисленных и фактически уплаченных страховых взносах на обязательное пенсионное страхование (ст. 84.1).

В соответствии со ст. 131 устанавливается запрет на выплату заработной платы в виде долговых обязательств, расписок, купонов, что также ограничивает произвол работодателя.

Статья 81 ТК сокращает число оснований для увольнения работника по инициативе работодателя. Работодатель более не обладает правом уволить работника по причине несоответствия занимаемой должности или выполняемой работе по состоянию здоровья. Таким образом, работодатель более не может использовать «состояние здоровья» работника для его увольнения. Более того, прежде чем уволить работника по сокращению численности или штата, а также в связи с несоответствием занимаемой должности вследствие недостаточной квалификации, работодатель должен предложить работнику все вакансии, имеющиеся у него в данной местности. Статья 81 содержит еще одно ограничение для работодателя. Если работник не в связи с исполнением своих трудовых обязанностей или вне места работы совершил действия, дающие основания для утраты

доверия, или аморальный поступок (при осуществлении воспитательных функций), его можно уволить только в течение года со дня обнаружения работодателем такого проступка.

Данные положения носят двойственный характер: с одной стороны, предотвращают произвол и злоупотребления со стороны работодателя; с другой — ограничивают его возможность расстаться с негодным работником.

В то же время в новой редакции ТК расширен перечень оснований для прекращения трудового договора по независящим от воли сторон обстоятельствам (ст. 83). Так, в перечень оснований стала входить дисквалификация, исключающая исполнение работником его обязанностей, а также отмена решения суда или государственной инспекции труда о восстановлении работника на работе.

В новой редакции ТК понятие «работодатель» заменило понятие «организация». По мнению разработчиков закона, это позволяет снять формальные препятствия для применения законодательства в тех случаях, когда работодатель не является юридическим лицом. Вместе с тем правовой статус индивидуального предпринимателя как работодателя приближен к статусу работодателя организации. ТК определяет статус работников в качестве наемных, работающих у работодателей — физических лиц. Поэтому на них распространяются все права и обязанности этой категории работников, включая право на образование профсоюзов для представительства и защиты своих интересов. В свою очередь, на работодателя — физическое лицо распространяются все общие положения ТК для работодателей. Одновременно учтены и особенности регулирования подобных трудов-

вых отношений, что связано со спецификой статуса работодателей — они не являются юридическими лицами; с другой стороны — спецификой характера труда наемных работников.

В связи с этим между работодателем — физическим лицом и работником заключается письменный трудовой договор, в который в обязательном порядке включаются все условия, существенные для обеих сторон. Подчеркивается, что договор должен быть заключен только в письменной форме. Работодатель также обязан уплачивать страховые взносы и другие обязательные платежи в порядке и размерах, определенных федеральными законами; оформлять страховые свидетельства государственного и пенсионного страхования для лиц, поступающих на работу впервые. Работодатель — физическое лицо, не являющийся индивидуальным предпринимателем, обязан в уведомительном порядке зарегистрировать трудовой договор с работником в органе местного самоуправления по месту своего жительства (ст. 303). Факт расторжения трудового договора регистрируется там же (ст. 307).

Работодатель — физическое лицо, являющееся индивидуальным предпринимателем, обязан вести трудовые книжки на каждого работника. Работодатель, не являющийся индивидуальным предпринимателем, не имеет права оформлять трудовые книжки и производить в них записи. Трудовой договор, заключенный в письменной форме, является документом, подтверждающим время работы у такого работодателя (ст. 309).

В настоящее время можно выделить 3 основные группы работодателей — физических лиц: 1) лица, привлекающие работников по договорам для оказания личных услуг; 2) лица, осуществляющие

предпринимательскую деятельность; 3) главы крестьянских (фермерских) хозяйств. Регулирование трудовых отношений между этими категориями работодателей и наемными работниками (чему посвящена отдельная, 48-я глава ТК) имеет огромное значение. Множество людей, занятых в данной сфере, получают возможность подтвердить свой стаж и защитить свои права.

Новая редакция ТК вводит новое понятие «базовый оклад», под которым понимается минимальный оклад (должностной оклад), ставка заработной платы работника государственного или муниципального учреждения, осуществляющего профессиональную деятельность по профессии рабочего или должности служащего, входящего в соответствующую профессиональную квалификационную группу, без учета компенсационных, стимулирующих и социальных выплат (ст. 129). При этом предусмотрены полномочия Правительства РФ определять базовые уровни оплаты труда, обязательные для соблюдения во всех государственных и муниципальных учреждениях.

Изменения затронули и положения, регулирующие установление минимальной заработной платы (ст. 133). Минимальный размер оплаты труда (МРОТ) устанавливается одновременно на всей территории РФ федеральным законом и не может быть ниже размера прожиточного минимума трудоспособного населения. МРОТ обеспечивается из бюджетов соответствующих уровней или за счет собственных средств работодателей. Месячная заработная плата работника, отработавшего за этот период норму рабочего времени и выполнившего нормы труда (трудовые обязанности), не может быть ниже МРОТ. Размеры тарифных ставок, окладов, а также базовых окладов, базовых

ставок заработной платы по профессиональным квалификационным группам работников не могут быть ниже МРОТ.

Таким образом, новая редакция данной статьи вводит государственные гарантии того, что МРОТ не может быть ниже размера прожиточного минимума трудоспособного человека. При этом положение распространяется как на работников бюджетной сферы (федерального, регионального, муниципального уровней), так и на работников иных работодателей — юридических и физических лиц.

О важности внесенных изменений в ТК свидетельствует и Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2005 г.⁴ Так, в Докладе отмечается, что случаи несоблюдения законодательства о труде составляют примерно одну треть от общего числа

нарушений социально-экономических прав. Уполномоченный подчеркивает, что работодатели игнорируют требования законодательства при оформлении трудовых правоотношений с работниками, их увольнении, обеспечении права на отдых и безопасные условия труда. Многочисленные нарушения также связаны с невыплатой или несвоевременной выплатой заработной платы. Было бы наивно думать, что работодатели немедленно прекратят нарушать трудовое законодательство, а наемные работники тут же станут обращаться на них в суд для защиты трудовых прав. Работодатели начнут соблюдать нормы законодательства, когда работники начнут защищать свои права. Новый вариант ТК дает такой инструмент, приспособленный к современной ситуации, которым каждый может воспользоваться.

2. Конституционный Суд РФ о правах пенсионеров

В Конституционный Суд РФ обратился В.В. Наумчик, обжалуя положения п. 2 и 3 ст. 3 Федерального закона «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации». Положения указанной статьи дают гражданам, имеющим одновременно право на различные пенсии, возможность выбрать одну из пенсий. Кроме того, данные положения определяют круг лиц, которым предоставлено право на одновременное получение двух пенсий (например, участники Великой Отечественной войны, граждане, ставшие инвалидами вследствие получения военной травмы и др.).

В.В. Наумчик — бывший военный, получает пенсию за выслугу лет согласно Закону «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в ор-

ганах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» (от 12 февраля 1993 г.). После увольнения он работал по трудовому договору, что означает, что у него есть страховой стаж, который необходим для назначения трудовой пенсии по старости. Однако в назначении такой трудовой пенсии В.В. Наумчику Пенсионный фонд РФ отказал. Этот отказ пенсионер и обжаловал в Конституционном Суде РФ. В.В. Наумчик счел, что невозможность для военного пенсионера, имеющего необходимый трудовой стаж, получать выплату страховой части трудовой пенсии (в отличие от обычных пенсионе-

⁴ Российская газета. 2006. 29 июня. С. 19.

ров), нарушает его конституционные права. Дело в том, что обычные пенсионеры имеют возможность ежегодного перерасчета страховой части трудовой пенсии с учетом страховых взносов, поступивших на их личный счет. Таким образом, пенсия понемногу увеличивается каждый год.

Пенсионный фонд РФ обосновал свой отказ, разъяснив, что получатели военных пенсий, работающие по трудовому договору, подлежат регистрации в системе обязательного пенсионного страхования; страхователи обязаны уплачивать за них страховые взносы, которые учитываются при определении права на получение обязательного страхового обеспечения на общих основаниях.

Правовая позиция выражена в Определении Конституционного Суда Российской Федерации по жалобе гражданина Наумчика В.В. на нарушение его конституционных прав положениями п.2 и 3 ст. 3 Федерального закона «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» от 11 мая 2006 г. КС РФ поясняет, что Конституция РФ гарантирует право на труд, на социальное обеспечение каждому в установленных законом случаях, которое включает и право на получение трудовой пенсии. Реализация этого права осуществляется посредством обязательного пенсионного страхования.

В соответствии с Федеральным законом «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» пенсия складывается из трех частей: базовой, страховой и накопительной. Базовая часть трудовой пенсии формируется за счет единого социального налога, поступающего в федеральный бюджет. Страховая и накопительная части финансируются за счет страховых взносов на обязательное пенсионное страхова-

ние. Эти взносы имеют неналоговый индивидуально-возмездный характер, так как они зачисляются на персонифицированные лицевые счета, открытые в Пенсионном фонде РФ. Именно эти накопленные страховые взносы и формируют страховое обеспечение, которое выплачивается при достижении пенсионного возраста (наступления страхового случая). Таким образом, размер пенсионных выплат (страховой и накопительной частей трудовой пенсии) непосредственно зависят от суммы страховых взносов, накопленных на индивидуальном лицевом счете застрахованного лица. При этом страховая часть трудовой пенсии носит условно-накопительный характер, финансируется по распределительному методу и основывается на принципе солидарности поколений.

К кругу лиц, которых определяет Закон «Об обязательном пенсионном страховании...», подлежащих обязательному пенсионному страхованию, относятся граждане, работающие по трудовому договору. КС РФ отмечает, что с учетом цели обязательного пенсионного страхования, социально-правовой природы и предназначения страховых взносов само по себе такое правовое регулирование, как направленное на реализацию принципа всеобщности пенсионного обеспечения, формирования пенсионных прав этих лиц, приобретения ими права на получение трудовой пенсии (ее страховой и накопительной частей), согласуется с требованиями Конституции РФ. Но вместе с тем указанный Закон не учитывает особенностей правового положения военных пенсионеров, получающих пенсию за выслугу лет согласно Закону «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу...».

В своих предыдущих решениях КС РФ указывал, что законодатель должен гарантировать военным пенсионерам возможность реализации пенсионных прав, приобретенных в рамках системы обязательного пенсионного страхования, на равных условиях с иными застрахованными лицами. Базовая и страховая части пенсии могут устанавливаться и выплачиваться вместо пенсии по государственному пенсионному обеспечению. При этом перевод с военной пенсии на трудовую может осуществляться в любое время после возникновения права на трудовую пенсию и не ограничиваться каким-либо сроком. Что же касается накопительной части трудовой пенсии, то согласно п. 4 ст. 3 Закона «О государственном пенсионном обеспечении...», выплата пенсии по государственному пенсионному обеспечению не препятствует получению этой части трудовой пенсии.

Проблема заключается в том, что действующее законодательство не предусматривает перевод из федерального бюджета в Пенсионный фонд РФ средств для формирования расчетного пенсионного капитала при переходе военных пенсионеров на трудовую пенсию. Именно этот пробел и не позволяет обеспечить им назначение трудовой пенсии в том размере, который превышает их военную пенсию. Тем самым их выбор predetermined, точнее, он практически отсутствует, как и возможность выбора пенсии. В законодательстве также отсутствуют нормы, которые бы давали возможность выплаты страховой части пенсии лицам, достигшим общеустановленного пенсионного возраста и имеющим необходимый трудовой стаж. Этим правом обладают только лица, имеющие право на одновременное получение двух пенсий. Вместе

с тем застрахованные лица, продолжающие работать после установления им трудовой пенсии, имеют право на ежегодный перерасчет страховой части пенсии с учетом поступивших на их индивидуальный лицевой счет страховых взносов. Таким образом, размер их пенсии периодически увеличивается. В связи с этим военные пенсионеры, работающие на одинаковых условиях с обычными пенсионерами, оказываются в неравном с ними положении при реализации права на получение пенсионного обеспечения. Тот факт, что военные пенсионеры включены в страховую систему, не имеет для них никаких значимых последствий.

При этом Закон «Об обязательном пенсионном страховании...» предусматривает предоставление гражданам при наступлении страхового случая соответствующего страхового обеспечения в размере, эквивалентном сумме страховых взносов, учтенной на их индивидуальных лицевых счетах в Пенсионном фонде РФ. КС РФ уже отмечал, что недопустимо возлагать обязанность по уплате страховых взносов, если это не сопровождается страховым обеспечением с учетом уплаченных страховых взносов. Равные обязанности по формированию бюджета Пенсионного фонда РФ (независимо от того, кто производит платежи) предполагают и равные права на получение соответствующего страхового обеспечения с учетом уплаченных сумм страховых взносов. КС РФ также неоднократно указывал, что законодатель, регулируя условия и порядок предоставления конкретных видов пенсионного обеспечения, определяя организационно-правовой механизм его реализации, обязан также соблюдать конституционные принципы справедливости и равенства. Различия в условиях

приобретения отдельными категориями граждан права на пенсию и реализации пенсионных прав возможны только в том случае, если они объективно оправданны, обоснованны и преследуют конституционно значимые цели; средства же, которые используются для достижения этих целей, должны быть соразмерны им. КС РФ разъясняет, что в сфере пенсионного обеспечения соблюдение принципа равенства, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает помимо прочего и запрет вводить не имеющие объективного и разумного оправдания различия в пенсионных правах лиц, принадлежащих к одной и той же категории. Случай, когда военные пенсионеры, работающие по трудовому договору, лишены возможности получить без отказа от военной пенсии страховое обеспечение с учетом объема накопленных страховых взносов, лишает смысла пенсионное страхование, которое в подобных услови-

ях превращается лишь в институт изъятия денежных средств, что не согласуется с целями и предназначением такого страхования и приводит к ущемлению их социальных прав.

КС РФ указывает, что в целях реализации социальных прав работающих по трудовому договору военных пенсионеров законодателю надлежит разработать правовой механизм, гарантирующий им помимо выплаты пенсии по государственному пенсионному обеспечению возможность получать страховую часть трудовой пенсии с учетом страховых взносов, отраженных на их индивидуальных лицевых счетах в Пенсионном фонде РФ. КС РФ предписывает законодателю обеспечить введение установленного правового регулирования в срок не позднее 1 января 2007 г. Решение КС РФ означает также, что законы в этой части не могут применяться ни судами, ни другими органами, ни чиновниками.

3. Вновь о 122-м законе: Конституционный Суд РФ о защите прав чернобыльцев

Конституционный Суд РФ продолжает восполнять пробелы, связанные с действием печально известного 122-го закона. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по жалобам граждан Ковалева В.Н., Ковалева И.В., Ковалева Э.В. и Ковалевой В.М. на нарушение конституционных прав положениями п. 6 ч. 1 ст. 13, п. 5 ч. 1 и п. 3 ч. 3 ст. 27.1 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» от 14 июня 2006 г.⁵ восстанавливает нарушен-

ное право семьи Ковалевых на возмещение вреда здоровью.

Вот нормы, которые обжаловала семья Ковалевых. Пункт 6 части первой ст. 13 предусматривает, что к гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие Чернобыльской катастрофы, на которых распространяется действие данного Закона, относятся граждане, эвакуированные (в том числе выехавшие добровольно) в 1986 г. из зоны отчуждения или переселенные (переселяемые), в том числе выехавшие добровольно, из зоны отселения в 1986 г. и в последующие годы, включая детей (в том

⁵ Российская газета. 2005. 8 ноября. С. 24.

числе и тех, которые находились в состоянии внутриутробного развития). Пункт 5 ч. 1 и п. 3 ч. 3 ст. 27.1 (статья включена 122-м законом), закрепляли право граждан, указанных в п. 6 ч. 1 ст. 13 данного закона из числа граждан, эвакуированных (в том числе выехавших добровольно), на ежемесячную денежную выплату.

С семьей же Ковалевых произошла следующая история. С 26 апреля 1986 г. (дата Чернобыльской катастрофы) по 11 марта 1987 г. семья проживала в поселке Буковец Красногорского района Брянской области, который постановлением Правительства РФ (от 28 декабря 1991 г.) был отнесен к зоне отчуждения, а другим постановлением (от 18 декабря 1997 г.) был исключен из зоны. 7 июня 1994 г. Ковалевы как граждане, эвакуированные из зоны отчуждения, получили от администрации Урицкого района Орловской области удостоверения о праве на компенсации и льготы, предусмотренные Законом «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации...». Однако 16 марта 2005 г. управление Пенсионного фонда РФ в Урицком районе Орловской области отказало им в праве на ежемесячную денежную выплату. Отказ был обоснован тем, что согласно ст. 27.1 (т.е. в редакции 122-го закона), выплата установлена для граждан, эвакуированных (выехавших добровольно) из зоны отчуждения в 1986 г., к которым Ковалевы не относятся. Районный суд, а затем и кассационный подтвердили правильность отказа.

В своем Определении КС РФ указал, что право на охрану здоровья и на благоприятную среду относятся к конституционно признаваемым и защищаемым правам. С целью реализации и обеспечения этих прав Конституция РФ возла-

гает на государство обязанность предусматривать и осуществлять меры по предотвращению нанесения вреда здоровью граждан и окружающей среды, а также обязанность по возмещению вреда, причиненного здоровью граждан. В своих решениях КС РФ неоднократно отмечал, что признание и обеспечение прав граждан, оказавшихся в зоне влияния радиационного излучения, на возмещение вреда здоровью, являющегося для каждого неотчуждаемым благом, составляет конституционную обязанность Российской Федерации как социального правового государства. Специфика возникших отношений между государством и гражданами в связи с фактом массового причинения вреда здоровью граждан требует обеспечения государством гарантированной стабильности при реализации указанных конституционных прав.

КС РФ также неоднократно отмечал, что при переходе с 1 января 2005 г. (в связи с вступлением в силу 122-го закона) к новому механизму правового регулирования обеспечения мерами социальной поддержки граждан, пострадавших в результате Чернобыльской катастрофы, должны быть предусмотрены соответствующие правовые механизмы, позволяющие с учетом специфики правового статуса этих лиц обеспечить сохранение достигнутого уровня защиты их прав и свобод, гарантий их социальной защищенности.

Закон о чернобыльцах устанавливает две категории пострадавших от радиации граждан: эвакуированные (выехавшие добровольно) в 1986 г. из зоны отчуждения и переселенные (выехавшие добровольно), из зоны отселения. В отношении первой категории точно установлен год эвакуации; в отношении второй категории установлено иное правило: граждане могли выехать

как в 1986 г., так и позже. Лица, принадлежащие к обеим категориям, получали одинаковые удостоверения, одни и те же льготы и компенсации. 122-й закон заменил часть льгот в натуральной форме на денежные выплаты. Однако ст. 27.1, включенная в Закон «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации...», предусматривает ежемесячную денежную выплату в размере 800 руб. тем, кто покинул зону отчуждения в 1986 г. Введенная норма нарушила права второй категории чернобыльцев.

КС РФ разъясняет, что ежемесячная денежная выплата по своей правовой природе является элементом механизма восполнения потерь для чернобыльцев, которые раньше получали льготы и гарантии в натуральной форме. По своему целевому назначению выплата должны сохранять ранее достигнутый уровень их социальной защиты. Устанавливая денежные выплаты, законодатель должен был исходить из необходимости обеспечения всем гражданам-чернобыльцам, как лицам с особым правовым статусом, реальных возможностей располагать социальными благами, включая денежные компенсации, в объеме, сопоставимом с объемом ранее предоставлявшейся им социальной защиты в натуральной форме.

КС РФ подчеркивает, что признание права граждан, покинувших зону отчуждения, на возмещение вреда здоровью не может быть поставлено в зависимость от времени выезда (эвакуации) из зоны отчуждения, поскольку основанием для возмещения вреда согласно Закону «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации...» является воздействие радиации, а не иные обстоятельства. Государство признало права граждан, покинувших зону отчуждения в 1987 г. и позже, на равный объем возмеще-

ния вреда с гражданами, покинувшими зону отчуждения в 1986 г. Факт такого признания государства выражается в том, что в выданных удостоверениях имелась отметка о праве на возмещение вреда и меры социальной поддержки. Другими словами, до 1 января 2005 г. правоприменительная практика исходила из широкой сферы действия обжалуемой нормы. Данное положение распространялось на всех граждан, покинувших зону отчуждения независимо от срока. Подобная практика не оспаривалась и не опровергалась. Введение же нового регулирования 122-м законом, без учета сложившегося расширенного толкования нормы, привело к тому, что граждане, покинувшие зону отчуждения в 1987 г. или позже, не только лишились части мер социальной поддержки в натуральной форме, входящих в объем возмещения вреда здоровью, но и не получили права на ежемесячную денежную выплату, предназначенную для их замещения. Это означает уменьшение объема возмещения вреда, причиненного здоровью указанной категории граждан; т.е. того возмещения объема вреда, который уже был признан государством и предоставлялся им ранее.

В рассматриваемом решении, как и во многих предыдущих, КС РФ неоднократно указывает, что законодатель, определяя порядок обеспечения возмещения вреда, может избирать различные способы возмещения — льготы, денежные (материальные) компенсации, входящие в объем возмещения вреда на основе принципа максимально возможного использования государством имеющихся средств для обеспечения достаточности такого возмещения. Однако независимо от того, какие способы возмещения выбраны, он не вправе отменять или уменьшать уже признанный

государством объем возмещения вреда — такой объем должен безусловно соблюдаться.

КС РФ приходит к выводу о том, что обжалуемые положения Закона «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации...» не исключают для граждан, покинувших зону отчуждения в 1987 г. и позже, права на получение ежемесячной денежной выплаты, которое имеют граждане, покинувшие зону отчуждения в 1986 г. Иное, по мнению КС РФ, означало неправомерное ограничение конституционного права на возмещение причиненного здоро-

вью вреда, приводило бы к нарушению принципа равенства и правовой справедливости.

Таким образом, КС РФ признал нормы действующего Закона «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации...» соответствующими Конституции РФ; неконституционной является правоприменительная практика, которая исходит из узкого толкования обжалуемых норм. Что же касается жалобы Ковалевых, то КС РФ признал ее справедливой, а их судебное дело должно быть пересмотрено.

4. О пенсионных правах чернобыльцев

В июле 2006 г. был принят Федеральный закон «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС” и статью 1 Федерального закона “О материальном обеспечении членов семьи умершего члена Совета Федерации или депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации”»⁶ (№ 112-ФЗ). В данном обзоре мы рассмотрим первую часть данного Закона.

Внесенные изменения конкретизируют отношения, связанные с правом граждан, пострадавших вследствие Чернобыльской катастрофы, на пенсионное обеспечение, как по старости, так и по инвалидности. Отмечается, что пенсионные отношения указанной категории граждан регулируются в первую очередь именно данным Законом, однако на них распространяются

и нормы других норм пенсионного законодательства.

Так, ст. 28.1 предусматривает, что указанной категории граждан *пенсия по старости* назначается с уменьшением возраста, установленного пенсионным законодательством⁷. По желанию указанных граждан пенсия может назначаться в соответствии с Законом «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» — при наличии *страхового* стажа не менее 5 лет или Законом «О государственном пенсионном обеспечении...» — при наличии *трудового* стажа не менее 5 лет. Для чернобыльцев снижен и возраст выхода на пенсию по старости: для мужчин не меньше 50 лет и для женщин — 45 лет. Максимальная величина фактического уменьшения возраста выхода на пенсию по старости — 10 лет. При этом если сумма величин уменьшения возраста выхода на пенсию по старости по всем основаниям, предусмот-

⁶ Российская газета. 2006. 20 июля.

⁷ Статья 7 Федерального закона от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»; Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации».

ренным пенсионным законодательством, превысит 10 лет, то размер превышения приравнивается к стажу на соответствующих видах работ, указанных в ст. 27 и ст. 28 Закона «О трудовых пенсиях...», который применяется при оценке пенсионных прав застрахованных лиц. Граждане, имеющие право выхода на пенсию с уменьшением возраста (согласно рассматриваемому Закону) и одновременно имеющие право на назначение трудовой пенсии по старости ранее достижения указанного возраста (согласно Закону «О трудовых пенсиях...»), по своему желанию могут выбрать одно из оснований уменьшения возраста выхода на пенсию по старости.

Что же касается пенсий по инвалидности (включая установленную до вступления настоящего Закона в силу), то в соответствии со ст. 29 рассматриваемого Закона, то они назначаются по желанию граждан в соответствии с Законом «О государственном пенсионном обеспечении...» или Законом «О трудовых пенсиях...». В таком же порядке назначаются пенсии по

случаю потери кормильца членам семей граждан, погибших (умерших) вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Таким образом, внесенные изменения регламентируют, главным образом, назначение пенсии по старости гражданам, пострадавшим вследствие Чернобыльской катастрофы. Кроме того, пенсии по старости чернобыльцам назначаются с уменьшением различного срока в зависимости от того, когда они покинули Чернобыльскую зону. Для тех, кто ее покинул в 1986—1987 гг., возраст выхода на пенсию по старости уменьшается на 10 лет независимо от продолжительности работы в зоне отчуждения; для тех, кто покинул в 1988—1990 гг., пенсии назначаются с уменьшением возраста на 5 лет независимо от продолжительности работы в зоне отчуждения. В данном случае, новая редакция Закона не связывает назначение пенсии по старости с наличием общего стажа, как это было в предыдущей редакции.

5. Как правильно рассчитать выплаты по больничному

В июле 2006 г. был опубликован приказ Министерства здравоохранения и социального развития (от 10 июля 2006 г. № 531), содержащий Разъяснения о применении Положения об особенностях порядка исчисления средней заработной платы, утвержденного постановлением Правительства РФ от 11 апреля 2003 г. № 213, при исчислении пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам застрахованному лицу, которое в течение последних 12 календарных месяцев перед наступлением временной нетрудоспособности, от-

пуска по беременности и родам проработало фактически менее 3 месяцев⁸. Эти Разъяснения вносят ясность вопрос исчисления пособий по больничным листам.

Исчисление пособий по больничному регулируется Федеральным законом «Об отдельных вопросах исчисления и выплаты пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам и размерах страхового обеспечения по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в 2006 году» (от 22 де-

⁸ Российская газета. 2006. 20 сентября.

кабря 2005 г. № 180-ФЗ). Порядок же исчисления устанавливается уже упомянутым постановлением Правительства РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 2 Закона на расчет среднего заработка работника независимо от режима его работы производится исходя из фактически отработанного им времени в 12 календарных месяцев, предшествующих месяцу наступления временной нетрудоспособности, отпуска по беременности и родам. В Разъяснении содержится закрытый перечень периодов времени, исключаемых из расчетного 12-месячного периода при расчете среднего заработка. Это периоды, в течение которых:

1) работник получал пособие по временной нетрудоспособности или пособие по беременности и родам;

2) работник не работал в связи с простоем по вине работодателя или по причинам, не зависящим от работодателя или работника;

3) работник не участвовал в забастовке, но в связи с этой забастовкой не имел возможности выполнять свою работу;

4) работнику предоставлялись дополнительные оплачиваемые выходные дни для ухода за детьми-инвалидами и инвалидами с детства;

5) работник в других случаях освобождался от работы с полным или частичным сохранением заработной платы или без оплаты в соответствии с законодательством РФ (в том числе в период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста 3 лет);

6) работнику предоставлялись дни отдыха (отгулов) в связи с ра-

ботой сверх нормальной продолжительности рабочего времени при вахтовом методе организации работ и в других случаях в соответствии с законодательством РФ.

Календарные месяцы, на которые приходится указанные периоды, подлежат замене непосредственно предшествующим им периодом времени, равным количеству исключаемых календарных месяцев.

В том случае, если лицо перед наступлением временной нетрудоспособности, отпуска по беременности и родам проработало фактически менее 3 месяцев, то согласно ч. 3 ст. 3 Закона и Положению, пособие по временной нетрудоспособности (за исключением случаев временной нетрудоспособности в связи с несчастным случаем на производстве и профессиональным заболеванием) и пособие по беременности и родам выплачиваются в размере, не превышающем за полный календарный месяц минимального размера оплаты труда, установленного федеральным законом (там, где применяются районные коэффициенты к заработной плате — с их учетом).

Разъяснения затрагивают и права лица, проработавшего менее календарного месяца. В этом случае предельный размер пособия определяется исходя из минимального размера оплаты труда (минимального размера оплаты труда с учетом районного коэффициента) пропорционально количеству оплачиваемых дней временной нетрудоспособности, отпуска по беременности и родам.

Л.Б. Косова,
А.В. Белецкая

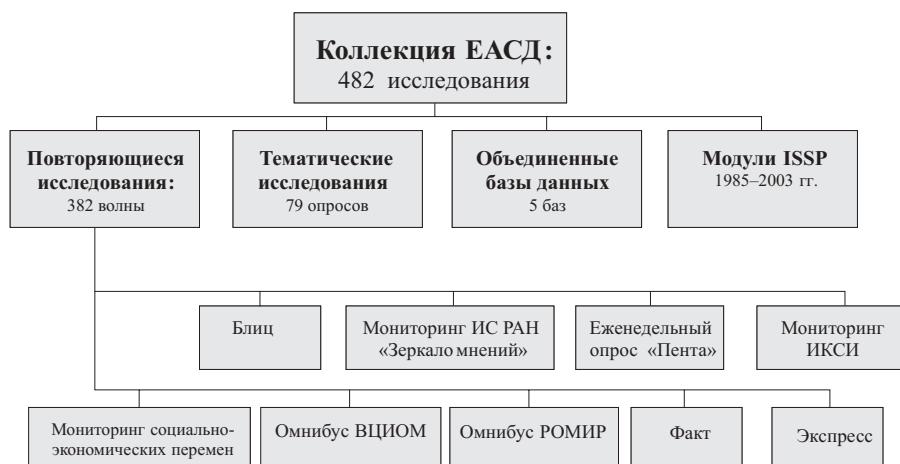
Динамика представлений о семейных ролях: вторичный анализ данных ISSP (International Social Survey Programme)

Идея создания Единого архива социологических исследований (ЕАСД) уже более 6 лет. Проект был начат в 2000 г. при финансовой поддержке Фонда Форда. Начиная с 2002 г., Единый архив существует как программа в рамках Независимого института социальной политики. Целью ЕАСД является обеспечение сохранности результатов социологических исследований и их доступности для экспертного и научного сообщества.

К настоящему моменту в Едином архиве хранится около 500 исследований, проведенных ведущими социологическими институтами России. Структура коллекции представлена на рис. 1.

Рис. 1

Структура коллекции Единого архива социологических данных

Настоящей жемчужиной коллекции является исследование ISSP — International Social Survey Programme (Международная программа социальных исследований). Идея создания ISSP родилась благодаря взаимодействию двух исследовательских центров: NORC (Национальная организация по проведению обследований [National Organization for Research]) при Чикагском университете и ZUMA (Центр методологии и проведения обследований [Centre for Survey Research and Methodology]), расположенного в Мангейме (Германия). В 1982 г. они начали обмениваться результатами социологических исследований, проводимых по единой методике и сопоставимым выборкам. Опросы населения посвящались острым социальным проблемам, волнуя-

шим население обеих стран (трудовая занятость, аборт, феминизм, проблемы классового неравенства, государства всеобщего благоденствия и др.).

В конце 1983 г. к ним присоединилась известная британская исследовательская организация SCPR (Центр социальных исследований и планирования сообщества [Social and Community Planning Research]), получившая грант на проведение социологических исследований. Центры начали совместный международный проект. Чуть позже к нему подключился Австралийский национальный университет (ANU).

Члены — основатели программы договорились:

- 1) совместно разрабатывать модули исследований, посвященные важным социальным проблемам;
- 2) проводить исследования в каждой стране — участнице ISSP;
- 3) пользоваться одними и теми же переменными в своих исследованиях;
- 4) предоставлять полученные данные социологическому сообществу в как можно более сжатые сроки.

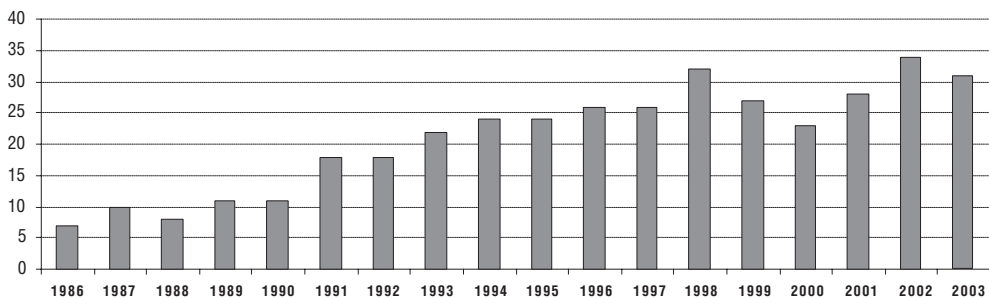
Важно отметить, что модули ISSP позволяют осуществлять как межстрановые сравнения, так и анализ динамики наиболее значимых социальных показателей.

С каждым годом число участников проекта ISSP растет (динамика представлена на рис. 2.): со временем к четырем странам — основателям проекта (Германия, США, Великобритания и Австралия) присоединились еще 37 (Австрия, Ирландия, Венгрия, Нидерланды, Израиль, Норвегия, Филиппины, Новая Зеландия, Россия, Япония, Болгария, Канада, Чешская Республика, Словения, Польша, Швеция, Испания, Кипр, Франция, Португалия, Словакия, Латвия, Чили, Дания, Бразилия, Южная Африка, Швейцария, Венесуэла, Бельгия, Финляндия, Мексика, Тайвань, Южная Корея, Уругвай, Хорватия, Доминиканская Республика и Турция). Россия стала членом ISSP в 1991 г.

Секретариат ISSP в настоящее время располагается в городе Берген. Секретариат координирует официальную деятельность ISSP: рассматривает заявки на предоставление членства, организует ежегодные собрания, определяет принципы деятельности, ведет списки публикаций, сделанных на основе анализа данных ISSP, и т.д. Темы для ежегодных исследований вырабатываются специальной комиссией. Они проходят предварительную проверку в различных странах, затем на ежегодном заседании стран — участниц ISSP принимается заключительная анкета. Первоначально анкета проектируется на британском варианте английского языка, а затем переводится на языки стран-участниц. Данные полевых работ передаются

Рис. 2

Число стран — участниц исследования ISSP

в официальный архив ISSP, расположенный с 1986 г. в Кельнском университете. Он отвечает за обработку, объединение и архивирование всех национальных и международных данных. Здесь готовится единый файл данных и сопровождающая документация. Эта информация возвращается в каждую из стран участниц и становится доступной для научного сообщества. Модули повторяются с интервалом 5—6 лет.

В Едином архиве социологических данных хранятся все модули исследования ISSP с 1985 по 2003 г. (см. табл. 1). Данные передаются для исследовательской и преподавательской работы на безвозмездной основе по запросу. Подробнее см. <http://sofist.socpol.ru/>.

Таблица 1. Модули исследования ISSP, хранящиеся в Едином архиве социологических данных

Тема	Год проведения
1. Роль правительства I	1985
2. Структура социальных связей I	1986
3. Социальное неравенство I	1987
4. Семья и изменение гендерных ролей I	1988
5. Отношение к труду I	1989
6. Роль правительства II	1990
7. Религия I	1991
8. Социальное неравенство II	1992
9. Экология I	1993
10. Семья и изменение гендерных ролей II	1994
11. Национальная идентичность I	1995
12. Роль правительства III	1996
13. Отношение к труду II	1997
14. Религия II	1998
15. Социальное неравенство III	1999
16. Экология II	2000
17. Структура социальных связей II	2001
18. Семья и изменение гендерных ролей III	2002
19. Национальная идентичность II	2003

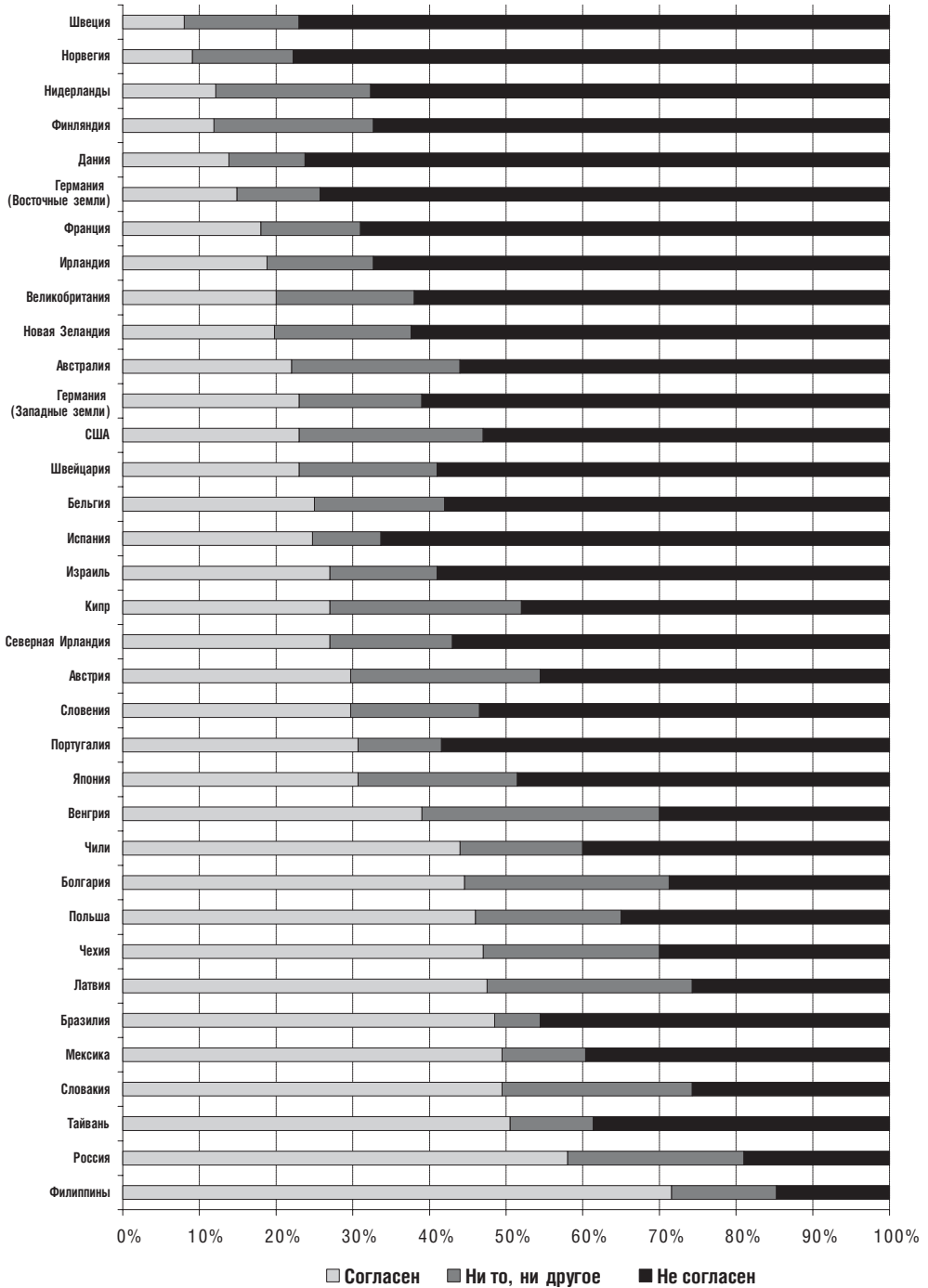
Ниже мы представляем данные одного из модулей — «Семья и изменение гендерных ролей», проведенного в 2002 г. В исследовании участвовали 35 стран, опросы проводились по репрезентативным выборкам. Среди прочих вопросов респондентов просили ответить, в какой мере они согласны с утверждением «Дело мужа — зарабатывать деньги, а дело жены — вести домашнее хозяйство». Распределение ответов приведено на рис. 3.

По степени распространенности традиционных представлений о семейных ролях страны-участницы оказались растянуты между двумя полюсами. На одном полюсе — скандинавские страны и Нидерланды, оказавшиеся в наибольшей степени затронутыми модернизационными процессами: примерно 10% населения этих стран являются носителями консервативных стереотипов. На другом полюсе находятся Филиппины, Тайвань, латиноамериканские страны и страны бывшего соцлагеря. В России, например, почти 60% населения придерживается традиционных представлений о семейных ролях.

В некоторых странах респонденты разделились на два примерно равных лагеря по отношению к данной установке. Так, в Бразилии около

Рис. 3

Степень согласия с установкой «дело мужа — зарабатывать деньги, а дело жены — вести домашнее хозяйство», межстрановые различия

49% опрошенных являются сторонниками консервативных представлений о мужских и женских ролях, 46% — его противниками. Такая же ситуация складывается и в Чили (44 к 40%).

От страны к стране отличается число затруднившихся дать определенный ответ на вопрос о традиционных мужских и женских ролях. В Бразилии, например, число неопределившихся в этом отношении минимально — около 6%. А вот в странах бывшего соцлагеря (Венгрии, Латвии, Болгарии, Словакии), наоборот, велика доля тех, кто не знает ответа на этот вопрос. Так, в Венгрии доля не согласных ни с той, ни с другой позицией составляет более 30%. Почти 30% населения Латвии и Болгарии также не могут сформулировать свое отношение к традиционному распределению семейных ролей. Венгрия — единственная страна, в которой респонденты разделились на три практически равные группы: 39% являются сторонниками традиционных гендерных установок, 30% опрошенных не согласны с таким подходом, 31% не имеет определенной позиции по этому вопросу.

Анализ данных показывает, что существуют несколько осей модернизации, как общих, так и внутривосточных. Одна из них — степень урбанизации населенного пункта, где проживает респондент. Жители крупных городов в большей степени являются носителями модернизационных установок, чем респонденты, проживающие в сельских районах. Это тенденция, общая для всех стран-участниц, однако интенсивность различий меняется от страны к стране. Так, в Швеции носителей консервативных установок среди сельских жителей лишь на 2% больше, чем среди горожан (9 к 7%), в Норвегии — на 8% (14 к 6%), а на Филиппинах — на 29% (95 к 66%).

Возраст — еще одна ось стратификации. Представители старших возрастов в большей степени разделяют традиционные представления о семейных ролях. Тенденция является общей для всех стран за исключением Филиппин. В этой стране согласие с консервативными установками практически не зависит от возрастной группы.

Таблица 3. Доля сторонников консервативных установок в зависимости от возраста, %

Моложе 25 лет	26—40 лет	41—55 лет	старше 56 лет
71	72	72	72

Гендерные различия также прослеживаются практически во всех странах: мужчины в большей степени поддерживают консервативные представления о семейных ролях, чем представительницы прекрасного пола. Но если в Дании, Нидерландах, Швейцарии доли носителей консервативных установок среди мужчин и женщин различаются лишь на 3%, то во Франции эта разница составляет 14% — это самое большое различие среди всех стран, участвовавших в исследовании. Не укладываются в общую тенденцию только Филиппины — здесь сторонниками представления о традиционных семейных ролях являются 72% мужчин и такой же процент женщин.

Семейное положение респондентов также оказывает влияние на их отношение к гендерным ролям — не состоявшие в браке гораздо чаще являются носителями современных установок, чем вдовцы. Но, можно предположить, что подобное распределение ответов определяется влиянием третьей

переменной — возраста. К сожалению, данные не позволяют элиминировать это влияние и дать однозначный ответ.

Заметное влияние на степень согласия с традиционным распределением семейных ролей оказывает размер семьи: чем больше число детей, тем выше доля приверженцев консервативных установок. Например, в США в семьях с числом детей менее трех респонденты чаще склоняются к мнению, что женщине совсем не обязательно проводить все время в домашних хлопотах; примерно 22% ответивших полагают, что дело жены — вести домашнее хозяйство. В семьях, где детей больше четырех, доля консервативных установок начинает расти.

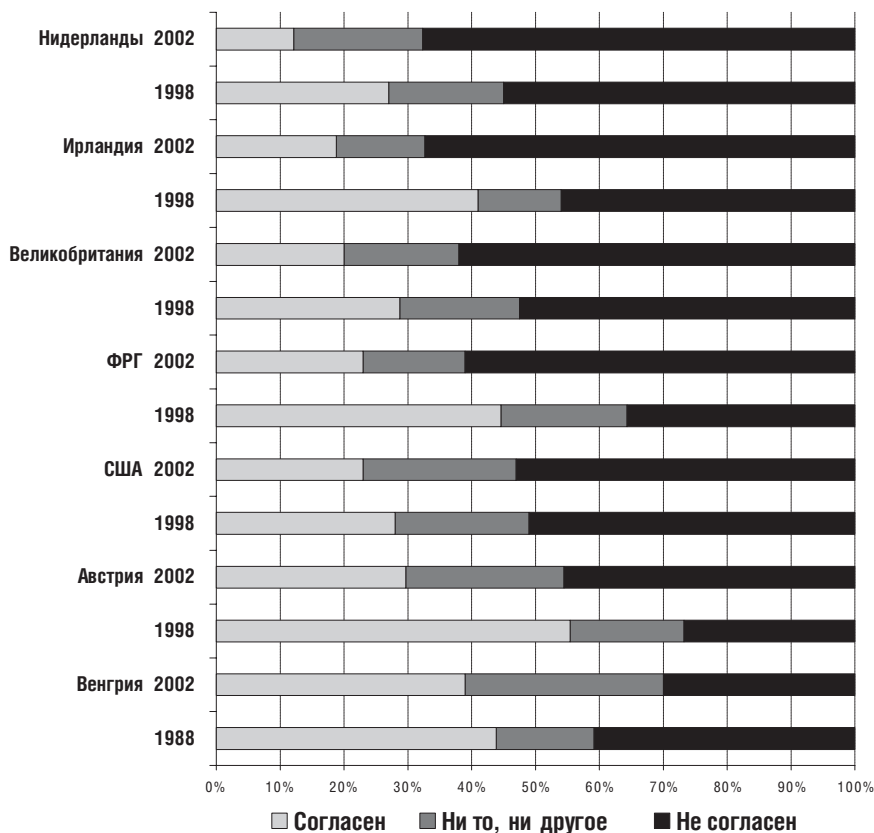
Таблица 3. Доля сторонников консервативных установок в зависимости от числа детей в семье, %

4 ребенка в семье	5 детей в семье	6 детей в семье	7 детей в семье	8 и более детей в семье
26	35	40	43	67

Важную роль в процессе формирования современных установок играет образование. Так, в Бразилии, где в целом уровень согласия с традиционными представлениями о семейных ролях составляет 49%, поддержка этих установок среди тех, кто не получил образования, достигает 74%, тогда как среди респондентов, имеющих университетский диплом, она составляет лишь 14%.

Рис. 4.

Степень согласия с установкой «дело мужа — зарабатывать деньги, а дело жены — вести домашнее хозяйство», динамика во времени

Модули ISSP, помимо межстрановых сравнений, позволяют проследить динамику установок во времени. На рис. 4 показано, как изменилось мнение населения в странах, принимавших участие в двух волнах исследования в 1988 и в 2002 г. Число носителей традиционных установок сократилось везде (в Ирландии, ФРГ, Австрии — более чем на 20%). Динамика тех, кто консервативные установки не разделяет, не так однородна. Так, в Венгрии, в отличие от других стран, доля тех, кто не согласен, что женский удел — домашнее хозяйство, не выросла, а сократилась. При этом более чем в 2 раза выросло число тех, кто не может сформулировать свое отношение к этой установке.

Завершая изложенный выше несложный (скорее иллюстративный) анализ данных, авторы хотели бы уточнить, что целью их являлось не столько получение глубоких аналитических результатов, сколько привлечение внимания читателей к новому ресурсу, дающему уникальную возможность для исследовательской работы. Исследований, позволяющих осуществлять достоверные межстрановые сравнения, не много в практике социологических опросов — это слишком ресурсоемкие проекты. Тем важнее уникальная возможность использовать данные ISSP, позволяющие зафиксировать и сопоставить фазы протекания социальных процессов в различных странах. Единый архив такую возможность предоставляет.

Сведения об авторах

Белецкая А.В.	сотрудник Архивной программы Независимого института социальной политики
Дубин Б.В.	руководитель Отдела социально-политических исследований Аналитического центра Юрия Левыды
Захаров С.В.	к.э.н., зав. лабораторией Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН
Косова Л.Б.	к.т.н., директор Архивной программы Независимого института социальной политики
Клячко Т.Л.	к.э.н., Академия народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации, Директор Центра экономики непрерывного образования
Левина М.И.	к.ю.н., старший научный сотрудник Института государства и права РАН
Малева Т.М.	к.э.н., директор Независимого института социальной политики
Письменная Е.Е.	к.п.н., доцент, Российский университет дружбы народов
Пишняк А.И.	к.соц.н., старший научный сотрудник Независимого института социальной политики
Ронсен М.	научный сотрудник Отдела социальных и демографических исследований Норвежского комитета по статистике [Division for Social and Demographic Research, Statistics Norway]
Рощина Я.М.	к.э.н., доцент кафедры экономической социологии ГУ ВШЭ
Рязанцев С.В.	д.э.н., профессор, зав. отделом социальной демографии Института социально-политических исследований РАН
Синявская О.В.	к.э.н., зам. директора Независимого института социальной политики
Эспин-Андерсен Г.	профессор университета Помпеу-Фабра (Барселона, Испания)

Аннотации к статьям

Г. Эспин-Андерсен

СНОВА НА ПУТИ К ХОРОШЕМУ ОБЩЕСТВУ?

Предлагаемая работа представляет собой первую главу книги под редакцией Г. Эспин-Андерсена «Зачем нам новое государство благосостояния?» (2002). Мы живем в эпоху, когда соперничающие силы вновь предлагают свои проекты «хорошего общества». По мере усиления взаимозависимости и интеграции европейских стран призывы к перестройке системы социального обеспечения неизбежно становятся более глобальными и межгосударственными. И во всей Европе дальнейшая работоспособность существующей доктрины государства всеобщего благосостояния оказалась под вопросом. В работе обсуждаются предпосылки создания новой и более реалистичной модели социального обеспечения, принципы социальной справедливости, ставится вопрос о пересмотре общественного договора. По мнению авторов, стратегия инвестиций в социальную сферу будет эффективной лишь при выполнении таких условий, как минимизация бедности и наличие гарантированного дохода. Отдельное внимание в работе уделяется вопросу поиска адекватной методологии — такой, которая фокусировалась бы на динамических аспектах ситуации.

С.В. Захаров

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭФФЕКТА МЕР СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ В 1980-Х гг.

Анализ отечественного опыта проведения активной политики по отношению к семье имеет важное значение для оценки возможного демографического эффекта новых мер и возможных социальных последствий от их введения в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Российское государство сегодня принимает на себя повышенные обязательства в отношении задач повышения рождаемости со всеми возможными социальными последствиями. Не окажется ли, что для общества в целом социально-экономическая цена желаемого демографического результата, если он и будет достигнут, окажется слишком высокой? Работа ограничена рассмотрением демографических аспектов результатов семейной политики 1980-х гг. На основе данных репрезентативного на национальном уровне обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (2004 г.), а также макростатистических данных (переписей населения, текущей регистрации рождений) автор обращается к анализу следующих проблем: общий тренд изменения рождаемости условных и реальных поколений в России в 1981—1990 гг.; изменения итоговой рождаемости в трех проекциях: возраст, когорта по году рождения, календарный год; изменения вероятностей увеличения семьи: насколько увеличилось число женщин с двумя и тремя детьми; оценка сокращения интервалов времени между рождением детей у матери; изменения вероятности рождения очередного ребенка в зависимости от типа поселения и уровня образования.

Т.М. Малева, О.В. Синявская

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ: ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ И ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Главной проблемой современной демографической ситуации в России является беспрецедентно низкая рождаемость. В чем состоят главные причины сокращения рождаемости — в изменении общих социальных ценностей и, в том числе потребности иметь детей, или же в существовании барьеров, которые не позволяют людям реализовать их репродуктивные планы? Одним из способов приблизиться к ответу на этот вопрос является изучение неслучайных отклонений в индивидуальном поведении относительно господствующей социальной нормы в различных социально-экономических группах. В предлагаемой статье это делается на основе сопоставления реального репродуктивного поведения людей и их репродуктивных намерений. Опираясь на данные репрезентативного для всего населения России выборочного обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (2004), авторы оценивают влияние на рождаемость факторов различной природы — демографических, экономических, социальных, культурных и пр.

Я.М. Рощина

МОДЕЛИРОВАНИЕ ФАКТОРОВ СКЛОННОСТИ СЕМЬИ К РОЖДЕНИЮ РЕБЕНКА В РОССИИ

The Важнейшей демографической проблемой России периода реформ является депопуляция, т. е. абсолютное сокращение численности населения. Причин депопуляции в России две: резкое сокращение рождаемости и рост смертности. Возможно ли вообще и, если да, то каким образом воздействовать на демографическое поведение людей? Автор начинает с обзора теоретических основ и эмпирических результатов экономического анализа фертильного поведения. Описывается эмпирическая модель фертильного поведения. В основной части статьи автор обращается к анализу ключевых тенденций рождаемости в России. Для построения эмпирических моделей используются данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) за 1994—2003 гг. Оцениваются регрессионные модели решения о рождении ребенка. В заключение обсуждаются меры социальной политики в области рождаемости.

М. Ронсен

РОЖДАЕМОСТЬ И СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА В НОРВЕГИИ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТЕНДЕНЦИЯХ И ВОЗМОЖНЫХ СВЯЗЯХ

Уровень рождаемости ниже уровня замещения во многих странах привел к возрождению интереса общества к политике, которая побуждала бы население иметь больше детей. В качестве примера в этом отношении иногда приводят скандинавские страны, поскольку уровень рождаемости в них остается относительно высоким — несмотря на очень высокий уровень участия женщин в рабочей силе. Поэтому ключевым остается вопрос о том, есть ли связь между щедрой государственной политикой, помогающей одновременно воспитывать детей и продолжать работать, с одной стороны, и рождаемостью — с другой. Используя данные имеющихся ис-

следований, автор демонстрирует на примере Норвегии, что щедрая семейная политика может быть необходимым, но отнюдь не достаточным условием для поддержания рождаемости на приемлемом уровне. В частности, как показывает спад уровня рождаемости в Швеции в середине 1990-х годов, негативное влияние оказывают неблагоприятные макроэкономические условия и рост безработицы.

С.В. Рязанцев, Е.Е. Письменная

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИИ

В фокусе данного исследования — международная миграция в Россию, ее тенденции и роль для социально-экономического и демографического развития государства. Авторы начинают с анализа проблем учета международной миграции в Россию: по их оценке, данное направление представляет собой «айсберг», в статистике «не виден» целый массив международных мигрантов. Главный недостаток российской статистики по международной миграции — отсутствие целостной системы учета международных мигрантов. Есть также и «подводная», т. е. абсолютная невидимая с точки зрения статистического учета, часть международной миграции — ее нелегальная составляющая. Далее в работе рассматриваются динамика и масштабы международной миграции на постоянное место жительства, а также трудовой миграции в Россию. Анализируются противоречия современной миграционной политики России. В заключение обсуждаются потенциал миграции и приоритетные направления миграционной политики России.

Т.Л. Клячко

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В 2000—2005 гг.

В статье, имеющей обзорный характер, автор последовательно освещает различные аспекты развития российской системы образования. Начав с характеристики изменений в уровне образования населения и в системе образования, автор переходит к анализу политики финансирования образования, в том числе рассматривается реформа межбюджетных отношений и ее влияние на региональную дифференциацию финансирования образования. Приводятся данные о расходах населения на образование. Наконец, описываются структурные изменения в системе образования: дифференциация системы образования по линиям «массовое — элитное», «общее — специальное».

А.И. Пишняк

ИССЛЕДОВАНИЕ СТИЛЕЙ ЖИЗНИ: ПСИХОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

На основе мониторинга стиля жизни и потребления — «Российский индекс целевых групп» (R-TGI) за 2000 г. автор предпринимает попытку построения психографической типологии респондентов по стилю жизни. Для получения результатов использовался блок оценочных суждений мониторинга, касающийся привычек и установок респондентов. На базе су-

ждений были выявлены психографические факторы, характеризующие основные «скрытые» психографические переменные, которые, в свою очередь, легли в основу классификации респондентов по стилю жизни. Выявлены восемь основных линий поведения. Полученные группы характеризуются определенными социально-демографическими признаками, и вошедшим в эти группы опрошенным присущ определенный стиль поведения и мышления.

Summaries

G. Esping-Andersen

TOWARDS THE GOOD SOCIETY, ONCE AGAIN?

The reader is offered a translation of the introductory chapter from the book «Why Do We Need a New Welfare State» edited by G. Esping-Andersen (2002). We live in an era in which rival forces, once again, promote their blueprints for a Good Society. As national interdependencies strengthen and as European integration moves ahead, the advocacy for a new welfare architecture inevitably becomes more global and pan-national. Hence, the noticeable intensification of an EU-wide social debate in recent years. The paper discusses assumptions of creation of a new, more realistic welfare model, approaches the problem of social contract. A leading theme is that the minimization of poverty and income insecurity is a precondition for an effective social investment strategy. A particular attention is paid to the need for a method — one that would focus on dynamics, rather than snapshot diagnoses.

S. Zakharov

A DEMOGRAPHIC ANALYSIS OF THE EFFECT OF SOCIAL POLICY MEASURES IN RUSSIA IN THE 1980s

The Russian state has taken on extended responsibilities seeking to increase fertility, which implies certain social consequences. Can we discard the possibility that the cost of the desired demographic result, should it be achieved, will be too high for the society in general? The article is limited to an analysis of demographic aspects of the results the 1980s family policy. On the basis of nationally representative data from the *Parents and Children, Men and Women in Family and Society* survey (2004), and macro-statistical data (population censuses, registration of births), the author addresses the following problems: the general fertility trend in reference and real generations in Russia in 1981–1990; changes in total fertility in three dimensions: age, birth cohort, calendar year; changes in the probability of family extension: how much has the number of women with two and three children has grown; an evaluation of shortening intervals between births of children to a mother; changes in probability of birth of another child depending on the type of residence and level of education.

T. Maleva, O. Sinyavskaya

SOCIAL AND ECONOMIC FACTORS OF FERTILITY IN RUSSIA: EMPIRICAL RESULTS AND CHALLENGES FOR SOCIAL POLICY

The main problem of the current demographic situation in Russia consists in unprecedentedly low fertility rates. What are the main causes of the drop in fertility rates — do they have to do with changing social values in general, including the need to have children, or with the existence of barriers that do not allow people to fulfill their reproductive plans? One way to give an answer to this question is to study non-random deviations

in individual behavior as related to dominant social norms in different socio-economic groups. To do this, the authors compare real reproduction behavior of people and their reproductive intentions. On the basis of nationally representative data from the *Parents and Children, Men and Women in Family and Society* survey (2004), they evaluate influence of different factors — demographic, economic, social, cultural, etc. — on fertility.

Ya. Roshchina

MODELLING FACTORS OF FAMILY'S INCLINATION TO HAVE CHILDREN IN RUSSIA

Depopulation, i.e. an absolute decrease of population, is the most important demographic problem in transitional Russia. There are two causes of depopulation in Russia: a sharp decline in fertility rates, and a growth of mortality. Is it possible, and if yes — how, to influence people's demographic behavior? The author begins with a review of the theoretical background and empirical results of economic analysis of reproductive behavior. The main part of the article is devoted to an analysis of main fertility trends in Russia. To construct empirical models, the author uses data from the *Russian Longitudinal Monitoring Survey* for 1994—2003. She evaluates regression models of decision about giving birth to a child. In conclusion, social policy measures in the area of fertility are discussed.

M. Rønsen

FERTILITY AND FAMILY POLICY IN NORWAY: A REFLECTION ON TRENDS AND POSSIBLE CONNECTIONS

Below replacement fertility in many countries has led to a renewed public interest in policies that may encourage young people to have more children. The Nordic countries are sometimes in focus in this respect, as their fertility rates remain relatively high in spite of very high female labour force participation. The key question is therefore whether there is a connection between generous public policies that facilitate childbearing and employment, and fertility. Using Norway as example and reviewing existing research evidence I conclude that generous family policies may be necessary, but not sufficient, to sustain fertility at a reasonable level. In particular, adverse macroeconomic conditions and rising unemployment have counteracting effects, as demonstrated by falling fertility rates in Sweden in the mid-1990s.

S. Ryazantsev, E. Pismennaya

THE ROLE OF INTERNATIONAL MIGRATION IN DEMOGRAPHIC AND SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA

The study focuses on international migration to Russia, its trends and role for socio-economic and demographic development of the state. The authors begin with an analysis of the problems of accounting/registering of international migration to Russia: by their estimations, this sphere is rather an «iceberg», as statistics overlooks a whole segment of international migrants. The main weakness of the Russian statistics on international migration is the absence of an integrated system of registration of international migrants. There is also the

«underwater», i.e. absolutely invisible in terms of statistical accounting, part of international migration — its illegal component. Then the authors consider dynamics and scale of international migration to permanent residence to Russia and labor migration. Contradictions of the existing migration policy in Russia are analysed. To conclude with, the authors discuss the migration potential and priority directions of migration policy in Russia.

T. Klyachko

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN EDUCATION SYSTEM IN 2000—2005

In this review, the author describes, one after another, various aspects of development of the Russian education system. Beginning with changes in the level of education of the population, the author proceeds to an analysis of the policy of higher education financing, including the reform of inter-budget relations and its consequences for the regional differentiation of education financing. She provides data on population expenditures on education. Finally, structural changes in the system of education are described: differentiation of education along the lines of «mass — elite», «general — specialized».

A. Pishniak

A STUDY OF LIFE-STYLES: PSYCHOGRAPHY IN SOCIOLOGICAL RESEARCH

On the basis of the monitoring of life-styles and consumption *The Russian Target Groups Index* (R-TGI) for 2000, the author attempts to construct a psychographic typology of respondents by their life-styles. The section of the monitoring was used that describes habits and attitudes of the respondents. On the basis of their opinions, psychographic factors were identified that characterize the main latent variables, which, in their turn, were used to classify respondents by their life-styles. Eight behavior patterns were singled out. The groups identified have particular socio-demographic characteristics, and their members demonstrate a particular behavior and way of thinking.

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

ТОМ 4 · № 6 · НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ · 2006

БИТВА ЗА НЕДРА: СЕГОДНЯ И ЗАВТРА
ЖАК САПИР, ТАТЬЯНА РОМАНОВА, ВЛАДИМИР МИЛОВ

•
РИЧАРД ХААС
Новый Ближний Восток

•
ВАЛЕРИЙ ЗОРЬКИН
Спецслужбы, полиция и права человека

•
ЛЕОНИД ГРИГОРЬЕВ, МАРСЕЛЬ САЛИХОВ
После СССР: трудности перехода

•
ИВАН САФРАНЧУК
Аудит российской внешней политики

•
САМОУТВЕРЖДЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

АНДЕРС ОСЛУНД, СТИВЕН ЛАРРАБИ,
ТООМАС ХЕНДРИК ИЛЬВЕС, ИЛИЯН ВАСИЛЕВ

ПРИ УЧАСТИИ

FOREIGN AFFAIRS

**«Россия в глобальной политике» — журнал для тех,
кто избегает стереотипов.**

Независимое издание о российской внешней политике и о международном развитии. Непредвзятый взгляд на мир. Трезвый подход и компетентный анализ.

Выходит шесть раз в год.
Подписные индексы в каталоге «Роспечати»:
46708, 46709, 46710

Телефон редакции: (495) 980 73 53

SPERO.
Социальная политика:
экспертиза, рекомендации, обзоры

№ 5

Осень — Зима 2006

Корректор *Е.Е. Андреева*
Компьютерная верстка *Т.В. Максимова*

Подписано в печать 18.12.2006. Формат 70x108 ¹/₁₆.
Гарнитура Ньютон. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 15,5. Тираж 300 экз. Заказ № 1463.

Подготовлено к печати издательством «Поматур».
Отпечатано в типографии ООО «Информ-Право»